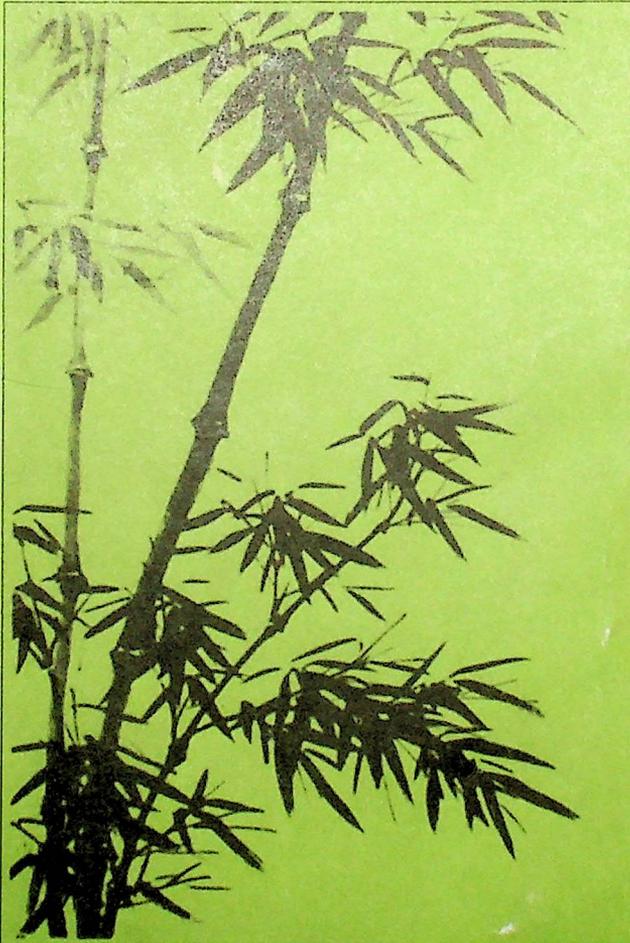

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 4/2004

Внутренняя и внешняя политика
нынешнего руководства КНР

Российско-китайские отношения:
мифы и реальность

Китайский фактор
в общественном сознании россиян

“Феномен Чжан Учана”

Россия-Вьетнам: новый этап
экономического сотрудничества

10 2004

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

4 / 2004

Июль - Август

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Первый год нового руководства КНР: итоги, проблемы, перспективы (окончание)..... 6

ПОЛИТИКА

О.Литвинов. Обновление социальной структуры и политической системы КНР..... 36

Л.Гудошников, В.Поляков. Развитие конституционного права Китайской Народной Республики (1988-2004 гг.)..... 47

А.Волохова. Китайские политологи об отношениях между КНР и Пакистаном на современной этапе..... 53

Н.Анисимцев. Информационное обеспечение государственно-административного управления современной Японии..... 59

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

В.Ларин. Китайский фактор в общественном сознании российского приграничья: срез 2003 года..... 66

ЭКОНОМИКА

О.Борох. "Феномен Чжан Учана": споры вокруг гонконгского экономиста в КНР..... 85

М.Тригубенко. Российско-вьетнамское экономическое сотрудничество: преодоление торможения..... 104

© Российская академия наук, 2004 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2004 г.

ИСТОРИЯ

- С.Гончаров, Ли Даньхуэй.* О “территориальных претензиях” и “неравноправных договорах” в российско-китайских отношениях: мифы и реальность. (Комментарий академика С.Л.Тихвинского)..... 117

ФИЛОСОФИЯ

- Лян Шумин.* В чем специфика китайской культуры? (Перевод с китайского и предисловие А.Калкаевой)..... 131

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ “ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ”

- Н.Боревская.* Педагогическая мысль в контексте китайской культуры..... 142

КУЛЬТУРА

- О.Железняк.* Россия и Япония: некоторые аспекты культурного обмена в эпоху глобализации..... 149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А.Карнеев.* Встреча с Президентом АН Китая Лу Юнсяном..... 159
О.Борох, А.Ломанов. Ху Аньган — Почетный доктор ИДВ РАН..... 161
В.Портяков. На конференции в Дании по проблемам зарубежных китайцев..... 163
А.Коробова. Конференция к столетию со дня рождения Ба Цзиня..... 166

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- Г.Куликова.* 100-летие со дня рождения Дэн Сяопина..... 169

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

- В.Дацьишен.* Отклик на публикацию статьи Ныровой Н.Н. 171

РЕЦЕНЗИИ

- А.Сенаторов.* Эбата Консуке. Прогноз конфликтов в мире до 2015 года..... 173
Ю.Щербанин. Россия и АСЕАН. Тематический сборник..... 179
В.Грайворонский. Белов Е.А. Барон Унгерн фон Штернберг. Биография. Идеология. Военные походы..... 181
А.Желоховцев. Китайская лирика. Золотая серия китайской литературы. Перевод, предисловие, комментарии М.Басманова..... 185
В.Гринюк. Цветова И.А. Эволюция современной партийно-политической системы Японии..... 188

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

О.Литвинов. Обновление социальной структуры и политической системы КНР

В статье рассматриваются факторы, влияющие на развитие политической системы КНР (становление рыночной экономики, изменения в социальной структуре общества, проблема прав человека) и основные этапы политической реформы в Китае с начала 1980-х гг. Особое внимание автор уделил соответствующим переменам, происходящим в стране после XVI съезда КПК и второй сессии ВСНП 10-го созыва.

Л.Гудошников, В.Поляков. Развитие конституционного права Китайской Народной Республики (1988-2004 гг.)

В статье прослеживаются наиболее значительные изменения в конституционном законодательстве КНР с момента внесения двух первых поправок в ее текст в 1988 г. до последней серии поправок 2004 г. Одновременно рассматриваются другие важные конституционно-правовые акты КНР, среди которых наибольшее значение имеют Основные законы особых административных районов КНР и Закон о правотворчестве. Развитие конституционного права, в том числе и самой Конституции, авторы рассматривают как процесс непрерывного совершенствования.

А.Волохова. Китайские политологи об отношениях между КНР и Пакистаном на современном этапе

Автор анализирует изменения в оценках политологами КНР китайско-пакистанских отношений после 1999 года и некоторые новые нюансы в их подходах к кашмирской проблеме. Отмечается существование в современной политологической литературе Китая тенденции рассматривать китайско-пакистанские отношения не только с точки зрения двусторонних межгосударственных связей, но и в плане геополитических интересов и политики КНР в Южной Азии.

Н.Анисимцев. Информационное обеспечение государственно-административного управления современной Японии

В статье исследуется система организации и функционирования государственной статистической службы Японии, виды официальных статистических обследований. На конкретном материале рассматриваются основные направления информатизации центрального аппарата министерств и управлений, уровень их компьютеризации.

В.Ларин. Китайский фактор в общественном сознании российского приграничья: срез 2003 года

В статье рассматриваются представления о современном Китае и китайцах, сложившиеся у населения российских приграничных территорий. Они базируются на данных, полученных в ходе осуществления опроса летом 2003 г.

Анализируя корни этих представлений, автор приходит к выводу о важности учета их при принятии политических и экономических решений по вопросам российско-китайских отношений и при приграничном взаимодействии двух стран.

О.Борох. “Феномен Чжан Учана”: споры вокруг гонконгского экономиста в КНР

Автор анализирует причины повышенного интереса китайской научной общественности к взглядам Чжан Учана — профессора Гонконгского университета, внесшего заметный вклад в развитие новой институциональной теории и ознакомление с ней экономистов КНР. Открытый сторонник либерализма и приватизации обрел в Китае неожиданно широкую популярность. Личность и взгляды Чжан Учана стали предметом дискуссии как в связи с надеждами на присуждение ему Нобелевской премии по экономике, так и в ответ на его резкую критику в адрес учения К.Маркса. К идеологическим защитникам социалистической модели экономики присоединились сторонники так называемого “неосновного направления” в экономической науке КНР, заявившие о неприемлемости для Китая либеральной концепции Чжан Учана. Активное обсуждение “феномена Чжан Учана” в 2002-2003 гг. дало китайским обществоведам возможность высказать свою позицию по наиболее острым проблемам развития страны.

М.Е.Тригубенко. Российско-вьетнамское экономическое сотрудничество: преодоление торможения

Автор высказывает свою позицию относительно причин резкого сворачивания российско-вьетнамского сотрудничества в период президентства Б.Ельцина и называет факторы, которые вывели связи двух стран из состояния застоя в начале XXI века. Особый акцент сделан на новые формы взаимодействия, включая военно-техническое сотрудничество, а также на важность инвестиционного сотрудничества в развитии вьетнамского нефтегазового комплекса, энергетики, высоких технологий. Автор вносит конструктивные предложения, касающиеся изменения механизма внешнеэкономических связей и предоставления особых привилегий СРВ — надежному союзнику России в Восточной Азии.

С.Гончаров, Ли Даньхуэй. О “территориальных претензиях” и “неравноправных договорах” в российско-китайских отношениях: мифы и реальность

В совместной публикации российского дипломата, ученого-китаеведа С.Н.Гончарова и профессора Пекинского университета Ли Даньхуэй на основе недавно открытых архивных материалов анализируется проблема “территориальных претензий” и “неравноправных договоров” в российско-китайских отношениях. Авторы приходят к выводу о неправомерности утверждений о территориальной неурегулированности между двумя странами, что особо подчеркивается развенчанием самой китайской стороной прозвучавшего из уст Мао Цзедуна в 1964 г. блефа о претензиях на 1,5 млн. кв. километров якобы утраченных в XIX в. китайских земель, “захваченных Россией” в результате навязанных Китаю “неравноправных договоров”.

Авторы статьи делают акцент на том, что пограничные переговоры между двумя странами окончательно сняли территориальные проблемы и поставили точку на истории с предъявлениями “исторических счетов” Китая к России.

В своем комментарии к статье академик С.Л.Тихвинский отмечает научную и политическую актуальность публикации С.Гончарова и Ли Даньхуэй и подчеркивает необходимость продолжения совместных исследований российских и китайских историков по научной разработке объективной картины отношений между Китаем и Россией, имеющих 400-летнюю историю добрососедства.

Лян Шумин. В чем специфика китайской культуры?

В предлагаемом переводе лекции одного из основоположников современного неоконфуцианства Лян Шумина говорится о месте китайской культуры в мировой истории и о ряде изначально присущих ей особенностей. Приняв троичную линейную модель исторического процесса, Лян Шумин создал китайскую модификацию цивилизационного подхода. В лекции, впервые прочитанной им в 1935 году, Лян Шумин предложил свое обоснование самоценности китайской культуры и ее особой исторической миссии.

Н.Боровская. Педагогическая мысль в контексте китайской культуры

Редакция продолжает публикацию материалов энциклопедии “Духовная культура Китая”, подготовленной к изданию в ИДВ РАН.

Читателям предлагается вводная статья и отрывки из раздела “Педагогическая мысль и образование”, который знакомит с представлениями ведущих философских школ о воспитании и природе человека, идеале личности и целях обучения, социальных функциях образования, специфике педагогического процесса и образовательных институтах традиционного Китая, а также с педагогическими концепциями и проблемами модернизации образования в новое и новейшее время.

О.Железняк. Россия и Япония: некоторые аспекты культурного обмена в эпоху глобализации

В статье говорится о важности расширения культурного обмена между двумя странами, рассматриваются его действующие направления и реальные перспективы. Автор акцентирует внимание на тех принципах, которыми руководствуются стороны в ходе осуществления такого обмена.

Круглый стол

Первый год нового руководства КНР: итоги, проблемы, перспективы

(Окончание. Начало в ПДВ № 3, 2004 г.)

От редакции. 2 апреля с.г. в редакции нашего журнала состоялось заседание "Круглого стола". В обсуждении обозначенной в заголовке темы приняли участие сотрудники Института Дальнего Востока РАН, члены редколлегии и сотрудники редакции ПДВ.

Материалы двух блоков "Круглого стола", посвященных общим оценкам ситуации и социально-экономическим проблемам КНР, были опубликованы в предыдущем номере журнала. Публикуемые здесь выступления участников дискуссии затрагивают вопросы внутренней и внешней политики нынешнего китайского руководства.

А.М.Григорьев (главный редактор ПДВ, д.и.н.). Переходим к блоку "Внутренняя политика".

А.Б.Ломанов (ведущий научный сотрудник ИДВ, д. филос. н.) остановился на проблеме баланса сил и трансформации идеологии в новом руководстве КНР. Он подчеркнул, что нынешнее руководство Китая в лице Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао пришло к власти в результате первой в истории КПК плавной и организованной передачи полномочий от старшего ("третьего") поколения лидеров. Смена власти на основании консенсуса в правящей элите стала большим политическим успехом КПК.

В результате новые лидеры обрели значительный объем формальной власти, но им еще предстоит длительная работа по продвижению в партийно-государственный аппарат своих кадров. Прежний руководитель сохранил за собой лишь часть официальных полномочий, но у него осталась возможность влиять на политику через своих выдвинутцев в высших эшелонах власти. Взаимодействие нового и старого руководства опирается не только на институциональные механизмы партийного и государственного администрирования, но и на "неформальную политику", включающую личные связи. Часть "людей Цзян Цзэминя" работала с прежним лидером в 1980-е годы в шанхайском горкоме партии. Считается, что в нынешнем составе ПК ПБ ЦК КПК ближе всего к прежнему руководителю стоят Цзэн Цинхун, Жуан Цзюй и Цзя Цинлинь.

Голосование депутатов ВСНП и членов НПКСК при перераспределении государственных должностей в марте 2003 г. выявило явное смещение симпатий в сторону тандема Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао. Новому председателю КНР Ху Цзиньтао депутаты выдали большой кредит доверия — за него пода-

ли 2937 голосов (99,76%). Протеже Цзян Цзэминя Цзэн Цинхун получил при выдвижении на пост заместителя председателя КНР лишь 2578 голосов (87,54%) — 177 депутатов проголосовали “против” и 190 воздержались. При избрании самого Цзян Цзэминя на пост председателя ЦВС КНР 98 депутатов проголосовали “против” и 122 воздержались. Поддержка на уровне 92,53% выглядела недостаточно убедительной для политика, заявившего о себе с трибуны XVI съезда как о руководителе Китая на протяжении самого успешного периода в развитии страны за последние десятилетия. Похожими были результаты голосования по избранию на пост председателя ВК НПКСК Цзя Цинлиня — он набрал 92,77% голосов, из 2145 членов НПКСК 79 человек проголосовали “против”, 76 воздержались. По контрасту можно указать на результаты голосования по выдвижению на пост премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, заручившегося поддержкой 99,35% депутатов ВСНП.

Сразу же после прихода к власти новые руководители столкнулись с эпидемией атипичной пневмонии. 20 апреля 2003 г. они приняли решение об увольнении министра здравоохранения Чжан Вэнькана, бывшего военного медика и личного врача Цзян Цзэминя. Одновременно Ху Цзиньтао пожертвовал своим протеже, сняв с должности им же назначенного мэра Пекина Мэн Сюэнуна. Решение наказать лиц, ответственных за сокрытие данных о подлинных масштабах эпидемии, и обнародовать правду о ситуации было позитивно воспринято как внутри Китая, так и за пределами страны.

Открытость в сообщении об эпидемии переросла в столь же беспрецедентное информирование о трагедии, произошедшей в подчиненных Цзян Цзэминю вооруженных силах. В нарушение традиции замалчивания информации о военных происшествиях китайские СМИ опубликовали сведения о гибели в результате технической неисправности 3 мая 2003 г. экипажа дизельной лодки ВМС НОАК.

Следующим испытанием для новых руководителей стала масштабная демонстрация в Гонконге 1 июля 2003 г. Более полумиллиона человек вышли на улицы, чтобы выразить несогласие с планом властей дополнить основной закон САР положением о борьбе с подрывной деятельностью. Изменение закона было отложено, однако проблема Гонконга осталась острой. С ноября 2003 г. за работу на этом направлении отвечает Цзэн Цинхун. Для него это не только дополнительные полномочия, но и серьезная ответственность. Китайские власти реагируют на попытки гонконгских демократов ускорить введение в САР системы прямых всеобщих выборов главы администрации и местного законодательного собрания жесткими заявлениями о необходимости согласовывать все шаги такого рода с центральными властями. Нынешняя жесткая политика продвижения к власти исключительно гонконгских “патриотов” (термин из речи Дэн Сяопина двадцатилетней давности, опубликованной в начале 2004 г.) может усилить напряженность и вызвать новые протесты.

Усилия новых властей по борьбе с коррупцией были успешными лишь отчасти. В конце мая 2003 г. был помещен под домашний арест крупный бизнесмен Чжоу Чжэнъи, создавший состояние на операциях с шанхайской недвижимостью в 1990-е гг. Журнал “Форбс” назвал его 11-м богачом Китая, оценив его состояние на конец 2002 года в 320 млн долл. США. Вокруг Чжоу Чжэнъи начал разгораться скандал с участием тысяч горожан, обвинивших бизнесмена в незаконном изъятии их домов для коммерческой застройки территории в сговоре с местным начальством. Расследование махинаций Чжоу Чжэнъи было остановлено в тот момент, когда в орбиту следствия могли попасть шанхайские руководители и, в частности, бывший секретарь горкома Хуан Цзюй. Эта история вновь показала, что не всякое дело о коррупции расследуется в Китае одинаково быстро. Однако даже попавшая в китайские

СМИ информация об этом деле бросила тень на репутацию близкой к Цзян Цзэминю “шанхайской группировки”.

В середине февраля 2004 г были опубликованы новые положения ЦКПД КПК, направленные на усиление контроля за партийным аппаратом. “Пробные правила КПК по внутрипартийному контролю” и “Правила КПК о дисциплинарном взыскании” нацелены на сдерживание коррупции среди руководящих кадров. Важно, что китайские власти движутся от выборочных судов над попавшимися чиновниками-коррупционерами к созданию институционализованной системы по предотвращению правонарушений среди аппаратчиков, пытающихся обменять свою власть на деньги. Активная поддержка этого начинания нового руководства со стороны главы ЦКПД КПК У Гуаньчжэна служит залогом эффективной практической реализации указанных мер.

За год нахождения у власти Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао заметно упрочили свои позиции. Благодаря новым акцентам во внутренней политике им удалось снискать симпатии народных масс, на стороне новых лидеров все чаще выступают влиятельные отставные политики (Цяо Ши, Ли Жуйхуань). Вместе с тем эксперты указывают на риск увеличения разрыва между формальной и неформальной политикой, то есть между официальным руководством Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао и неофициальным руководством со стороны Цзян Цзэминя. Профессор Калифорнийского университета в Беркли Ловелл Диттмер указал на три структурные слабости “двуцентричной” схемы власти в КНР. Во-первых, она будет сдерживать радикальные реформы, поскольку преемники власти могут испытывать опасение вызвать гнев своих предшественников. Во-вторых, эта схема уязвима при кризисах, так как в случае чрезвычайных обстоятельств возникнет вопрос о том, кто должен принимать окончательное решение. В третьих, если разрыв между центрами материализуется, будь то из-за мировоззренческих расхождений или в ответ на кризис, прошлые прецеденты весомо подсказывают, что наиболее вероятным победителем будет обладатель более важной должности, что заново откроет вопрос о наследовании.

Замена новых руководителей на других “преемников” является в нынешних условиях чисто гипотетической возможностью. Это может произойти лишь в том случае, если Ху Цзиньтао совершит значительную политическую ошибку, которая приведет к тяжелым последствиям (в качестве примера можно напомнить об обстоятельствах отставки Ху Яобана и Чжао Цзыяна в 1980-е годы). Однако осторожность и взвешенность политики нового партийно-государственного лидера не дает оснований для реализации такого сценария. При этом указанное проф. Диттмером сдерживание старшим поколением радикальных начинаний в политике является, по нашему мнению, не только минусом, но и плюсом такой схемы власти. Оперативный и адекватный ответ тандема Ху — Вэня на кризисную ситуацию во время эпидемии атипичной пневмонии весной 2003 г. показал, что “двуцентричная” система не помешала принятию правильных решений.

Можно предполагать, что “двуцентричная” система прекратит существование не позднее XVII съезда КПК, намеченного на 2007 г. К тому времени Цзян Цзэминю, занимающему ныне посты председателя ВС ЦК КПК и ЦВС КНР, должен исполниться 81 год. Не исключено, что отставка Цзян Цзэминя и передача этих постов Ху Цзиньтао могут состояться и раньше. Однако это решение, как ожидается, будет сопровождаться новым согласованием интересов и выработкой компромисса между двумя “центрами”. По некоторым сведениям, Цзян Цзэминь обуславливает свою досрочную отставку в пользу Ху Цзиньтао передачей постов заместителя председателя ВС ЦК КПК и ЦВС КНР Цзэн Цинхуну.

Система власти в КНР находится в процессе институциональной эволюции, поэтому после окончательного ухода со сцены старого руководства Ху Цзиньтао вряд ли превратится в единоличного лидера по образцу Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина или Цзян Цзэминя. Если ранее в КНР говорили о лидере страны как о “ядре” руководства одного поколения, то теперь все большее хождение получает формула, согласно которой “ядро” руководства четвертого поколения, то есть поколения Ху — Вэнь, будет коллективным и впредь. Внутри правящей элиты КНР более нет серьезных разногласий относительно направления и темпа экономической реформы. Что касается демократической реформы политической системы, то оба “центра” отдают себе отчет в трудности этого начинания. Пока что КПК движется лишь в сторону большей открытости решений внутри правящей верхушки, что свидетельствует об отходе от прежней модели власти одного человека в сторону более эффективной модели “демократии для элиты”.

Как уже отмечалось, практические шаги нового руководства демонстрируют стремление преодолеть унаследованный от предшественников технократический перекокс во внутренней политике и сделать ее более адекватной стоящим перед страной вызовам. Реформаторский тандем Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао выстраивает новый курс вокруг лозунга “ставить человека во главу угла” (*и жэнь вэй бэнь*). В контексте современной китайской политики новым здесь является подчеркнутый акцент на человеке. Он заметно отличается от акцента на приоритете развития “передовых производительных сил”, преобладавшего в официальной идеологии КНР в предшествующие годы.

Свою первую программную политическую речь в роли генсека ЦК КПК Ху Цзиньтао произнес в декабре 2002 г. во время посещения бывшей революционной базы в Сибайпо. Тогда в центре его выступления оказался прозвучавший более полувека назад призыв Мао Цзэдуна к партии соблюдать “две необходимости” (*лянгэ уби*) — “сохранять скромность и осторожность, не быть заносчивыми и не быть торопливыми”, “сохранять дух упорства и самоотверженности”. Однако “две необходимости” не превратились ни в дополнение к лозунгу “тройного представительства”, выдвинутого Цзян Цзэмином, ни в альтернативу этому лозунгу. Новые руководители не отвергли этот лозунг, но подвергли его кардинальной реконструкции.

“Тройное представительство” все меньше ассоциируется с именем Цзян Цзэминя, все заметнее уходит на второй план идея приема капиталистов в ряды коммунистов, громко звучавшая накануне и во время XVI съезда КПК: партия обосновывала сближение с частными предпринимателями тем, что они являются организаторами “передовых производительных сил”, требование развития которых и выражает КПК. В обновленной трактовке “тройного представительства” Ху Цзиньтао переставил на первое место призыв к выражению “коренных интересов широких народных масс”, следовавший у Цзян Цзэминя на третьем месте после упоминаний о производительных силах и культуре. К новым идеологическим акцентам можно отнести и заявление Ху Цзиньтао о том, что сущностью “тройного представительства” является “установление партии для всех” (*ли дан вэй гун*) и “осуществление правления для народа” (*чжи чжэнь вэй минь*).

Хотя премьер Вэнь Цзябао заметно усилил социальную направленность китайских реформ, заметны его попытки уклониться от использования привычной коммунистической риторики. Наиболее показательны его заявления на пресс-конференциях 2003 и 2004 гг., проходивших по завершению работы сессий ВСНП, когда Вэнь Цзябао давал свои метафорические определения социализма через сравнения с морем и горой. Так, сравнивая социализм с огромным морем, которое вбирает в себя воды и потому становится огромным, он подчеркивал, что лишь вобрав в себя все достижения передовой цивилизации мира,

социализм сможет обеспечить собственное развитие. Проводя параллель социализма с высокой горой, которая вбирает камни и потому становится высокой, премьер утверждал, что только через непрерывное самоурегулирование и самосовершенствование социализм может идти вперед.

Стилистика политических лозунгов Ху Цзиньтао во многом сближается с традиционной конфуцианской идеологией отношения к народу как к “основе” (*минь бэнь*), требовавшей от правителя неустанной заботы о материальной стороне жизни подданных, дабы заполучить “сердце народа” и обеспечить в государстве стабильность и гармонию. Призыв Ху Цзиньтао “использовать власть для народа, соединить чувства с народом и помышлять об интересах народа” уже получил за пределами КНР название “новых трех народных принципов” (*синь саньминьчжун*), что невольно соотносит нового китайского лидера с демократическим наследием Сунь Ятсена — автора изначальных “трех народных принципов”.

Знаковым представляется использование Ху Цзиньтао в выступлении на конференции по теории важных идей “тройного представительства” 1 июля 2003 года цитаты из Мэн-цзы — древнекитайского мыслителя, разработавшего концепцию “человеколюбивого правления”. Ху Цзиньтао процитировал следующие слова Мэн-цзы: “Если (некто) радуется радостям народа, народ радуется его радостям. Если (некто) скорбит скорбям народа, народ скорбит его скорбям”. В контексте речи эта древняя мудрость означала призыв к КПК добиваться народной поддержки (букв. “сердца народа”), потеря которой является коренной причиной заката любой политической партии, политической власти. Здесь можно увидеть намек на моральное и традиционалистское обоснование укрепления власти Ху Цзиньтао, избравшего путь заботы о нуждах простых людей.

А.Н.Карнеев (зав. отделом ПДВ, к.и.н.) заострил внимание остановился на преемственности и новых моментах в политике нынешних руководителей КНР. Анализируя события года, прошедшего с момента назначения нового руководства Китая выступавший отметил, что в целом “четвертое поколение” китайских руководителей действует в рамках той социально-политической модели, параметры которой были заданы “третьим поколением”, продолжающим сохранять контроль над важнейшими стратегическими решениями по вопросам политики страны. Размышления о “двух центрах” в зарубежной печати лишь подчеркивают то обстоятельство, что окончательная консолидация власти в руках нынешнего руководства видимо может произойти не раньше XVII съезда КПК в 2007 г.

Вместе с тем нельзя не отметить, что с момента назначения нового руководства появилось немало новых моментов, позволяющих говорить если не об отличном от прежнего курсе, то, по крайней мере, об отличающемся от прежнего *стиле* руководства и новой расстановке акцентов в рамках общей стратегии, сформулированной предшествующим поколением китайских руководителей. Возможно, необходимость конструирования нового стиля есть условие мобилизации общественной поддержки новому руководству, позиции которого с учетом реалий распределения власти пока далеки от твердых. В целом стиль Ху Цзиньтао некоторые аналитики предлагают именовать “сочувственным консерватизмом”, так как он основан на создании имиджа руководителя, подчеркивающего лояльность старшему поколению лидеров и работающего над тем, чтобы сохранить достижения предшествующего руководства, но в то же время озабоченного положением социальных групп, меньше других выигравших от экономических реформ. Ху апеллирует в целом к более консервативным социальным группам, по крайней мере не к тем, кто связан с наиболее “передовыми производительными силами”. Этой цели служили известные широко разрекламированные поездки Ху в сравнительно менее развитые город-

ские и сельские районы и встречи с простыми людьми. В этом же контексте нужно воспринимать неоднократно повторяемый Ху Цзиньтао лозунг "строить партию в общественных интересах, управлять страной ради народа" (*ли дан вэй гун, чжичжэнь вэй минь*). Пропагандистская машина партии использовала в целях развития этой темы поездки по районам многочисленных стихийных бедствий, борьбу с эпидемией нетипичной пневмонии, демонстрируя непосредственное присутствие руководителей государства "на передовой" борьбы с этим недугом, тесное общение с массами, прагматизм и решительность в принятии решений. Прагматичный имидж Ху также дополнялся требованием нового руководства относительно того, что в процессе изучения теории "тройного представительства" нельзя останавливаться на уровне лозунгов.

В рассчитанной на зарубежную аудиторию информационной политике делается еще более четкий акцент на то, что нынешнее руководство формирует новый политический стиль, заключающийся в поддержке реформ, прагматизме, любви к народу, а также в искреннем стремлении привнести рациональность и демократию в процесс принятия решений.

Перечислим ряд инициатив, предпринятых новым руководством в целях создания основы более прагматичного и "научного" подхода к работе механизма государственного управления:

Реформа Госсовета — реорганизация ряда министерств и ведомств, появление некоторых новых органов в связи с необходимостью управления процессами адаптации китайской экономики к новым процессам после вхождения КНР в ВТО; поправки в Конституцию КНР, принятые в марте с.г.; меры по развитию "внутрипартийной демократии", среди которых: периодическая публикация сведений о содержании заседаний Политбюро ЦК КПК (прецедент — сообщения о заседаниях политбюро в бытность генсеком Чжао Цзыяна в конце 1980-х гг.); публикация сведений о заседаниях ПК Политбюро; отчеты Политбюро перед избравшим его ЦК КПК; публикация сведений о заседаниях Госсовета КНР; изменения в подаче материалов главного рупора партийной пропаганды — газеты "Жэньминь жибао" (смещение центра тяжести на проблемы, возникающие на местах, более объективное изложение конкретных проблем и т.д.); установка на "научный и демократический" характер процесса принятия решений (предусматривается уделять особое внимание: 1) политическим нормам и процедурам, 2) формальным правилам, 3) институционализации отдельных элементов системы "держек и противовесов"); прекращение заседаний руководства в Бэйдайхэ (эти заседания стали традицией с 1950-х годов, когда высшие руководители страны в неформальной обстановке обсуждали на них приоритеты на предстоящий год. Ныне эти заседания рассматриваются как механизм неформального влияния не занимающих официальных постов в партии руководителей старшего поколения, как рецидив традиции непрозрачности и келейности в процессе принятия решений); повышение персональной ответственности руководителей (наиболее известные примеры повышенного внимания к этому — снятие с должностей министра здравоохранения Чжан Вэнькана и мэра Пекина Мэн Сюэнуна за упущения в борьбе с эпидемией атипичной пневмонии, а также снятие с должностей ряда руководителей ВМФ в связи с трагедией с китайской подводной лодкой).

Изменения в расстановке акцентов породили надежды на реальное осуществление более радикальных мер по реформированию политической системы, особенно в процессе дискуссий и консультаций в связи с обсуждением поправок к Конституции. Прошедшие месяцы были периодом довольно интенсивных дискуссий в академической среде, многие участники которых выступали за широкий набор мер в области политических реформ. Однако руководством было принято решение ограничить пределы обсуждений несколькими областя-

ми, такими как включение “теории тройного представительства” в преамбулу к Конституции, усиление защиты прав собственности и т.д.

В целом все большее число китайских политологов считает, что под руководством Ху Цзиньтао и премьера Вэнь Цзябао постепенно формируются основы не только отличного от прежнего политического стиля, но и обновленной стратегии развития, получившей название *Ху-Вэнь синьчжэн* — “новый курс Ху и Вэня”, который некоторые китайские авторы сравнивают с курсом президента Ф. Рузвельта в довоенной Америке. Отходя от одностороннего фокуса на преимущественное развитие приморских регионов за счет обширных внутренних территорий, от заикленности на темпах роста ВВП при недостаточном внимании к безработице и социальным проблемам, Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао подчеркивают необходимость достижения более сбалансированного в региональном аспекте экономического развития и обеспечения большей социальной справедливости.

В.Ф.Бородич (старший научный сотрудник ПДВ, к.ю.н.) также остановился на ряде новых, по его мнению, черт и шагов нового руководства.

Отметив известные факты о преобладании в высшем партийном органе КПК — Постоянном комитете Политбюро (ПК ПБ) сторонников и выдвиженцев Цзян Цзэминя и сохранении за последним положения верховного арбитра по важнейшим вопросам жизни партии, докладчик сосредоточил внимание на ряде шагов нынешних руководителей Китая, направленных на укрепление их позиций.

Он подчеркнул, что по сообщениям сянганских источников в сентябре 2003 года по инициативе Ху Цзиньтао было проведено “совещание по заслушиванию мнений”, в котором приняли участие ветераны-руководители КПК: Цяо Ши, Вань Ли, Чжу Жунцзи, Ли Пэн, Дэн Лицюнь, Сун Цзянь и др. О проведении совещания за подписью “комментатор” в рубрике “критика и самокритика” сообщалось в газете “Жэньминь жибао”.

По сообщению сянганского журнала “Кайфан”, выступивший на совещании Цяо Ши выразил недовольство решением ЦК КПК о досрочном, не дожидаясь достижения 70-летнего возраста, отправлении на пенсию Ли Жуйхуаня, которому в период работы XVI съезда КПК было 68 лет. Претензии по данному поводу он адресовал Цзэн Цинхуну, который в период подготовки съезда отвечал за подбор кандидатов в состав руководящих органов КПК. Чжу Жунцзи, по данным того же журнала, признался, что во время выборов в ПК ПБ ЦК КПК три человека не набрали положенной по уставу половины голосов “за” и были введены в состав Постоянного комитета Политбюро по настоятельной рекомендации Цзян Цзэминя, семь человек из состава членов ПБ 15-го созыва высказывались против этого решения.

Дэн Лицюнь выступил на совещании с критикой концепции “тройного представительства”, которая, по его мнению, не превосходит идеи Мао Цзэдуна о “трех стилях” (“поиска истины в фактах, тесного сплочения с массами, критики и самокритики”). Он также высказался против того, чтобы система пожизненного председательства Мао Цзэдуна в КПК и опыт пребывания Дэн Сяопина на посту Председателя Военного комитета ЦК КПК после его ухода со всех других постов, “обусловленные историческими особенностями, вызванные чрезвычайными обстоятельствами и носившие чрезвычайный характер”, принимались бы за образец.

Ху Цзиньтао, подводя итоги совещания, охарактеризовал его как один из примеров внутривластной демократии и заявил, что “новая команда” (*синь баньцзы*) “должна постоянно интересоваться мнением всех”, поэтому подобные совещания будут отныне проводиться регулярно один раз в два месяца.

Докладчик напомнил, что накануне и в дни работы 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва состоялось принятие двух важных документов КПК по вопросам контроля за деятельностью кадров и партийной дисциплины в конце 2003 г., усиления пропаганды о необходимости построения правового государства и активизации борьбы с коррупцией.

В этой связи показательна реакция на решения об усилении контроля и борьбы с коррупцией в Интернет-аудитории Китая.

Приветствуя намерение руководства КПК улучшить организацию внутривнутрипартийного контроля и дисциплинарную работу в партии, пользователи Интернета замечают, что функция контроля не должна ограничиваться партийными рамками: “Разложение носит повсеместный характер”, — пишет один из авторов, — “только внутривнутрипартийный контроль не может быть эффективным”, “самое важное — контроль народных масс”, “высшим критерием таких усилий является расследование уголовных дел”.

В.Бородич отметил, что в китайской печати стало появляться много материалов о перспективности развития Северо-Востока КНР. Открытие нового направления приложения экономических усилий, помимо экономического эффекта, может обеспечить дополнительную поддержку Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао со стороны руководителей и населения северо-восточных провинций страны.

Таким образом, становится очевидным, что Ху активно формирует базу своей поддержки как внутри руководящих центральных органов КПК, так и вне них, стремясь опереться для этого на часть ветеранов КПК, руководство бедных регионов и провинций Северо-Восточного Китая.

Одновременно он способствует формированию новой среды, в которой функционирует партийный и государственный аппарат.

Создание новой, более “прозрачной” среды для партийно-государственной номенклатуры может объективно способствовать ослаблению роли аппаратных, скрытых и полупрозрачных методов работы в КПК и государственных органах Китая.

Ю.М.Галенович (главный научный сотрудник ИДВ, д.и.н.) охарактеризовал некоторые особенности ситуации в современном китайском руководстве и в КПК с точки зрения положений новой редакции Устава Компартии Китая.

Он напомнил, что 14 ноября 2002 года XVI съезд КПК принял исправленный Устав Коммунистической партии Китая. В нем содержатся положения, определяющие роль, которую в истории КПК сыграли и играют Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь. Именно их имена вписаны в нынешний Устав КПК.

Создается впечатление, что историю КПК, таким образом, предлагается видеть как состоящую из трех периодов или эпох: эпохи Мао Цзэдуна, эпохи Дэн Сяопина и эпохи Цзян Цзэминя. Один период — один “главный представитель”. Причем это “главный представитель” всей партии, а не того или иного поколения руководителей, как это было ранее. Тезис о поколениях руководителей, о коллективном руководстве и о его ядре в Уставе 2002 г. отсутствует. Ситуация в партии в настоящее время, очевидно, такова, что говорить о поколениях — означает создавать лишние проблемы в отношениях между теми, кто реально направляет работу партии.

Наряду с двумя ушедшими из жизни “главными представителями” — Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином — в Уставе говорится о ныне здравствующем члене КПК Цзян Цзэминь. При этом Цзян Цзэминь формально не является членом Постоянного комитета Политбюро, членом Политбюро ЦК КПК и даже членом ЦК КПК. Видимо, неформальные отношения в партии и сегодня важнее формальных. Наряду с избранными на съезде партии членами ее ЦК, судя по Уставу КПК, существует “главный представитель”, авторитет которого и,

вероятно, реальная власть определяются упомянутым положением упомянутого Устава. В руках формально рядового члена партии и в то же время ее “главного представителя” Цзян Цзэминя находится власть над вооруженными силами Китая, так как он является председателем Военного совета ЦК КПК, где одним из его трех заместителей выступает генеральный секретарь ЦК КПК и председатель КНР Ху Цзиньтао.

Упоминание имени Цзян Цзэминя в Уставе КПК наряду с Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином, причем наравне с ними, ставит Цзян Цзэминя в исключительное положение ныне здравствующего “главного представителя партии”. Очевидно, что партия и страна пока действительно живут в своеобразную переходную эпоху, когда Цзян Цзэминь уже не является единственным лидером партии, а Ху Цзиньтао еще не является таким лидером.

Сохранение такого положения спустя более года после формальной “передачи власти” свидетельствует о сложности и незавершенности этого процесса, о том, что тут имеются невидимые внешнему миру проблемы, и, возможно, происходит внутренняя борьба.

Теоретическую основу деятельности партии, судя по ее Уставу, составляют три неразрывно связанных ее части — идеи Мао Цзэдуна, теория Дэн Сяопина и важные идеи “тройного представительства” Цзян Цзэминя. В то же время каждая из этих частей, как известно, имеет свои существенные отличия от двух других.

Член КПК при взгляде на Китай и на мир в целом обязан опираться, как на фундамент, на положения современного Устава КПК.

При этом оказывается, что партия предстает в одном лице, в лице своего главного представителя. Член партии, очевидно, должен сверять свою деятельность с этими тремя олицетворениями партии. Получается, что член партии должен учитывать позиции трех руководителей. Перед членами партии поставлена непростая задача, хотя на каждом этапе один из них назван “главным представителем” всей партии.

Можно обратить внимание на вопрос о том, чем должен считать свою партию каждый ее член в соответствии с ее ныне действующим уставом.

Он должен считать ее авангардом. В соответствии с Уставом, партия — тройной авангард — авангард китайского рабочего класса, авангард китайского народа, авангард китайской нации. В этом видится стремление соединить классовый взгляд на общество, с более широким взглядом, при котором принимается и понятие народа, включающее в себя все классы общества, а также и с еще более широким взглядом, при котором принимается понятие нации как, в том числе, и совокупности людей, объединенных одной кровью.

Цзян Цзэминь говорил, что кровь, объединяющая людей на китайском материке и на острове Тайвань, гуще, чем морская вода. Классовая теория и теория кровного родства, общности по крови сегодня соединяются в представлениях “главного представителя членов партии”.

КПК сегодня — это классово-народно-национальный авангард. От однородности, то есть от классовости, партия перешла к двойственности, то есть к классово-народному характеру и, наконец, по крайней мере, на сегодня, выступает уже, можно сказать, как, прежде всего, авангард нации, национальный авангард. От партии классовой к партии национальной — вот направление движения КПК.

Хотя в Уставе сохраняется положение, которое позволяет в будущем, в случае необходимости, опереться на него и вспомнить о классовой борьбе. Мы имеем в виду следующую формулировку: “В силу внутренних факторов и зарубежного влияния классовая борьба будет в определенных рамках еще долго существовать, а при известных условиях, возможно, и обостряться, но она уже перестала быть главным противоречием”.

Современный Устав КПК отражает сложность ситуации в партии и в китайском обществе в целом. При этом Устав КПК представляется рассчитанным на крутые повороты и на возможность применения тех или иных его положений в зависимости от ситуации.

Это — устав организации, которая стремится примениться к сложностям современной жизни китайского общества, приспособиться к ним, которая, в известной степени, идет за ходом событий.

КПК — самая многочисленная политическая партия в мире. И в то же время это партия, объединяющая в своих рядах самый многочисленный отряд чиновников.

В 2000 г. в партии насчитывалось 63 миллиона членов, в том числе 41 миллион составляли функционеры или работники партийно-государственного аппарата. Эта пропорция сохраняется и поныне, хотя численность партии выросла приблизительно до 66-68 миллионов человек. При этом значительная часть упомянутых чиновников коррумпирована или причастна к тому явлению, которое именуется маркетизацией власти или обменом власти на деньги. Все острее становится проблема взаимоотношений партии и массы населения страны.

Очевидно в стремлении как-то решать эту проблему новые руководители во главе с генеральным секретарем ЦК КПК Ху Цзиньтао после XVI съезда совершили паломничество по памятным местам в истории КПК.

По случаю 110-й годовщины со дня рождения Мао Цзэдуна 26 декабря 2003 г. Ху Цзиньтао выступил с речью, в которой особо подчеркивал значение деятельности Мао Цзэдуна для партии и государства и утверждал, что наследие Мао Цзэдуна — великая гордость партии, китайского народа и китайской нации, что знамя идей Мао Цзэдуна должно высоко реять вечно.

Может возникнуть предположение, что это делается в какой-то степени в противовес распространенному во времена Цзян Цзэминя прославлению Дэн Сяопина, да и самого Цзян Цзэминя.

Не исключено, что нынешнее руководство и, возможно, прежде всего, Ху Цзиньтао стремятся либо быть ближе к большинству населения, либо продемонстрировать свое желание добиться такой близости, продемонстрировать свою преданность духу перемен в интересах народных масс. Можно предположить, что этот жест имел своей целью умерить растущее недовольство людей из-за ширящегося разрыва между бедными и богатыми и возложить ответственность за это на предшественников по руководству.

По сведениям ООН, более 150 миллионов китайцев живут в вопиющей бедности, имея на жительство в день менее одного доллара. Известный экономист Ху Аньган говорил, что формулу Дэн Сяопина “одно государство — два строя (или две системы)” можно сегодня применить внутри Китая для характеристики разрыва между жизнью в бедной китайской деревне и богатых городских районах.

Экономическое неравенство также вполне очевидно в отсутствие системы медицинского страхования, в ситуации, когда государственные банки отягощены, как известно, громадными безнадежными долгами, когда жилища строятся для тех, у кого есть большие деньги, когда отсутствует политика, направленная на помощь бедным, то есть нижним слоям общества.

В обществе существует ностальгия по временам Мао Цзэдуна, и не потому, что у кого-то есть иллюзии, что жизнь тогда была лучше, а потому, что тогда, по крайней мере, было что-то похожее на равенство, пусть даже равенство в бедности. Падение нравственности, коррупция и высокомерие современных олигархов от политики и от экономики делают Мао Цзэдуна в сравнении с ними похожим на святого.

Руководители в Пекине стоят перед вызовом: они должны предпринять действия, чтобы доказать людям, что экономическое развитие будет сопровож-

даться экономической справедливостью. В отсутствие этого славословия в адрес Мао Цзэдуна могут стать катализатором протестных выступлений.

Н.Л.Мамаева (зав. сектором ИДВ, д.и.н.) в своем выступлении акцентировала внимание на реализации партийных решений в политической практике страны.

Она отметила, что на рубеже веков, и особенно после XVI съезда, КПК переживает новый этап внутривнутрипартийных преобразований, затрагивающих экономическую и социальную сферы, области политики, образования и культуры. Анализ документов и событий после XVI съезда КПК, 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва и 2-й сессии ВСНП 10-го созыва подводит к некоторым ожидаемым и неожиданным выводам, характеризующим внутривнутриполитическую ситуацию в целом.

Прежде всего хотелось бы отметить появление более эффективного, чем прежде, механизма принятия решений. Общая установка XVI съезда на сбалансированное развитие экономики, политики и культуры, принявшая предметные очертания в материалах 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва, в полной мере выводится на уровень государственной политики решениями 2-й сессии ВСНП 10-го созыва. Предусматривается первоочередное развитие социальной сферы и усиление социальной политики. Общая направленность доклада премьер-министра Госсовета КНР Вэнь Цзябао на сессии ВСНП и намеченные в нем меры по усилению социальной политики правительства во всех направлениях и сферах, особенно в деревне, воспринимаются как существенная корректура курса реформ. Новая установка "ставить человека во главу угла", как нам представляется, усиливает социалистическую ориентированность китайской модели развития. Термин "социалистическая модернизация" в докладе не только неоднократно повторяется, но акцентирован всем содержанием планов правительства на 2004 г. Думается, что это не менее важная составляющая корректив в политике развития, чем закрепление на конституционном уровне прав частной собственности.

Усиливает социалистические ориентиры политики правительства и линия на "единое и всестороннее планирование в пяти направлениях", нацеленная в первую очередь на повышение благосостояния населения.

Китай в настоящее время вступает по сути в новый "период урегулирования", содержание которого разрабатывается с учетом новых потребностей. Как правило, в прошлом китайское руководство приступало к "урегулированию" в условиях возрастания угрозы социальной и политической дестабилизации. Настоящий "период урегулирования", в отличие от предыдущих, призван в спокойной обстановке лечить болезни роста, что, с одной стороны, облегчает поиск новых решений, а с другой стороны, требует высочайшей степени ответственности при их принятии, ибо слишком велика опасность при неадекватной политике потерять достигнутое.

Вместе с тем, основные усилия концентрировались в направлении улучшения работы исполнительной власти. Эта тенденция развивалась уже после XV съезда КПК, однако с 2003 г. в партийно-правительственную политику по оптимизации системы управления страной вносятся коррективы. В комплексе мер по реформе правительства все большее внимание уделяется развитию и укреплению нормативной и законодательной основы его деятельности. При этом значительное место отводится правотворческой деятельности самого правительства, преимущественно в области нормирования социальной и социально-политической сферы, охватывающей правовые аспекты сельской миграции (проблемы регистрации), трудоустройства, социального страхования и т.д.

В свете особого внимания к реорганизации правительства, нацеленной прежде всего на создание системы мер по предупреждению коррупции и борь-

бе с ее проявлениями, важное значение приобретает партийное строительство, особенно в области развития внутривнутрипартийной демократии и кадровой политики, связанной с системой государственного управления. Напомню о двух документах ЦК КПК, датируемых 2002 и 2003 гг., и направленных на введение в нормативные рамки процесса формирования номенклатуры. Другими словами, речь идет по существу о новых инициативах, регулирующих функционирование и ротацию политического руководства.

На новый уровень поднимается формирование системы внутривнутрипартийного контроля, которая постепенно получает нормативную основу. Обращают на себя внимание опубликованные (в опытном порядке) в феврале 2004 г. "Положение о внутривнутрипартийном контроле КПК" и "Новый дисциплинарный устав КПК", которые, возможно, снимут "табу" на санкции против партийных руководителей высшего звена в случае нарушения ими партийной дисциплины. Большой резонанс в Китае и за рубежом вызвали прозвучавшие в период сессии ВСНП слова Вэнь Цзябао о том, что правительство КНР готово поставить свою деятельность под контроль ВСНП, демократических партий и общественности. Формирование системы контроля за деятельностью администрации, возможно, уже в 2004 г. получит новую законодательную базу.

Расширение сферы законодательства за счет включения в законодательное русло деятельности системы управления, то есть выход за рамки законодательного обеспечения экономической реформы, — фактор новый и весьма значительный для характеристики политических процессов. С точки зрения развития реформы политической системы имеет перспективу нормирование области взаимодействия партии и государственных органов, начало которому положено нормативными актами ЦК КПК в области кадровой и контрольной политики.

В целом оживление законотворческой работы ПК ВСНП, ВСНП и правительства КНР после XVI съезда КПК, а главное, принятие новой серии поправок к Конституции КНР отразили актуальность идей и решений съезда. Как нам представляется, Конституция КНР с поправками 2004 г. отражает специфику политической системы КНР, все еще нуждающейся в "политической опеке" КПК. Последняя, как заявляют лидеры "четвертого поколения", готова к контролю со стороны демократических партий и общественных организаций, к углублению и расширению процесса "политического участия" демократических партий, беспартийных, представителей среднего класса в принятии важных решений.

Курс на расширение социальной базы партийной и государственной политики, зафиксированный в Конституции КНР включением в ее текст идей "тройного представительства", осуществляется также путем повышения правовых гарантий сельских жителей и частной собственности. По всей вероятности, ожидавшийся после XVI съезда партии бум вступления в КПК представителей предпринимательских слоев не произошел. Новая практика внедряется очень медленно и, по некоторым данным, в опытном порядке. Процесс политического участия осуществляется по-прежнему, главным образом, в рамках консультационного диалога с демократическими партиями и беспартийными в проверенном формате единого фронта. Не случайно положение о едином фронте, усиливающее его значимость в государстве, вошло в новую редакцию Конституции КНР.

В заключение Н.Л.Мамаева отметила, что пыталась проанализировать некоторые элементы развития, не концентрируя внимания на негативных проявлениях, которых предостаточно и о которых весьма откровенно заявили на сессии ВСНП сами лидеры КНР.

По ее мнению, последняя сессия китайского парламента формировала в "период урегулирования" курс на преимущественное развитие социальной

сферы, и в меньшей степени — политической. По всей видимости, масштабные политические преобразования — дело будущего, хотя постепенное и поэтапное развитие реформы политической системы осуществляется постоянно и проявляется по ряду направлений, а также в различных формах: в собственно партийном строительстве, в реформе правительства, в новых функциях Председателя КНР, в развитии неправительственных общественных организаций и т.д. Говоря о постепенности развития политической сферы, нелишне вспомнить точку зрения Сунь Ятсена на соотношение социальных и политических факторов в жизни страны. Исходя из конкретных реалий и исторических традиций, Сунь Ятсен в 1924 г. утверждал, что для китайского общества важнее обеспечить людей пищей, одеждой и жильем, чем политическими правами и свободами. Исторические особенности развития страны и современные реалии и сегодня выдвигают на передний край проблемы социального плана, что предопределяет осторожность китайского руководства в вопросах политических преобразований. Развитие партийно-политических процессов направлено в первую очередь на оптимизацию системы управления страной, в которой значительную роль играют новые инициативы в партийном строительстве, в том числе, в области развития внутрипартийной демократии и “коллективности руководства”, а также создания системы внутрипартийного контроля.

Д.А.Смирнов (руководитель ЦСИПК, к.и.н.) остановился в своем выступлении на двух новых документах КПК, принятых в конце 2003 г. и опубликованным в начале 2004 г.

Целый ряд событий внутренней и внешнеполитической жизни последних лет укрепил китайских лидеров в понимании необходимости вовремя улавливать, правильно реагировать и направлять развитие объективных тенденций, в том числе тенденции к демократизации государства и всей общественной жизни, причем делать это крайне осторожно, тщательно изучая обстановку и, по возможности, выверяя каждый свой шаг.

Одним из последних примеров такого рода является принятие 31 декабря 2003 г. нового “Положения о внутрипартийном контроле КПК (в опытном порядке)”, опубликованного в “Жэньминь жибао” 17 февраля с.г. и изданного отдельной брошюрой. Это положение дополняется принятым тогда же новым дисциплинарным уставом КПК. Суть названных документов состоит в усилении внутрипартийного контроля и дисциплины. Указанные партийные документы в полной мере отражают такое стремление. Прежде всего подчеркивается обязанность всех членов партии, включая руководящий состав, соблюдать устав и партийные законы, а также конституцию и законы страны. В целом заметен акцент на осуществлении контроля за кадровыми работниками всех рангов и повышении их ответственности. Важно отметить, что все эти нормы контроля и ответственности распространяются в названных документах на высшее руководство КПК, включая членов Политбюро и Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. В рассматриваемых документах четко регламентируются системы внутрипартийного контроля и информации, отдельно оговаривается право меньшинства на высказывание своего мнения, даже на несогласие с решениями и политикой партии, при условии обязательного выполнения уже принятых решений и недопущения публичного их обсуждения. В документах оговаривается право партийных организаций на отзыв или замену не оправдавших себя членов партийных комитетов, говорится о защите прав членов партии, о возможности обжалования ими решений и подачи апелляции в парткомы любого уровня, вплоть до ЦК. Вместе с тем, в дисциплинарном уставе акцент сделан на политическую и организационную дисциплину членов КПК и строгую регламентацию их поведения в сфере хозяйственной деятельности, являющейся источником коррумпирования руководящих кадров всех уровней.

Здесь явно учитывается существующая обстановка, характеризующаяся широким размахом коррупции и весьма сложной идеологической ситуацией, обусловленной развитием рыночных отношений и политики открытости, трансформацией социальной структуры современного китайского общества.

Эти меры внутри правящей партии фактически совпали по времени с решениями последней сессии ВСНП, принявшей поправки к Конституции КНР, призванные привести ее в соответствие с существующей действительностью и продвинуться вперед в деле постепенной демократизации общества, предполагающей признание законной частной собственности и необходимости защиты прав человека. В том же русле можно рассматривать и конституционное закрепление концепции "тройного представительства" и положения о "политической культуре".

Отдельного разговора заслуживает проводимая в КНР огромная работа по строительству современного законодательства и нормотворчество на всех уровнях и во всех сферах жизни. Китайские обществоведы внимательно изучают исторический опыт возникновения, развития и совершенствования демократических институтов в разные эпохи и в разных странах и регионах. Примером этого служит проведенное недавно коллективом Академии общественных наук Китая под руководством ее бывшего президента Ли Теина комплексное исследование, результаты которого изложены в книге Ли Теина "О демократии", отразившей официальную позицию КПК по этому вопросу.

В целом перечисленные шаги руководителей КПК в сторону расширения демократических начал в руководстве партией и страной находятся в русле общей стратегии создания "социалистического правового государства", представляющего собой длительный процесс постепенных преобразований, соответствующих требованиям экономического развития, отвечающих потребностям социального регулирования по мере усложнения социальной структуры общества, адекватных уровню культурного развития китайской нации. В этом смысле все вышеуказанные решения можно рассматривать как развитие демократизации. Однако в общем плане, т.е. в плане возможности демократизации в том виде, в каком демократия существует в странах Запада, в России или в Индии, на сегодня такие перспективы в политике КПК не просматриваются. Вышеуказанные решения направлены на сохранение ее монополии на власть путем приспособления существующей политической системы к новым внутренним и внешним вызовам времени, совершенствования для этого всех законодательных, политических, административных, общественных механизмов, их демократизации, но строго в тех пределах, которые не дадут этим механизмам выйти из-под контроля партийной номенклатуры и поставить под угрозу существующую относительную стабильность, основанную на правлении КПК.

Г.А.Степанова (ведущий научный сотрудник ИДВ, к.и.н.) говорила о новом в НПКСК и изменениях в его уставе. Она отметила, что после XVI съезда КПК произошли изменения в составе Всекитайского комитета народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК) и в самой деятельности Совета. Существенные изменения внесены также в Устав НПКСК в ходе 2-й сессии 10-го созыва, состоявшейся в марте 2004 г. Деятельность НПКСК все активнее подключается к проведению реформ в стране и всестороннему строительству общества среднего достатка.

В марте 2003 г. на смену Ли Жуйхуаню, в течение 10 лет занимавшему пост председателя ВК НПКСК, пришел Цзя Цинлинь, незадолго до этого избранный на XVI съезде членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Наполовину обновился руководящий состав ВК НПКСК. Среди 2238 членов этого органа — наибольшего количества в истории Совета — 51% составляют новые члены.

Следует отметить также широкую представительность нового состава ВК НПКСК, весьма высокий интеллектуальный уровень его членов.

В заключительной речи Цзя Цинлиня на 1-й сессии ВК НПКСК говорилось о необходимости "руководствуясь теорией Дэн Сяопина и важными идеями "тройного представительства", всесторонне воплощать в жизнь XVI съезда КПК, добросовестно осуществлять все требования к НПКСК, выдвинутые XVI съездом, твердо отстаивать два главных направления — сплочение и демократию, действенно осуществлять функции политических консультаций, демократического контроля, участия в политической жизни и в обсуждении вопросов политики".

Сменилось также руководство Отдела единого фронта ЦК КПК, курирующего всю работу НПКСК. Занимавшего пост заведующего этим отделом Ван Чжаого сменила Лю Яньдун, исполнявшая прежде обязанности его заместителя.

На церемониях открытия и закрытия 2-й сессии ВК НПКСК, состоявшейся в марте 2004 г., по традиции присутствовали все главные партийные и государственные руководители Китая, среди которых находился Цзянь Цзэминь. Впервые за много лет с рабочим докладом на сессии выступил не заместитель председателя, а сам председатель ВК НПКСК Цзя Цинлинь.

Анализ этого доклада показывает, что НПКСК в духе XVI съезда КПК и его установок полностью подключился к проведению реформ в стране и созданию общества среднего достатка. За прошедший после 1-й сессии ВК НПКСК 10-го созыва период было особо отмечено усиление работы, связанной с "отражением настроений и мнений общества" (*шэнь цин минь и*). Канцелярией ВК НПКСК был принят специальный документ "Об улучшении информационной работы", в котором подчеркивается, что она необходима партийным и административным органам для выработки ими решений. Был начат выпуск специальных информационных изданий: в 2003 г. их было выпущено и разослано более 250. Большое внимание в докладе уделено работе над поправками к Уставу НПКСК. Отмечено расширение зарубежных связей НПКСК, который в настоящее время поддерживает их со 170 организациями из 101 государства и с восемью международными и региональными организациями. Эти связи являются важной составной частью внешнеполитической деятельности государства.

Говоря о задачах, стоящих перед НПКСК в 2004 году, Цзя Цинлинь привел слова председателя КНР Ху Цзиньтао, который, выступая на церемонии новогоднего чаепития, выразил надежду на то, что в нынешнем году "НПКСК сосредоточится на выполнении центральной задачи партии и государства, улучшит работу по проведению политических консультаций, осуществление демократического контроля, активизирует участие в политической жизни, будет и дальше совершенствовать свои прекрасные традиции, приумножать преимущества, углублять проверки и обследования, активно выдвигать инициативы, вносить новый, более весомый вклад во всестороннее строительство общества среднего достатка".

В своем докладе Цзя Цинлинь отметил, что строительство общества среднего достатка открывает перед НПКСК уникальную перспективу развертывания его деятельности и реализации имеющихся возможностей. Максимально представительный состав ВК НПКСК позволяет поддерживать самые широкие связи с различными слоями общества, глубже понимать существующие в нем проблемы, своевременно отражать общественные интересы и настроения. В докладе говорилось также о включении в состав Единого фронта по мере развития экономики страны новой общественной категории — "строителей социализма", и подчеркивалось, что важной задачей НПКСК должно стать "сплочение с новыми общественными прослойками, усиление с ними связи, постоянный приток новых сил для обеспечения всестороннего строительства общества среднего достатка". Особое внимание докладчика было обращено

на дополнительно включенный в проект Устава НПКСК пункт об обязанностях члена НПКСК и предъявляемых к нему требованиях. При этом подчеркивалось, что членство в НПКСК означает не только статус и почет, но необходимость выполнения обязанностей.

Невиданная по масштабу работа, связанная с внесением изменений в Устав, началась вскоре после 1-й сессии ВК НПКСК 10-го созыва. Необходимость таких изменений объяснялась тем, что после внесения последних поправок в Устав НПКСК в 2000 г., особенно после XVI съезда КПК, был выдвинут ряд важных теоретических положений и политических установок, которые должны были найти отражение в этом Уставе. К ним относятся, например, идея "тройного представительства", требование сбалансированного развития материальной, политической и духовной культуры, определение новых социальных прослоек, возникших в ходе общественных перемен, как строителей социализма с китайской спецификой и т.д.

Работу над поправками к Уставу НПКСК возглавила руководящая группа во главе с Цзя Цинлинем. Мнения по составленному проекту Устава были запрошены в партийных комитетах и комитетах НПКС 31 административной единицы на уровне провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, в ЦК демократических партий, у общественных организаций, беспартийных деятелей, в министерствах Госсовета и т.п. Большое внимание работе по изменению Устава НПКСК уделял ЦК КПК. Ху Цзиньтао лично заслушивал отчеты о ходе этой работы и давал свои указания. Вопрос рассматривался на заседаниях Политбюро и Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. В конце февраля 2004 г. на 4-м заседании ПК ВК НПКСК "Поправки к Уставу НПКСК" были одобрены, а 12 марта с.г. приняты на 2-й сессии ВК НПКСК 10-го созыва.

Изменения в Уставе НПКСК в определенной мере повторяют поправки к Конституции КНР, принятые на 2-й сессии ВСНП 10-го созыва в марте 2004 г. Основные изменения отмечены в преамбуле Устава, где дается характеристика состава Единого фронта и НПКСК. В частности, в характеристику Единого фронта введена новая формулировка о "строителях социализма", которая затем несколько раз повторяется в тексте. Добавлены формулировки о том, что деятельность НПКСК должна "направляться идеями марксизма-ленинизма, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и важными идеями "тройного представительства"; о "совместных усилиях в деле великого возрождения китайской нации"; о "сбалансированном развитии материальной, политической и духовной культуры". Введены дополнительные формулировки, гласящие, что "система многопартийного сотрудничества и политических консультаций является одним из основных компонентов политической системы", что Народный политический консультативный совет Китая "содействует сплочению и сотрудничеству различных партий и беспартийных деятелей, входящих в состав НПКСК, полностью выявляет и раскрывает особенности и преимущества социалистической системы политических партий нашей страны".

Помимо изменений в преамбуле, поправки внесены и в другие главы Устава. В частности, в ст. 2 введена формулировка, уточняющая одну из главных функций НПКСК — "цань чжэн и чжэн". "Участие в политической жизни и обсуждении вопросов политики — это проведение обследований и изучение важных вопросов политики, экономики, культуры и общественной жизни, отражение настроений и мнений общества, проведение консультаций и обсуждений. Выдвижение мнений и предложений Коммунистической партии Китая и государственным органам в виде докладов, предложений и проектов по итогам обследований или в других формах".

В ст. 4 добавлена формулировка “укреплять и развивать общественную собственность, стимулировать, поддерживать и направлять развитие необщественной формы собственности”.

Внесены также изменения, касающиеся политики в отношении интеллигенции, национальной политики и политики в области религии. Так, например, дополнены формулировки о том, что при проведении национальной политики НПКСК *“отстаивает и совершенствует систему национальной районной автономии, укрепляет и развивает социалистические национальные отношения равноправия, сплочения и взаимопомощи содействует общему процветанию и прогрессу всех национальностей”* (новое — курсивом).

В статью о политике в области религии введены выражения: “свобода вероисповедания”, “поддержка правительства в управлении делами религии в соответствии с законом, отстаивание принципа независимости и самостоятельности, направление деятельности таким образом, чтобы религия и социалистическое общество соответствовали друг другу”.

Дополнительно введены две формулировки относительно обязанностей и требований к членам НПКСК, а именно: “Члены ВК НПКСК и члены местных комитетов должны горячо любить Родину, поддерживать руководство КПК и дело социализма, защищать национальное сплочение и единство государства, соблюдать Конституцию и законы государства, иметь представительность в своей категории (прослойке), пользоваться влиянием в обществе и иметь способности к участию в политической жизни и обсуждению вопросов политики. Члены ВК НПКСК и члены местных комитетов должны быть тесно связаны с массами, понимать и отражать их чаяния и требования, принимать участие в заседаниях и деятельности данного комитета”.

А.А.Москалев (главный научный сотрудник ИДВ, д.и.н.) остановился на идеологических новациях в КПК. Он подчеркнул, что не следует недооценивать значения выдвинутой на XVI съезде КПК установки: неуклонно возвышать и внедрять национальный дух”. Поскольку в КНР считают, что возвышение и внедрение национального духа необходимо соединять со “строительством идеологии и стиля” партии, т.е., иначе говоря, “встраивать” это требование в комплекс базовых идей КПК, данное решение несомненно должно быть отнесено к числу ее последних идеологических новшеств (в китайской литературе по XVI съезду отмечается, что включение вопроса о национальном духе в документы КПК имеет место впервые в истории партии).

В течение 2003 и в первые месяцы 2004 г. в КНР продолжался процесс развертывания деятельности по пропаганде и разъяснению значения и роли этой установки, появились и первые публикации на ту же тему на академическом уровне, установка о возвышении и внедрении национального духа вносилась в документы органов государственной власти. Так, пункт о “возвышении и внедрении национального духа” был включен в обновленный Устав Народного политического консультативного совета Китая, принятый на 2-й сессии ВК НПКСК 10-го созыва в марте 2004 г.

Возвышение и внедрение национального духа называют в КНР “стратегической задачей”, тем самым акцентируя значимость новой установки для решения важнейших проблем современного существования и развития страны. Подчеркивается, что национальный дух обладает огромной интегративной силой, что чрезвычайно актуально для современного Китая.

Также подчеркивается, что возвышение и внедрение национального духа есть неперемнное требование усиления совокупной мощи государства, ибо национальный дух — важный структурный компонент его совокупной мощи.

Далее отмечается, что национальный дух, будучи духовной опорой нации, обеспечивает не только развитие, но и стабильность государства. Без воз-

вышения национального духа Китай может превратиться в беспорядочное скопище разрозненных песчинок (сравнение, используемое в Китае со времен Лян Цичао). Более того, возвышение и внедрение национального духа признается условием, необходимым для самого выживания китайской нации, а следовательно и китайского государства.

Поскольку свойства и функции национального духа зачастую совпадают или близки к свойствам и функциям национализма, указывается, что национальный дух, за который ныне ратует КПК, отличается от "узкого национализма". Видимо это нужно понимать как желание дистанцироваться от национализма вообще, а не только национализма "узкого".

Ядром национального духа считается патриотизм. Национальный дух — это также квинтэссенция китайской культуры, в т.ч. и традиционной. Признается необходимость включения возвышения и внедрения национального духа в процесс народного образования (на всех уровнях, начиная с детского сада). Отмечается необходимость всемерно возвышать и внедрять национальный дух через литературу, театр, кино, телевидение, музыку, хореографию...

Что же побудило КПК выдвинуть эту установку? Попытаюсь назвать некоторые причины.

Прежде всего, уместно напомнить о дискуссиях 1990-х гг. в КНР, в ходе которых делались заявления и предложения, исходившие от определенных кругов интеллигенции, в т.ч. и коммунистов, о желательности обновления идеологической базы КПК в целях укрепления ее собственной позиции и, так сказать, "легитимации" власти. В качестве идеологической альтернативы предлагался, как известно, национализм, причем, видимо, не для полной замены, а лишь для частичного "оживления" партийной ортодоксии. После того, как в КНР был снят запрет на академические исследования в области китайского национализма (*чжунго миньцзучжун*), некоторые исследователи попытались сформулировать понятие "правильного" национализма, в частности, национализма, опирающегося на известную формулу "Поднебесная — общее достояние". Ожидалось, что руководство КПК как-то прореагирует на выводы многих авторов о пользе национализма, необходимости им руководствоваться и т.п. Но, по-видимому, даже "правильный" национализм оказался неприемлем (по крайней мере формально). Возможно (это мое предположение), то, что выбор КПК пал на национальный дух (у которого граница с национализмом довольно зыбкая), представляет собой компромиссное решение, удовлетворяющее как многих приверженцев национализма в Китае, так и КПК.

Возможно также, что китайское руководство склонилось к принятию установки о национальном духе в силу настоятельной потребности в использовании новых, достаточно мощных рычагов для повышения уровня социально-политической интеграции китайского общества и той общности, которая именуется "*чжунхуа миньцзу*." В современных условиях Китая нужда в таком дополнительном "ресурсе" действительно существует. Распад СССР был очень болезненно воспринят в КНР, поток всякого рода статей китайских авторов на эту тему не прекращается и сегодня. Китай всеми силами стремится предупредить возможность повторения у себя советского сценария 1991 г.

В любом случае, выдвигание КПК установки о неуклонном возвышении национального духа представляет собой значимое событие в деле обновления идеологической базы партии.

А.М.Григорьев. Переходим к обсуждению последнего, четвертого блока — внешняя политика и внешнеэкономические связи Китая.

В.В.Михеев (зам. директора ИДВ, чл.-корр. РАН) посвятил свое выступление особенностям внешней политики КНР. Главный итог первого года прав-

ления Ху Цзиньтао — ускорение формирования новой стратегии поведения Китая на международной арене, которая отражала бы новую роль Китая в мировой экономике. Суть стратегии видится в следующем:

- переход от пассивной линии поведения, нацеленной на создание благоприятных внешних условий для внутренних реформ, к активной, призванной превратить Китай в реального участника глобальных трансформаций во внешней политике, военной политике и политике безопасности;

- переход от политики приоритетности двусторонних связей к многосторонней дипломатии;

- защита за рубежом (активная и часто агрессивная) интересов Китая, китайского бизнеса и китайских граждан.

Данной стратегии отвечает новое позиционирование Китая на международной арене.

Китай позиционирует себя как набирающая глобальную значимость сила, которая пока не уверена в своих ресурсах, и не имеет таковых, чтобы играть лидирующие роли в мировой экономике и политике, как не уверена и в выгодной для Китая реакции мирового сообщества на восхождение Китая. А отсюда и действующая, хотя и с возрастающей жесткостью (вслед за ростом стратегической мощи), но пока осторожно. Китай ищет равноправного сотрудничества с Западом в поддержании глобальной и региональной стабильности, но не готов и не желает пока брать “излишнюю” ответственность за это и лишиться торговых преимуществ “развивающегося государства”.

Экономическое развитие Китая на основе интеграции в мировую экономику, с одной стороны, формирует новые, более амбициозные глобальные интересы Китая, а с другой, вызывает ответные — и не всегда в пользу Китая — реакции со стороны мировых рыночно-демократических лидеров (США, ЕС и Япония). Эти реакции в свою очередь требуют ответных действий Китая с тем, чтобы сохранить выгодную ему внешнюю среду развития. Китай, будучи “своим” или “почти своим” рыночным демократиям в экономике, остается — и будет оставаться, пока сохраняется монополия КПК на политическую власть — “чужим” в политике. В этом состоит *глобальный вызов* мировому позиционированию Китая, от того или иного варианта ответа на который зависит мировая роль Китая.

Укрепление регионального позиционирования Китая в АТР происходит на фоне оставшегося от “холодной войны” *военно-политического дисбаланса сил* в АТР. В его основе военно-политические договоры США с Японией и Южной Кореей при отсутствии аналогичного “балансира” со стороны Китая и других стран региона. Пока этот дисбаланс будет существовать, на пути реальной интеграции Китая в АТР будут сохраняться непреодолимые препятствия.

Ведя поиск рационального пути преодоления эффекта “чужого” — но без форсирования демократических преобразований — Пекин осуществляет следующие *внешнеполитические новаторства*.

Первое — выстраивание Китаем новой линии в отношениях с США, которые рассматриваются нынешним китайским руководством в качестве главного партнера Пекина на мировой арене. На практике это означает следующее:

- *Налаживание диалога по новым угрозам*. Китай сначала настороженно отнесся к объявленной США после “11-го сентября” войне против терроризма, сказав, что будет “вести ее на своей территории”. Впоследствии, однако, Пекин изменил позицию, пойдя на интенсивное сотрудничество с Вашингтоном по линии спецслужб, обмена информацией по террористическим организациям и совместных действий по таким угрозам, как транспортировка наркотиков, торговля людьми, пиратство. По Ираку Китай, хотя и выступил против американской военной акции, однако гораздо более сдержанно, чем Франция, Германия и Россия. На саммите АТЭС в Бангкоке (октябрь 2003 г.) Пекин, преодолел

вая сопротивление ряда стран АСЕАН, не согласных с американской линией на превращение темы борьбы с терроризмом в главную тему повестки дня саммита, поддержал позицию Вашингтона, заявив, что “безопасность и экономика развиваются рука об руку”. Китай, наконец, готов присоединиться и к инициативам США мерам по нераспространению ОМУ (PSI — Proliferation Security Initiative), при условии, если удастся найти правовую базу для участия Китая. Теоретической основой современных подходов к США является новый тезис китайского руководства о “глобализации проблем безопасности”, требующей многосторонних ответных усилий. Если говорить о “компенсациях” Китаю со стороны США, то надо, наверное, упомянуть включение США двух восточно-туркестанских организаций, представляющих собой экстремистские и сепаратистские угрозы Китаю, в список террористических организаций со всеми вытекающими отсюда последствиями. А также жесткую позицию Вашингтона по Тайваню в момент обострения китайско-тайваньских отношений по проблеме “независимости” острова в конце 2003 — начале 2004 г.

- *Стремление выстроить диалог с США по проблемам стратегической стабильности и региональным конфликтам.* Китай акцентирует свои последние успехи и новые амбициозные программы в области освоения космоса и технического переоснащения вооруженных сил, давая понять Вашингтону, что заслуживает большего, если и не такого как к России, но все же повышенного внимания США к возможностям Китая в сфере поддержания стратегической стабильности. На вовлечение США в военно-стратегический диалог направлены инициативы Китая о создании диалогового формата Китай — НАТО по проблемам стратегической стабильности, по новым угрозам и по ситуации в Центральной Азии, а также идея о превращении шестисторонней встречи по Корее в постоянно действующий диалоговый формат по вопросам безопасности Восточной Азии. Китай ищет возможности военно-политического взаимодействия и военно-технического сотрудничества с НАТО и с США. При этом Пекин понимает, что создание каких-либо многосторонних военно-политических структур в Восточной Азии — даже по примеру ЕС: не вместо НАТО, а параллельно с НАТО, то есть не вместо договоров о военном сотрудничестве между США и Японией и США и Южной Кореей, а параллельно с ними — без участия США представляется невозможным. И не ставит таких целей.

- *Углубление экономического взаимодействия с США.* Пекин старается не разжигать торговые споры. Например, на давление США на курс юаня Пекин отвечает расширением закупок американской продукции, в том числе и в такой чувствительной для США сфере — на фоне усиления позиций Европы на мировом рынке авиатехники — как самолетостроение.

Второе — выстраивание, начиная с 2003 г., политического и финансового диалога с “Большой Восьмеркой”. Ху Цзиньтао в качестве специального гостя участвовал во встрече “Восьмерки” в Эвиане, а министр финансов КНР и председатель Центробанка имели неформальные контакты со своими коллегами из “Большой Семерки” в Дохе. Пока стороны присматриваются и изучают возможности друг друга, однако, это похоже, скорее, на начало диалога “Китай — Восьмерка/Семерка”, чем на неудачный “пробный шар”.

Третье — активизация роли Китая в региональных политических форумах. Пекин различает те из них, в которых он может играть “от раза к разу все более активную, но не ведущую роль”, как Региональный форум АСЕАН по проблемам безопасности (АРФ) и Форум “Азия — Европа (АСЕМ)”. И те, где его роль может быть главной и/или второй по значимости после очевидного лидера. К последней группе относятся ШОС, в работе которого Китай является фактическим “локомотивом”, в том числе и символически — штаб-квартира ШОС расположена в Пекине. А также шестисторонняя встреча по Корее, также проходящая в Пекине и, более того, вряд ли возможная без постоянного

давления Пекина на Пхеньян. При этом Пекин, следуя своей традиционной тактике "осторожности и постепенности", пока не заявляет о своем стремлении к лидерству в этих форматах, оставляя ведущие позиции в первом случае Москве, во втором — Вашингтону.

Четвертое — активизация регионального экономического сотрудничества, во-первых, в двусторонних форматах с США, Японией и Южной Кореей. Во-вторых, в рамках трехстороннего сотрудничества в СВА — с Японией и Южной Кореей. Здесь, в отличие от военно-политической сферы, Китай видит возможность выстраивания интеграционных схем и без участия США. В-третьих, в форматах "АСЕАН плюс Китай" и "АСЕАН плюс три".

И в этих новаторствах, как ответе на *вызов Китаю*, содержится уже и *вызов Китая* мировому сообществу. Запад, сталкиваясь с новой реальностью растущего и глобализирующегося Китая, объективно вынужден менять стратегию своих отношений с Пекином. Речь идет уже не о "вовлечении" Китая, а о *реактивации* на его возрастающую экономическую и политическую роль. У Запада есть два варианта ответа на китайские вызовы. Первый — сдерживать Китай, играя и усиливая роль того обстоятельства, что Китай все же продолжает оставаться "чужим" в политике. Однако со временем политику "сдерживания" будет проводить труднее: экономически "свой" Китай превращается во все более важный двигатель мирового и регионального развития, а роль Китая в отражении новых угроз, в корейском урегулировании, а также в решении других региональных проблем усиливается. Второй вариант — выстраивать новые отношения с Китаем как с равноправным военно-политическим партнером, несмотря на то, что этому и будет мешать восприятие Китая как политически "чужого". При этом объективно вариант "выстраивания новых отношений" выгоден и Китаю, и Западу.

Китай рассматривает Россию как второго, после США, "игрока" в вопросах стратегической стабильности и ракетно-ядерной сфере. Как важный источник поставки энергоресурсов, научных технологий и военно-технической — пока не преодолено эмбарго на поставки военной техники в Китай из США и ЕС — продукции. И как важный (хотя и не главный) рынок сбыта китайского производства ("челночная" торговля ширпотребом, автомобили и т.д.) и услуг рабочей силы.

В АТР Китай рассматривает Россию как неглавного игрока:

- Россия для Китая — "*партнер*" по ШОС, что открывает возможности для поиска вариантов взаимодействия с Китаем по новым угрозам в Центральной Азии;

- "*участник*" шестисторонней встречи по Корее, что обеспечивает присутствие России в этом формате, хотя и не позволяет надеется на активное участие;

- "*страна, присутствующая*" в АТЭС, что отражает реальную малозаметную роль России в этом Форуме.

Главным краткосрочным вызовом новой внешнеполитической линии Китая является тайваньская проблема. Для предотвращения оформления юридической основы тайваньской независимости в ближайшие 2-4 года Китай может пойти как на форсированное углубление отношений с США, видя именно в Америке главный фактор сдерживания процессов тайваньской независимости, так и на обострение отношений с Западом из-за Тайваня. Последнее представляется хотя и менее вероятным, но потенциально более опасным для развития Китая и внутривосточных позиций нового китайского руководства.

В.Я.Портяков (зам. директора ИДВ, д.э.н.).

Постановка на сессии ВСНП во главу угла внешней политики Китая принципа "и жэнь вэй бэнь" привлекает внимание тем, что, пожалуй, впервые

за всю историю существования КНР и внутренняя, и внешняя политика начинают базироваться на единой основополагающей идее. На традиционной пресс-конференции министр иностранных дел КНР Ли Чжаосин увязал “большее понимание, уважение и доверие к Китаю на международной арене”, завоеванное китайской дипломатией за последний год, именно с претворением в жизнь принципа “ставить во главу угла человека”. Конкретно были названы усилия по разрешению таких инцидентов, затронувших интересы китайских граждан, как пожар в Университете дружбы народов в Москве, утечка отравляющих веществ из химического оружия, оставленного Японией на территории Китая в годы войны, банкротство языковой школы для китайских студентов в Новой Зеландии, эвакуация китайцев из Ирака и Ливии накануне и во время американского вторжения в Ирак.

Во внешнеполитическом разделе доклада премьера о работе правительства приоритеты по группам стран были расставлены следующим образом: отношения с развивающимися странами, отношения с соседями, отношения с развитыми странами. Подтверждена традиционная приверженность КНР идеям многополярного мира, многообразия моделей развития, обеспечения общих выгод от процесса экономической глобализации. Декларирована решимость Пекина следовать курсом “независимой и самостоятельной внешней политики” и выступать как против гегемонизма и политики силы, так и против терроризма во всех его формах.

Более детально подход Китая к отношениям с отдельными странами и регионами был охарактеризован в ходе итоговой пресс-конференции Вэнь Цзябао и пресс-конференции Ли Чжаосина. Конкретно затрагивались, в частности, ситуация вокруг КНДР и проблема так называемых “северокорейских беженцев” (Ли Чжаосин настаивал на том, чтобы квалифицировать их как “лиц, незаконно пересекших границу”), некоторые аспекты отношений КНР с Японией, США, арабскими странами, Индией, Пакистаном.

На обеих пресс-конференциях был озвучен подход Китая к сотрудничеству с Россией. Вэнь Цзябао выделил следующие четыре принципа двусторонних китайско-российских отношений: углубление взаимопонимания и доверия на политическом уровне, укрепление торгово-экономического сотрудничества, тесные консультации по стратегическим проблемам, расширение общественных обменов. Ли Чжаосин проинформировал, что 2004 год провозглашен Годом дружбы молодежи России и Китая.

В целом рассматриваемый период, в том числе 2-я сессия ВСНП 10-го созыва, стал важным рубежом в укреплении политических позиций тандема Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао. Сессия показала, что, сохраняя официальную приверженность унаследованной от Цзян Цзэминя парадигме “тройного представительства”, нынешние лидеры Китая стремятся сделать развитие страны более сбалансированным и социально ориентированным, а ее международный облик — более привлекательным.

А.Г.Ларин (ведущий научный сотрудник ИДВ, к. филол. н.) отметил, что лицо внешней политики Китая остается прежним, поскольку сохраняется ее стержневая цель: создание благоприятной внешней среды для дальнейшего экономического подъема страны. Эта среда имеет глобальный масштаб: в разных выражениях руководители КНР подчеркивают приоритетность сопредельных государств, США и России, развивающихся стран.

В то же время некоторые черты внешнеполитического лица Китая становятся более четкими и, видимо, будут проявляться и в дальнейшем.

Во-первых, возрастает активность Китая на международной арене, что вызвано прежде всего увеличением его потребностей в сырье. Разумеется, существенную роль здесь играют и нужда в современных технологиях, и борьба

за новые рынки сбыта. Возросшее ощущение собственной силы придает деятельности Пекина напористый характер.

Во-вторых, приобретает новый размах экономическая экспансия Пекина, намеренного действовать жестко и решительно. Китайская сторона прямо говорит о расширении "сферы китайских национальных интересов".

В-третьих, отмечая, что "выход вовне" будет означать увеличение числа китайцев, работающих за границей, китайское правительство подчеркивает свою готовность твердо защищать их жизнь и интересы. В частности, в связи с известным делом на рынке "Амилар" китайская сторона характеризует свои действия не просто как протест, но как *политический* протест.

Стремление США расширить сферу своего доминирования, и особенно их экспансия в зону Среднего Востока — Центральной Азии явственно затрагивает интересы Китая. Тем не менее, в противостоянии американскому гегемонизму КНР стремится держаться позади России, предоставляя ей возможность принимать на себя большую часть американского нажима. Это вполне естественно, поскольку своим острием американская экспансия направлена прежде всего в сторону России, Китай же пока остается в тылу.

Постепенно в российско-китайских отношениях все большую роль приобретает конкуренция в различных сферах экономики. Так, КНР, приобретает у нас новые для себя виды вооружений и лицензии на их производство, после чего, слегка изменив их параметры, выступает на рынке военной продукции соперником России.

В перспективе просматривается конкуренция между Россией и Китаем за внешние инвестиции. Не исключено, что Китай вслед за США станет конкурентом России в сфере разработки и транспортировки углеводородного сырья в Средней Азии — активность в этих делах Китай проявляет уже сегодня. Многие говорят за то, что при расширении двусторонней торговли, в частности, энергоносителями, Китай будет жестко добиваться от нас снижения цен, при чем его участие в осуществлении нефтегазовых проектов может способствовать ужесточению его позиции.

В.И.Балакин (ведущий научный сотрудник ИДВ, к.ю.н.) остановился на основных направлениях внешней политики КНР в Восточной Азии. Этот регион занимает сегодня приоритетное место в стратегических планах нынешнего китайского руководства как ближайшая периферия цивилизационного ядра всемирной *ханьской ойкумены*. Здесь расположены наиболее управляемые Пекином структуры, обеспечивающие тылы конфуцианской цивилизации. Вряд ли стоит сомневаться, что нынешнее руководство КНР нацелится завоевывать командные высоты на глобальном уровне только после того как обеспечит себе действенный контроль над ближайшим окружением страны. А вот здесь у КНР есть серьезные проблемы, которые тем не менее она все равно будет пытаться решать соответствующими дипломатическими средствами.

В материалах XVI съезда КПК в самой общей форме изложена дипломатическая стратегия, которая скорее всего будет применена в восточно-азиатском регионе. В основу положен конфуцианский принцип "*разноуровневого взаимодействия*". По оценкам ряда западных экспертов, Пекином выстроена система политических координат для Восточной Азии, в которой обозначены группы принципиальных вопросов для их решения с Россией, Японией, обеими Кореями и странами АСЕАН. На российском направлении Китай нацелен решить следующие неотложные для него задачи: (1) добиться во время предстоящего в октябре с.г. визита Президента РФ в Пекин ясности по российско-китайскому экономическому, научно-техническому (прежде всего инновационному) сотрудничеству, а также сотрудничеству в инвестиционной сфере, ориентируясь на крупные приоритетные инфраструктурные проекты, связанные с

энергетикой и транспортом; (2) Китай намерен жестко очертить для России Дунбэй как наиболее желательный район с точки зрения китайско-российского сотрудничества на ближайшую перспективу и настойчиво добиваться в данной связи от России предоставления Китаю встречных преимуществ в Дальневосточном федеральном округе; (3) с тем, чтобы уравновесить грядущую активность с российской стороны китайское руководство планирует предоставить Японии аналогичную возможность участвовать в модернизации инфраструктуры Дунбэй; (4) но самым важным для Пекина в сотрудничестве с Токио, видимо, станет постепенное выдавливание России из Монголии. Китайская сторона не без оснований надеется договориться с японцами об усилении финансового давления на Улан-Батор за нарастающие долги, использовав схему, отработанную во Вьетнаме, когда фирмы тайваньской юрисдикции с японской "инвестиционной начинкой" будут последовательно занимать ключевые позиции в монгольской экономике.

Согласно отдельным сообщениям западных СМИ китайский МИД представил XVI съезду набор внешнеполитических моделей взаимоотношений практически со всеми государствами Восточной Азии. В названных моделях прописаны на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективы алгоритмы двусторонних отношений и цели, которых должна достигнуть китайская дипломатия к тому или иному сроку. Подчеркивается, что модели предусматривают варианты конкретных действий правительства КНР в конфликтных ситуациях с той или иной страной. Вряд ли стоит сомневаться, что главными региональными моделями для реализации в практической дипломатии китайского МИД всегда были и остаются российская и японская. России необходимо исходить из того, что против нее всегда будет действовать китайско-японский тандем. Для Российской Федерации плюсом было бы скорейшее формирование единого корейского государства, чего очень не хотят и Китай, и Япония. В данном вопросе у России вырисовывается лишь один потенциальный союзник — США, которые также хотели бы иметь в лице единой Кореи некий противовес Китаю и Японии.

По поступающим западным оценкам, председатель КНР Ху Цзиньтао, быстрее, чем предполагалось, набирает собственное влияние на внутрикитайском политическом Олимпе. Китайский лидер сам принимает практически все важные внешнеполитические решения. Ближайшей целью внешней политики Китая является признание великими державами лидирующей роли КНР в Восточной Азии. На самом деле, это признание сегодня необходимо Китаю лишь от Соединенных Штатов Америки, и эти расчеты представляются вполне оправданными. Американские эксперты цитируют ряд высказываний Ху Цзиньтао, которые подтверждают стремление китайских властей добиваться от США снижения военного присутствия в восточно-азиатском регионе. В КНР предвидят нарастание проблем для Вашингтона в Ираке и Афганистане и в этой связи готовы как-то "помочь" американцам в передислокации части войск из Восточной Азии на Ближний и Средний Восток.

Как говорилось выше, Восточная Азия рассматривается в Пекине как ближайшая периферия всемирной ханьской ойкумены. В значительной мере восточно-азиатская китайская диаспора является своеобразным аккумулятором инвестиционных потоков из США и Евросоюза в КНР. Новое китайское руководство уже заявило о том, что будет защищать интересы всех китайцев, независимо от страны их проживания. Это очень серьезное заявление Пекина, способное оказать значительное влияние на ситуацию именно в Восточной Азии, где хуацяо в значительной степени контролируют экономики целых государств. Подобная тенденция во внешней политике нового руководства КНР окажет влияние на Россию в том смысле, что с китайской стороны будет еще

более активизирована работа по созданию структурированной ханьской общины и в нашей стране.

Отныне внешняя политика КНР в Восточной Азии будет направлена на последовательное формирование имиджа этой страны в качестве неоспоримого регионального лидера. Нетрудно спрогнозировать, что Китай выстроит такую модель взаимоотношений с каждой из восточно-азиатских стран, которая позволяла бы Пекину получать максимальное содействие в деле устойчивого развития собственной национальной экономики. Вместе с тем в руководстве КНР меняется понимание формата национальной экономики. Это уже не только хозяйственный комплекс в границах Китайской Народной Республики, но и в перспективе экономическое пространство, на котором оперирует зарубежная китайская диаспора, для начала в региональных рамках Восточной Азии.

Важной представляется отчетливо складывающаяся тенденция содействия со стороны властей КНР формированию в России структурированной китайской диаспоры. Пока это еще первые шаги. России необходимо в кратчайшие сроки осознать на самом высоком уровне, в какой форме встретить этот вызов со стороны Китая и каким образом максимально купировать возникающие в данной связи внутри- и внешнеполитические риски.

П.Б.Каменнов (старший научный сотрудник ИДВ, к.п.н.) отметил, что военная политика Китая направлялась на обеспечение условий реализации национальной стратегии, целью которой является достижение Китаем к середине XXI века статуса великой державы, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе и равной по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи другим державам мира.

По китайским оценкам, угрозы безопасности в мире проявляются в многообразных формах и имеют глобальный характер; поэтому следует быть готовым к любым изменениям международной обстановки, в том числе и в неблагоприятном для Китая направлении.

Как следует из "Белой книги" КНР по вопросам национальной обороны — 2002, опубликованной после XVI съезда КПК, основным содержанием военной политики КНР остаются курс на укрепление обороны как необходимое условие развития экономики и увеличения совокупной национальной мощи; предотвращение и противодействие агрессии, обеспечение государственного суверенитета, территориальной целостности, безопасности страны; осуществление объединения Родины (имеется в виду решение тайваньской проблемы); пресечение вооруженной подрывной деятельности, в том числе всех форм терроризма, сепаратизма и экстремизма.

Оборонительный характер военной доктрины Китая не претерпел изменений. Вместе с тем, заявленный на съезде принцип согласованного развития военной и гражданской сфер фактически нашел свое выражение в опережающих (по сравнению с экономикой) темпах увеличения военных расходов, что свидетельствует о наметившемся переходе к ускорению темпов модернизации вооруженных сил. Так, в 2003 г. при росте ВВП на 9,1% увеличение официальных военных расходов по сравнению с 2002 г. составило 11,5% на 2004 г. последний показатель (по сравнению с 2003 г.) определен на уровне 11,6%.

Реальные военные расходы Китая, согласно анализу Стокгольмского международного института исследований проблем мира, в последние годы в среднем на 70—80% превышают официальные, а их доля в ВВП приближается к среднемировому показателю, соответствующему 3%. В 2003 г. военные расходы Китая официально составляли 22,9 млрд. долл., между тем реальные военные расходы достигли 41,0 млрд. долл. (2,9% ВВП).

В плане реализации курса на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала наибольшие усилия прилагаются для переоснаще-

ния стратегических ядерных сил в качестве средства сдерживания, а также для модернизации самолетного парка ВВС и корабельного состава военно-морских сил. Другое направление — создание на базе имеющихся соединений сухопутных войск сил “быстрого реагирования”, предназначенных для действий в локальных войнах по периметру государственной границы, а также для оказания поддержки полицейским формированиям в обеспечении внутренней безопасности и общественного порядка.

Новое руководство страны предпринимает энергичные меры по ускорению модернизации НОАК, сосредоточив внимание на внедрении и освоении современных информационных технологий как средства достижения эффективного взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск при ведении боевых действий в многомерном пространстве, охватывающем сушу, море, воздух, космос и электронную среду. Необходимые ассигнования на эти цели предполагается изыскать за счет нового сокращения численности НОАК до 2005 г. на 500 тыс. человек: с 2,4 млн. человек в настоящее время до 1,9 млн. человек главным образом за счет сухопутных войск. Сокращение сопровождается масштабными мероприятиями по реструктуризации военной системы, вытекающими из оценки опыта последней войны в Ираке.

Во время военных действий в Ираке китайские вооруженные силы были приведены в повышенную боевую готовность, а генеральным штабом НОАК было организовано наблюдение из космоса за ходом боевых действий, сбор и анализ получаемой информации. В Центральном военном совете КНР была создана “группа реагирования на войну между США и Ираком” во главе с Ху Цзиньтао, что указывает на возрастающую роль Ху Цзиньтао в деятельности ЦВС.

Сохраняется курс на продолжение военно-технического сотрудничества с Россией на основе долгосрочных соглашений. Здесь можно отметить тенденцию к расширению и углублению сотрудничества, поиску новых форм взаимодействия. Закупки российских вооружений и военной техники, а также лицензий на их производство позволили Китаю приступить к переоснащению военно-воздушных и военно-морских сил, сил противовоздушной обороны, а также — к модернизации военно-промышленного комплекса с конечной целью повышения оборонного потенциала в новых исторических условиях, характеризующихся возрастающим значением в возможной войне высоких технологий. Подтверждением усиления научного и технологического потенциала Китая стал состоявшийся в октябре 2003 г. успешный запуск первого китайского космонавта.

Исходя из характера политических заявлений китайского руководства относительно Тайваня на XVI съезде КПК (“не давать обещания отказаться от применения военной силы”, “решение тайваньской проблемы не может затягиваться до бесконечности”) можно предположить, что модернизация китайских вооруженных сил будет направлена на использование военного фактора в качестве силового аргумента в интересах решения ближайшей стратегической задачи Китая — урегулирование тайваньской проблемы.

А.Г.Ларин остановился на политическом кризисе на Тайване и его возможных последствиях. Главным событием политической жизни Тайваня стали президентские выборы 20 марта 2004 г, сопровождавшиеся проведением “оборонного референдума”. Выборы принесли победу баллотировавшемуся на второй срок президенту Чэнь Шуйбяню с ничтожным преимуществом в 0,22%; их результаты были оспорены оппозицией, добившейся пересчета голосов. Референдум был объявлен несостоявшимся, поскольку в нем участвовало менее 50% избирателей.

В любом случае остается фактом, что Чэнь набрал 50% голосов (с точностью до 1%) — существенно больше, чем на прошлых выборах в 2000 г. (39,3%). Все эти годы он проводил откровенно сепаратистскую линию, главным образом в области идеологии (заявляя, что Тайвань является суверенным госу-

дарством) и культуры (так наз. "культурный сепаратизм"). Выборы показали, что эта линия оказалась востребованной и воспринятой, несмотря на то, что она вела к обострению отношений Тайваня с материковым Китаем. У жителей острова укрепилось сознание своей "отдельности" от материка. Вероятно, в пользу Чэня сработало и то, что он расширил канал для инвестиций тайваньского капитала на материк, укрепил военное сотрудничество с США, и, наконец, продемонстрировал личные качества высококлассного публичного политика. Но, судя по всему, в повышении его рейтинга не это сыграло решающую роль.

Важной акцией сепаратистского плана стал принятый 27 ноября 2003 г. Закон о референдуме. В первоначальном виде он позволял президенту выносить на плебисцит вопросы об изменении флага, гимна, названия страны и ее Конституции. Однако под небывало угрожающие заявления Пекина он был радикально смягчен, по сути дела выхолощен Законодательной палатой Тайваня. На референдум 20 марта были вынесены вопросы пропагандистского характера, призванные поднять рейтинг Чэня, правда, вместе с тем неприятные для Пекина. (Должен ли Тайвань усилить свою ПРО, если Китай не прекратит размещение ракет и не откажется от угрозы использования силы? Согласны ли тайваньцы на переговоры Тайбэя с Пекином и создание структуры для мирного и стабильного взаимодействия с материком?). То и другое побудило оппозицию организовать оказавшийся успешным бойкот референдума. Важно, однако, что в итоге Тайвань обзавелся Законом о референдуме, т.е. еще одним признаком суверенного государства.

Таким образом, можно сказать, что обособление острова от материка несколько углубилось. Очевидно, это — результат естественного процесса, начавшегося еще два десятка лет назад: смены поколений, забвения материковых корней, осознания себя молодыми тайваньцами как отдельной от материка общности, хотя и родственной ему.

Тем не менее, перспектива провозглашения независимости острова не стала более реальной, поскольку в принципе осталось неизменным соотношение сил и интересов в треугольнике Пекин — Вашингтон — Тайбэй. Пекин недвусмысленно дал понять, что "заплатит любую цену", чтобы не допустить такого поворота событий. США в период избирательной кампании четко предостерегли от "односторонних действий" как Пекин, так и Тайбэй и, таким образом, не поддержали экстремистские поползновения Чэнь Шуйбяня. Данные Чэнем многократные заверения, что он не станет провозглашать независимость, свидетельствуют, что при всей своей решительности, он не перейдет границы допустимого. Да и Закон о референдуме не дает президенту полномочий на такой шаг, а провал "оборонного референдума" означает, что сепаратизм в его крайней форме население не поддерживает.

Силовое решение тайваньской проблемы не стало более вероятным: фундаментальные факторы, удерживавшие Пекин от применения силы до сих пор, не утратили своей роли и в настоящее время, несмотря на увеличение военного потенциала КНР. США продолжают укреплять военное сотрудничество в Тайбэем, активно предлагают, если не навязывают ему свою военную технику (тогда как, скажем, при президенте Клинтоне Тайбэй выступал в роли просителя). Тайбэй, со своей стороны, заявляет о намерении ввести в армии (как и в гражданских службах), английский язык в качестве "второго официального".

Руководители КНР явно не хотят, чтобы тайваньская проблема сорвалась в штопор. Не случайно в период избирательной кампании на Тайване они воздержались от военных маневров, подобных тем, которые имели место перед президентскими выборами 1996 г. Правда, в Пекине заявили, что могут прибегнуть к силе, если на острове возникнут беспорядки. Однако, поскольку никто на Тайване — ни правящая партия, ни оппозиция — такого вмешательст-

ва не хотят, те и другие ведут себя достаточно осторожно, чтобы не дать повода для вмешательства со стороны материка.

Следовательно, несмотря на указанные подвижки в массовом сознании и даже в политическом укладе островного общества, его статус-кво, скорее всего, сохранится.

Позиция России по тайваньскому вопросу определена абсолютно однозначно, мы рассматриваем тайваньскую проблему как внутреннее дело Китая. В то же время мы считаем предпочтительным мирный путь урегулирования проблемы, не создающий угрозу подрыва стабильности в АТР.

А.В.Островский (зам. директора ИДВ, д.э.н.) уделил в своем выступлении особое внимание внешнеэкономической деятельности КНР. Он отметил, что стремительный рост производства внутри страны (рост ВВП — 9,1%, рост ВПП — 17,0% по сравнению с предыдущим годом) во многом способствовал наращиванию экспорта и вывел Китай по этому показателю на одно из первых мест в мире. Более низкая себестоимость промышленной продукции, дешевая рабочая сила, а также более льготный инвестиционный режим по сравнению со многими странами способствуют превращению Китая в “мировой производственный цех”.

Вступление КНР в ВТО в ноябре 2001 г. влечет за собой постепенное снятие таможенных барьеров и ограничений для зарубежного импорта. Основным результатом вступления страны в ВТО явился резкий рост объема внешней торговли — с 510 млрд.ам.долл. в 2001 г. до 851,2 млрд.ам.долл. в 2003 г., по этому показателю Китай занял 4-е место в мире, уступая лишь США, ЕС и Японии. Происходит и дальнейшее увеличение объема иностранных инвестиций — с 46,9 млрд.ам.долл. в 2001 г. до 53,5 млрд.ам.долл. в 2003 г. и объема валютных резервов страны — с 212,2 млрд.ам.долл. в 2001 г. до 403,3 млрд.ам.долл. в 2003 г.

Рост объема внешней торговли хорошо коррелируется с ростом объема иностранных инвестиций. Чем больше иностранных инвестиций поступает в Китай из какой-либо страны, тем больше объем внешней торговли с этой страной. В 2003г. наибольший объем внешней торговли Китая достигнут с Японией — 133,6 млрд.ам.долл., США — 125,7 млрд.ам.долл., странами ЕС — 125,3 млрд.ам.долл., Гонконгом — 87,4 млрд.ам.долл., странами АСЕАН — 77,3 млрд.ам.долл. и Республикой Корея — 63,2 млрд.ам.долл. На этом фоне объем российско-китайской внешней торговли выглядит очень бледно — 15,7 млрд.ам.долл. — на уровне Нидерландов и, судя по объему прямых инвестиций с обеих сторон — не более 200 млн.ам.долл. в год, доля России в объеме внешней торговли КНР с каждым годом будет снижаться. Вступление Китая в ВТО дало ему право голоса в решении международных экономических вопросов и стимулировало дальнейшее развитие рыночных реформ в стране. Эти два фактора перевесили все остальные соображения.

Членство страны в ВТО будет способствовать расширению импорта, притоку иностранных инвестиций, развитию производства, уходу от дискриминационных мер США в американо-китайской торговле, росту занятости внутри страны, расширению объемов услуг, интеграции в мировую экономику.

Китаю пришлось взять на себя обязательства по отказу от протекционистских мер в отношении производимой в стране продукции, неконкурентоспособной по отношению к зарубежным аналогам, обязательства по снижению таможенных пошлин, ликвидации части внетамженных барьеров, увеличению транспарентности торговли, открытости сферы услуг, защите интеллектуальной собственности, снятию ограничений на иностранные инвестиции.

Кроме того, после вступления в ВТО Китай должен ввести ряд ограничений на экспорт своей продукции в другие страны-участницы ВТО на весь

период перехода своей торгово-экономической системы в соответствии с правилами ВТО, то есть отказаться от дотирования производства экспортной продукции. Это, безусловно, будет сдерживать рост экспорта, особенно в первые годы после вступления в ВТО.

Многие эксперты предрекали, что после вступления КНР в ВТО ряд отраслей окажется в сложном положении из-за того, что мировые цены на товары и услуги значительно ниже, чем в КНР, и после отмены протекционистских мер по защите внутреннего рынка продукция этих отраслей вряд ли сможет выдержать конкуренцию. К таким отраслям были отнесены автомобильная промышленность, фармацевтическая промышленность, производство сельскохозяйственной продукции (зерновые, мясо, овощи и др.), финансы и страхование. Вместе с тем, в Китае отмечались и отрасли, которые будут иметь преимущества и вполне способны вытянуть за собой, как локомотив, всю экономику. К таким отраслям относятся текстильная и швейная промышленность и производство бытовой электротехники, себестоимость производства продукции в которых намного ниже среднемировых показателей из-за низкой органической структуры производства, большого удельного веса ручного труда и низкой заработной платы.

Однако внешнеторговая практика 2002-2003 гг. показала, что многие отрасли промышленности, как автомобильная и фармацевтическая, начали развиваться еще более быстрыми темпами в новых условиях. Скоро китайские автомобили массами будут бегать по дорогам российского Дальнего Востока и Сибири, поскольку отпускная цена на новые китайские автомобили плюс качество сопоставима с ценами на подержанные японские автомобили и новые российские автомобили автозавода ВАЗ, учитывая транспортную составляющую. Для этого нужно только снять заградительные таможенные пошлины на импорт легковых автомобилей в Россию. Быстро растет производство текстиля, швейных изделий, бытовой техники, заполняющих рынки многих стран мира и особенно США, у которых начал стремительно расти дефицит в торговле с Китаем, составивший 58,6 млрд.ам.долл. в 2003 г.

По большей части товарных позиций себестоимость производимой продукции в КНР (как, впрочем, и на Тайване) выше, чем во многих странах мира — от нефти до станков и оборудования — в силу более высокой материалоемкости, больших затрат на транспортировку и неблагоприятного климата в большинстве китайских провинций. Поэтому многие отрасли, прежде всего, сельское хозяйство, особенно во внутренних районах, могут в условиях конкуренции на мировом рынке не выжить без государственных субсидий и протекционизма. Однако у Китая имеются и свои козыри, такие как наличие мощных финансовых структур (банки и фондовая биржа) в Гонконге, большое количество морских портов в приморских районах Китая, дешевая рабочая сила внутри страны, а также большая китайская диаспора за рубежом, с помощью которой привлекается большой объем инвестиций и обеспечиваются каналы сбыта для экспортной продукции.

Происходит постоянный рост иностранных инвестиций в Китай, причем прямые инвестиции составляют большую их часть. По различным оценкам, в период с 2006 по 2010 гг. объемы ежегодных инвестиций в экономику Китая превысят 100 млрд.ам.долл. по сравнению с 50 млрд.ам.долл. в 2002 г. На первом этапе реформ Китай давал иностранным инвесторам налоговые льготы, дешевую землю и другие стимулы, например, льготный режим налогообложения СП. Кроме того, на начальном этапе проведения "открытой политики" (конец 70-х — 80-е гг.) Китай тратил миллиарды долларов из централизованного государственного бюджета на строительство портов, дорог, гостиниц, линий оптово-волоконной связи и других объектов инфраструктуры. Сначала от иностранных инвесторов требовали, чтобы они брали себе китайского партнера.

Ограничивался объем с продаж производимой в СП продукции на внутреннем рынке. Жестко лимитировались иностранные инвестиции в ряде ключевых отраслей, таких как автомобильная, сталелитейная и телекоммуникации. Однако после вступления в ВТО эти ограничения были ослаблены, и Китай еще больше открыл свою экономику для внешнего мира.

И.П.Коркунов (ведущий научный сотрудник ИДВ, к.э.н.) остановился на проблемах, связанных с присоединением Китая к ВТО. Адаптация к уставу, правилам и нормам ВТО вносит определенные изменения в существующие законы и подзаконные акты. В 2003 г. в основном завершен пересмотр соответствующих общегосударственных правовых норм, часть которых отменена, исправлена или составлена заново. В последние два года более 30 ведомств Госсовета КНР пересмотрели порядка 2300 юридических документов, при этом 830 аннулированы, а в 325 внесены исправления. Они затрагивают вопросы торговли, торгового обслуживания, интеллектуальной собственности, инвестиций и т.п. Подобная работа проведена также на местном законодательном уровне.

Придавая огромное значение правовому строительству, Госсовет выступил с пятью законодательными предположениями, в том числе с проектом Закона о контроле и управлении банковским делом и проектом поправок к Закону о внешней торговле.

Вступление КНР в ВТО привело к изменениям в механизме управления внешнеэкономическими связями. С созданием нового Министерства коммерции КНР стала единой система управления внутренней и внешней торговлей, отрегулированы системы контроля за продовольственной и производственной безопасностью. В основном завершено реформирование правительственной структуры провинциального уровня.

Принят в новой редакции закон о внешней торговле, позволяющий сбалансировать права и обязанности отечественных производителей перед ВТО, а также более эффективно защищать их интересы на мировой арене. Правительство выступает теперь гарантом честной и упорядоченной конкуренции между ними, принимает меры для поддержания производителя в случае ущемления его прав в рамках внешнеторговой деятельности. Новый закон восполняет пробелы в юридической сфере, что позволяет национальным предприятиям эффективно защищать свои интересы и права.

Выполняя обязательства перед ВТО, Китай постепенно открывает свою банковскую сферу для иностранных финансовых учреждений. В настоящее время 60 зарубежным банкам разрешено вести в стране операции с иностранной валютой без каких-либо региональных или клиентских ограничений, в том числе 53 зарубежным банкам с суммарными активами 50 млрд. ю.

Первые результаты присоединения к ВТО оцениваются в Китае весьма позитивно. Развитие экономики шло быстрыми темпами. Значительно расширилась внешняя торговля. Общий объем импорта-экспорта превысил предыдущий год на 37,1% и составил 851 млрд. долл. А это значит, что с пятого в мире места в предыдущем году Китай передвинулся на четвертое.

Обновление социальной структуры и политической системы КНР

© 2004

О. Литвинов

Процесс строительства рыночной экономики в КНР сопровождается важными изменениями в социальной структуре китайского общества, которые начались после 1978 г., но стали особенно заметными с 1984 г., когда реформа экономической системы распространилась из деревни в город.

По мере своего развития рыночная экономика превращается в существенный фактор, оказывающий постоянное влияние на политическую систему Китая, социалистический характер которой вступает в противоречие с капиталистической по своей сути новой экономикой.

В работах известного китайского социолога и журналистки Хэ Цинлянь потребность в ускорении модернизации политической системы правомерно выводится из обновленной социальной структуры общества, возникшей в годы реформ. В 1996 г. Хэ Цинлянь завершила работу над книгой, посвященной социальным и экономическим издержкам реформы за два десятилетия. В Китае книгу печатать запретили, сочтя ее "слишком взрывоопасной". Но в 1997 г. она вышла в свет в Сянгане под названием "Ловушка для Китая" с предисловием вице-президента АОН КНР, советника Цзян Цзэминя Лю Цзили. В научных кругах Китая книгу оценили как пример беспристрастного анализа состояния современного китайского общества. В 2000 г. в Лондоне была опубликована новая статья Хэ Цинлянь, вновь привлекавшая большое внимание как на Западе, так и в самом Китае.

За годы реформы, пишет в ней автор, классовая структура китайского общества претерпела значительные изменения. "Правящий класс, отбравшийся ранее по идеологическому признаку, ныне состоит также из "богатых" и "заслуженных" людей, что существенно изменяет социальную структуру страны. Новые группы правящего класса начинают формировать поддерживающие их слои населения, общественные организации и каналы лоббирования, функционирующие за пределами системы, в свое время организованной правящей партией"¹.

Трудно не согласиться с выводом Хэ Цинлянь о том, что рабочий класс, прежде провозглашавшийся "ведущим классом", и крестьянство, именовавшееся "наполовину ведущим", занимают теперь маргинальное положение. До ре-

Литвинов Олег Васильевич, кандидат исторических наук, докторант Дипломатической академии МИД России.

формы руководство КПК монополизировало не только основные материальные, но также политические и культурные ресурсы. Создание какой-либо общественной группы, имеющей свои "независимые интересы было невозможно"². Реформа привела к постепенному перераспределению прав на обладание ресурсами. Основной формой перераспределения стало акционирование общественных активов группой лиц, обладающих властью. Огромное неравенство в перераспределении стало отправной точкой перестройки классовых отношений.

"Несмотря на то, что общая численность правящего класса, контролирующего всю массу имеющегося капитала, невелика, он обладает властью направлять политическую, экономическую и культурную жизнь страны — говорится далее в статье Хэ Цинлянь. — Большинство членов этого слоя создало свои капиталы не путем технологических нововведений или развития промышленных предприятий, а воспроизводством и использованием монополии на власть для накопления личного богатства"³. Изменения в социальной структуре китайского общества отразились на социальном составе КПК.

После событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь руководство КПК, опасаясь распространения либеральных идей, запретило прием в партию частных предпринимателей, а уже состоявшие в ее рядах не имели больше права занимать руководящие должности. В сентябре 1995 г. орготдел ЦК КПК подтвердил, что партия не допустит в свои ряды частных предпринимателей, так как они являются капиталистами, эксплуатирующими рабочую силу. Но местные партийные организации находили возможности обойти запреты. По некоторым данным, в 1995 г. 17,1% частных предпринимателей были членами коммунистической партии⁴. Официальный прием их разрешили только в 1999 г., когда в Конституцию КНР была внесена поправка о важной роли частного сектора в социалистической рыночной экономике.

Новая социальная структура — второй существенный фактор, оказывающий влияние на политическую систему КНР. Общество в Китае делится на три слоя: небольшой политический и экономический правящий слой (элита), более многочисленный средний слой и все расширяющийся слой маргинальных групп.

Численность первого слоя составляет около 7 млн. человек или 1% занятого населения, среднего слоя — 80,2 млн. человек или 11,8% всех работающих. Рабочий класс Китая традиционно состоит из занятых на государственных предприятиях. Теперь к нему примыкают рабочие, которые трудятся на совместных и иностранных предприятиях. По коллективным договорам работает 78% рабочей силы или около 120 млн. человек⁵.

Компартия строго следит за новыми социальными явлениями и стремится не допустить нежелательных изменений в политической системе. Любая тенденция в настроениях масс служит предметом обсуждения и оценок, которые фиксируются в документах КПК, а затем находят отражение в законах. Таким образом, компартия продолжает руководить развитием политической системы, направляя его в нужное русло. Возникает прочная обратная связь: законодательство влияет на развитие политической системы, которая служит интересам государства и партии.

Курс реформ в Китае — это движение от государственного социализма к смешанной экономике при сохранении авторитарного характера политической власти. Достигнуты большие успехи, но одновременно возник целый ряд отрицательных явлений: рост цен, сокращение уровня занятости, региональная дифференциация, усиление миграции сельского населения в города и т.д. Все это создает определенный потенциал нестабильности в китайском обществе. Его проявлениями являются:

- Увеличение мобильности населения по географическому и профессиональному признакам;

- Падение накоплений населения из-за роста цен и масштабного инвестирования в основные фонды, вызванное курсом на ускоренный экономический рост;

- Рост безработицы и обострение порождаемых ею социальных проблем: расширение ареала бедности, рост преступности и пр. В настоящее время в Китае насчитывается 74 млн. безработных, 30 млн. человек живут в нищете⁶.

- Региональная дифференциация между развитыми восточными провинциями и отсталыми западными: свыше 50% ВВП КНР приходится на 5-6 приморских провинций⁷. Такое положение расшатывает единство государства.

- Разложение части общества: процветание коррупции, взяточничество, рост бюрократизации управленческого аппарата.

- Усиление замкнутости провинций вследствие делегирования им со стороны центра ряда полномочий. Как считает китайский исследователь Чэнь Чжуйхунь, на стабильность в обществе может повлиять обострение трений между различными группировками, перераспределение обязанностей и функций. Может сформироваться, пишет он, система "экономики удельных княжеств": 30 крупных (провинции, города центрального подчинения и автономные районы), 300 средних (районы, города), множества мелких (уезды, небольшие города).

Среди факторов, воздействующих на политическую жизнь и политическую систему КНР, следует выделить проблему прав человека.

В общем виде точка зрения китайского руководства на права человека была высказана еще Дэн Сяопином. В 1985 г. он говорил: "Мы наказали по закону несколько человек. Они фактически занимались буржуазной либерализацией и нарушали при этом уголовные законы. Заниматься у нас в стране буржуазной либерализацией значит идти по капиталистическому пути... Буржуазная либерализация вызовет смуту внутри нашего общества, сделает его нестабильным, и тогда не удастся никакое строительство. Для нас это самый существенный и принципиальный вопрос.

Что такое права человека? Права какого числа людей? Большинства, меньшинства или всего народа? Права человека в понимании западного мира и в нашем понимании — разные вещи. У нас другие взгляды"⁸.

В КНР утверждается, что с началом проведения политики реформ и открытости руководство Китая всегда ставит на первое место решение проблем прав народа на существование и развитие.

Народу постоянно разъясняется преимущество власти закона, принято немало законодательных актов, направленных на защиту прав человека. Однако отсутствие полного соответствия в этой области международным стандартам будет в определенной мере сказываться на стабильности политической системы в Китае.

Ситуация с правами человека в КНР продолжает подвергаться критике извне. Это связано с тем, что политические права человека в Китае носят декларативный характер. Политическая активность, не санкционированная компартией, тотчас же вызывает с ее стороны ответные меры. Западные эксперты полагают, что "любая независимая группа, которая попытается установить многопартийную систему, чтобы отменить руководство КПК, подвергнется запрессению"⁹. Когда КПК замечает признаки нестабильности, она прибегает к проведению кампаний "сильного удара" и дает указание правоохранительным органам об ужесточении карательных мер. Тем не менее, Китай не может не считаться с фактом вовлечения его в процессы глобализации. Среди китайских политиков и политологов широко распространена точка зрения, что экономическая глобализация является объективным процессом постепенного слияния отдельных экономик в мировую, и эта тенденция необратима. Вступление Китая в ВТО — подтверждение политики КНР, направленной на интеграцию в миро-

вое сообщество, что требует от страны соблюдения общепринятых прав и свобод человека.

Беспокойство Пекина вызвало выступление Кофи Аннана на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1999 г., заявившего, что мировое сообщество не может не принимать мер, наблюдая грубые и систематические нарушения прав человека в Китае. В ответ правительство КНР подчеркнуло, что основными принципами, регулирующими международные отношения, являются государственный суверенитет и невмешательство во внутренние дела государства, а отнюдь не права человека. Пренебрежение этими принципами и замена их другими может привести к новым формам "дипломатии канонерок", что вызовет хаос.

Таким образом, Китай пытается исключить права человека из системы принципов, регулирующих международные отношения. Что касается сформулированной в Европе концепции международного сообщества, то выдвигание на первый план в проблеме прав человека демократического правления и гуманитарного вмешательства правительство КНР интерпретирует как попытку "сильного" навязать эти понятия "слабому", что основывается на презумпции превосходства одной цивилизации над ценностями другой"¹⁰.

В китайской научной литературе можно встретить аргументы, объясняющие своеобразие политики Китая в области прав человека. Политолог Сяо Гунцинь, например, связывает специфику с существованием в КНР мощной тенденции рефлексорного национализма, "психологии исторически пострадавшей страны"¹¹. В системе китайских традиционных ценностей суверенитет государства стоит выше прав человека. Это уходит корнями в период новой истории, когда суверенитет Китая постоянно нарушался. Именно это, по мнению Сяо Гунциня, является причиной общего положительного восприятия китайскими политиками и значительной частью интеллигенции идеи, утверждающей, что "без суверенитета нет и так называемых прав человека"¹².

С этим связана и концепция "коллективных прав человека", широко пропагандируемая сейчас в Китае. Она увязывается с традиционной политической культурой, основанной на концентрации власти в верхах и коллективизме остального населения (коллективные права многих людей выше индивидуальных прав одного человека). Отталкиваясь от традиционной политической культуры Китая, власти считают, что постановка вопроса о правах человека используется существующими в стране раскольническими силами, угрожающими единству государства. "Для большинства же китайцев существование такой ценности как "великое единение", присущее китайской политической культуре с древнейших времен, является вопросом жизни и смерти"¹³.

Подобная трактовка проблемы прав человека приводит к следующим выводам:

Во-первых, политическая система в КНР сталкивается с определенными явлениями, которые угрожают ее стабильности. Носителями такой угрозы является весьма значительное число людей, выступающих с открытой критикой недостатков этой системы.

Во-вторых, политическая система с помощью репрессивного аппарата подавляет такие выступления, так как не способна противостоять им иным способом. Поэтому трудно предположить, что давление извне может повлиять на процесс демократизации в Китае, оно только способно загнать проблему вовнутрь. Дальнейшие настойчивые попытки Запада демократизировать Китай могут подтолкнуть его на возврат к политике "опоры на собственные силы".

Начиная с III пленума ЦК КПК 11-го созыва, партия определяла и конкретизировала основные принципы экономического и политического строительства, одновременно формируя общие положения теории построения социа-

лизма с китайской спецификой. Реформы были инициированы частью политической элиты КПК, преимущественно старой партийной гвардией, которая стала жертвой "культурной революции". Новая экономическая политика требовала иных походов к управлению. Но этому мешали глубокие деформации политической системы, партийного строительства и партийного стиля, оставшиеся как наследие "культурной революции".

Реформы были поддержаны снизу. Критическое отношение к ошибкам партии, допущенным в 1966-1976 гг., проявлялось на всех уровнях китайского общества, тем более, что, по словам Генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана, за период 1966-1976 гг. только по политическим причинам погиб миллион китайцев¹⁴.

События 1978-1979 гг. ("пекинская весна"), сыграли огромную роль в переходе КПК к новой политике. В центре китайской столицы была воздвигнута "стена демократии", на которой каждый мог оставить воззвание, заявление или манифест, выразив свое мнение анонимно. Отдельные граждане требовали ликвидации монополии коммунистической партии на власть, создания многопартийной системы и проведения прямых выборов во Всекитайское собрание народных представителей¹⁵. Дэн Сяопин выступил тогда в поддержку политической активности масс. Он говорил: "Дайте каждому сказать то, что он хочет. Небо от этого не обвалится".

После 1978 г. партийные руководители неоднократно утверждали, что успешное осуществление экономической реформы невозможно без политической реформы.

III пленум ЦК КПК 11-го созыва сделал вывод о том, что основной акцент в партийной работе следует перенести на осуществление задач социалистической модернизации. Пленум отказался от приоритета идеи классовой борьбы, которая была отражена в Конституции 1975 г., в пользу развития производительных сил. Вопрос о политической реформе был только намечен и ограничен рамками самой партии, о чем свидетельствует решение того же пленума "Об упорядочении внутривнутрипартийных норм и требований". На пленуме было принято постановление об образовании Центральной комиссии КПК по проверке партийной дисциплины. Эти решения положили начало большому числу новых постановлений, среди которых особое значение имело принятие нового устава КПК XII Всекитайским съездом КПК в сентябре 1982 г.

Вопрос о политической реформе был выдвинут Дэн Сяопином на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК 18 августа 1980 г. В его выступлении "Перестройка политической системы руководства партии и государства" обосновывался курс на перестройку политической структуры, центральной задачей которого было разграничение функций партийных и государственных органов. "Пора покончить с нечетким разграничением функций партийных и административных органов, с тем чтобы партийные органы перестали подменять собой административные"¹⁶.

Чтобы избежать концентрации полноты власти в одних руках, как это происходило ранее, Дэн Сяопин предложил запретить совмещение отдельными лицами важных должностей в партийных и государственных структурах. Преодоление "чрезмерной концентрации власти" рассматривалось им в качестве одного из основных направлений политической реформы.

Конкретные предложения относительно демократизации политической системы путем ее реформирования также содержались в обстоятельном докладе старшего политического советника руководства КПК Ляо Кайлуна, зачитанном в Центральной партийной школе г. Пекина 25 октября 1980 г.¹⁷ Доклад "Об истории Коммунистической партии Китая" практически содержал программу реформы, которая затрагивала основы политической системы государ-

ства. Она повторяла основные положения, выдвинутые Дэн Сяопином 18 августа 1980 г., но шла значительно дальше.

В докладе констатировалось, что за годы “культурной революции” с демократией в Китае было покончено. Для ее восстановления требуются следующие меры: принять новую конституцию, делегировать часть властных полномочий выборным региональным собраниям народных представителей, сократить численный состав ВСНП и преобразовать его в двухпалатное собрание с тем, чтобы одна палата представляла интересы регионов, а другая — интересы всех слоев населения, включая предпринимателей. По мнению докладчика, депутатский состав второй палаты должен был избираться на корпоративной основе, то есть от имени крестьянских союзов и ассоциаций, профсоюзов и других общественных организаций. Предполагалось, что обе палаты будут взаимно контролировать друг друга и установят совместный контроль над правительством, частично — через специальные комитеты.

В докладе содержалось также требование демократизировать внутрипартийную жизнь КПК, установить более четкое разграничение полномочий между партийными органами и государственным аппаратом.

Доклад стимулировал дебаты в партии. В итоге было решено взять на вооружение три тезиса — о делегировании части полномочий центра местным органам власти, о более четком разграничении властных функций между партийными и государственными органами, о демократизации внутрипартийной жизни и изменении стиля партийной работы. Эти тезисы легли в основу “Решения по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР”, принятого на VI пленуме ЦК КПК 11-го созыва в июне 1981 г.

Таким образом, реформа политической системы должна была затронуть только ее отдельные функции, но не организационные основы. Вопрос о реорганизации структуры ВСНП с повестки дня был снят. Окончательно идея Ляо Кайлуна о коренной перестройке политической системы путем реформы Всекитайского собрания народных представителей по западной модели двухпалатного парламента была заблокирована XII съездом КПК в 1982 г. выступлением Дэн Сяопина, который заявил, что КПК ни в коем случае не потерпит “распространения в Китае буржуазного образа жизни”¹⁸.

Вторая волна дебатов о политической реформе пришлось на 1986 г., преддверие очередного съезда КПК. Выступая перед руководителями провинций, Дэн Сяопин вновь призвал к проведению политической реформы, чтобы избавиться от бюрократической обструкции и коррупции. Фактически это был все тот же призыв к большей ответственности аппарата перед партийным руководством. О фундаментальных переменах в организации политической системы речи не шло.

В том же 1986 г. Дэн Сяопин признал, что “в вопросе о перестройке политической структуры у нас пока нет полной ясности... Нам недостает опыта в этом отношении, придется продвигаться вперед ощупью”¹⁹. Тем не менее, к моменту созыва очередного съезда партия располагала определенными теоретическими наработками в области реформирования политической системы.

Во-первых, стало общепризнанным, что механизм управления политической жизнью общества не соответствует требованиям реформы хозяйственной системы.

Во-вторых, сложилось понимание того, что в таком огромном государстве как Китай “перестройка политической системы — дело нелегкое, поэтому решение надо принимать со всей осмотрительностью, действовать только после того, как убедимся в возможностях успеха”²⁰.

В-третьих, нельзя все копировать у Запада, насаждать либерализацию.

В-четвертых, КПК предстоит отстаивать собственный взгляд на демократизацию. "Развертывая демократию, мы не можем копировать буржуазную демократию и прибегать к так называемому разделению власти на законодательную, административную и судебную"²¹.

Однако в конце 1986 г. в Китае прошла серия волнений — студенты выступали против назначения партией кандидатов в местные собрания народных представителей. Это привело к отставке Генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана, отказавшегося принять чрезвычайные меры против студенчества. В начале 1987 г. новый Генеральный секретарь Чжао Цзяян предложил свой вариант реформы, нацеленный на укрепление власти местных СНП. Идея была отвергнута другими лидерами на том основании, что такая реформа приведет к "сепаратизму" провинций по американскому образцу.

В целом, политика КПК в области модернизации, проводимая с начала 1980-х гг., подготовила условия для принятия на XIII съезде партии (1987 г.) развернутой программы политической реформы.

Выдвинутый съездом план политической реформы фактически обобщил основные направления преобразований в сфере политической структуры, которые были разработаны ранее и в какой-то мере апробированы на практике:

- разграничение функций партии и правительства;
- преодоление чрезмерной централизации власти парткомов;
- совершенствование института собраний народных представителей и системы многопартийного сотрудничества, политических консультаций и диалога;
- укрепление социалистической законности;
- улучшение стиля партийной работы;
- увязка внутрипартийной демократии с политической либерализацией²².

Съезд считал также необходимым придать законодательное оформление отношениям между партией и органами государственной власти, общественными организациями²³. Отдавая дань демократии, съезд продекларировал намерение КПК "вплотную приступить к разработке законоположений о прессе, издательском деле, союзах, собраниях, демонстрациях"²⁴.

Задачи в области политической реформы, определенные съездом, нашли отражение в поправках к Уставу КПК. В обновленном тексте более четко, чем в Уставе 1982 г., прописывалась система многомандатных выборов; парткомам предприятий, перешедших на систему ответственности директоров, запрещалось вмешиваться в производственную деятельность. Следует отметить, однако, что Устав КПК 1987 г. регламентировал размежевание функций партийных органов и администрации только на местном уровне, не предусматривая такого разграничения для центральных партийных и правительственных органов.

Развернувшаяся после съезда политическая реформа в известной степени способствовала дальнейшей либерализации внутренней жизни страны. Установленный в 1978 г. порядок передвижения привел к росту удельного веса городских жителей — с 18% до 28% к 1993 г. Выросло число так называемого "плавающего населения", переезжающего с сохранением регистрации по старому месту жительства. Ослабление идеологического контроля над провинциальными органами власти повысило уровень их автономии, хотя это и не было закреплено официально. Отдельные провинциальные лидеры увлеклись расширением автономии в духе старого Китая.

Росло число новых институтов, осуществляющих связь страны с внешним миром. Они стали каналами проникновения в КНР влияния извне, в том числе идей демократизации. Кроме того, легальные, полунелегальные и нелегальные ассоциации заполнили социальное и экономическое пространство, возникшее в результате строительства рыночной экономики и ограничения роли государства в области контроля над социальной сферой и культурой. Однако

деятельность новых ассоциаций весьма уязвима, так как существование большинства из них не санкционировано властями. Их структура расплывчата, к тому же они конкурируют между собой, часто дублируя друг друга.

Современный этап реформы политической системы отличен тем, что идеология элиты теперь не ограничивается учением марксизма-ленинизма и Мао Цзэдуна. Кроме того, следует назвать следующие факторы, способствующие изменениям в политической системе китайского общества:

- реакция высшего руководства на структурные проблемы, которые ему приходится решать в области политики и экономики;
- последствия политики открытости внешнему миру;
- развитие рыночной экономики;
- перестройка телекоммуникаций и транспортной системы, обеспечившая распространение информации по всей стране.

Эти факторы вкупе с меняющейся идеологией ускоряют эволюцию политической системы, вызывая необходимость более глубокой разработки ее реформы. Руководители КНР практически оказались заложниками процессов, начало которым они положили сами.

По словам Вэнь Цзябао, нового премьера Госсовета, важнейшим направлением деятельности его правительства станет реформа политической системы. Правительство намеревается решать задачу следующими тремя путями:

- сформировать демократический механизм принятия решений, касающихся важных экономических проблем;
- привести в строгое соответствие с законом работу правительственных органов;
- поставить правительство под контроль общественности в лице ВСНП.

Вместе с тем, продолжаются дискуссии по вопросу о содержании политической реформы. Одни политологи считают, что демократию нельзя рассматривать в рамках понятий о социализме с китайской спецификой. Оценивать ситуацию необходимо с точки зрения влияния глобализации на Китай. Демократия, таким образом, является вызовом китайской политической системе.

Другие, отстаивая необходимость сохранения КПК у власти, предлагают рассматривать социализм как предпосылку для перехода в дальнейшем к демократии. Продолжаются поиски обоснования законности и целесообразности продолжения партийного руководства страной.

Политическая реформа, которую многие исследователи считают отстающей от темпов экономической реформы, на самом деле была важной предпосылкой курса на открытость и модернизацию. Но реформа не изменила характера политической системы, она была нацелена на адаптацию ее к новым экономическим условиям. Речь идет о коррекции курса компартии, что ни в коей мере не затрагивает фундаментальных вопросов, касающихся организации политической системы и стратегии КПК, нацеленной на построение социализма.

Заметную трансформацию претерпел порядок пожизненного замещения кадровыми работниками руководящих должностей — вместо него была установлена система выборов. Это очень важный момент, так как он указывает на ломку старой традиции незыблемости единоличной власти и одновременно — на попытки сохранить традицию передачи власти от одного поколения лидеров к другому.

Институт верховного лидера является традиционным. Харизматический вождь, председатель Мао, верховный лидер Дэн Сяопин воспринимались как "новые императоры Поднебесной", на смену которым пришел лидер более молодого поколения — Цзян Цзэминь²⁴. Идея "тройного представительства", требующая обновления кадрового состава партии и омоложения ее состава, уже дала себя знать в результатах кадровых перестановок, инициированных XVI

съездом КПК. Но верховная власть в стране сохраняется в лице одного лидера — Генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР, которым сейчас является Ху Цзиньтао.

Необходимость в верховном лидере имеет глубокие исторические корни. Многие китаеведы объясняют ситуацию, прибегая к аналогии между культурной моделью коммунистической элиты Китая и системой императорского двора, которая была подчинена абсолютной власти императора.

В современной политической практике Китая прямого, семейственного института наследования верховной власти не существует. Семейные связи и партийная власть разделены. Но создан и сохраняется институт назначения преемника, что рассматривается как гарантия стабильности в государстве. Дэн Сяопин, например, считал, что без ключевой фигуры политическая система не может быть ни преемственной, ни целостной. Для того, чтобы обеспечить преемственность власти и долгосрочную стабильность, политическая система должна сохранить верховного лидера, стоящего над аппаратом. В Китае подготовка преемника ведется заранее и носит целенаправленный характер. «Помимо структуры всей политической системы, следует отметить, что тонкий слой высшей элиты, с лидером во главе, является своего рода отборочным механизмом, способным разработать определенную стратегию или даже программу смены власти»²⁴.

Модернизация политической системы сейчас вышла за пределы реформы исключительно политической структуры, трактуемой в узком смысле как сокращение аппарата, перераспределение управленческих прав между государством и хозяйствующими объектами и т. д.

В недрах китайского общества складываются предпосылки для более фундаментальных преобразований, главным образом, в самой партии, путем расширения ее социальной базы. Причем КПК сама выступает инициатором приема в свои ряды представителей частного предпринимательства. Кроме того, к преобразованиям ведут и такие социальные явления, как усиление требований со стороны наиболее мобильной и политизированной части китайской молодежи, каковой является студенчество. Дальнейшее преобразование общественной собственности и особенно государственных промышленных предприятий может также способствовать постепенному ослаблению тоталитарного характера КПК.

Хотя стремление многих групп населения объединиться в новые партии пока подавляется или игнорируется партийными и государственными властями, в дальнейшем оно может выйти из-под их контроля. Вступление КНР в ВТО означает появление еще одного мощного канала западного влияния на население Китая, в первую очередь, на его молодежь. Оградить ее от этого влияния дисциплинарными методами становится все труднее. В этом же направлении будут работать такие факторы, как рост численности китайских студентов в учебных заведениях западных стран, проведение в Китае всемирной Олимпиады, разного рода международных фестивалей. Особенно мощным каналом западного влияния становится глобальная информационная сеть Интернет. Число ее пользователей в КНР быстро растет. Не исключено также, что в стране легализуется движение за права человека, так как Китай стал официальным участником целого ряда международных соглашений по политическим и гражданским правам человека. В КНР уже появились высказывания о том, что социалистическая демократия должна сочетать коллективные права с индивидуальными.

Проходившая с 5 по 14 марта с.г. в Пекине вторая сессия ВСНП 10-го созыва сделала новый шаг в области реформирования политической системы КНР.

Главным результатом 10-дневной сессии с участием почти трех тысяч депутатов стало принятие ряда важных поправок к ныне действующей Конституции КНР 1982 года. В основной закон страны впервые в истории Китая внесены положения о защите частной собственности и прав человека. За внесение предложенных поправок высказалось подавляющее большинство депутатов ВСНП, (2863 депутата проголосовали за поправки, 10 — против и 17 — воздержались).

Нынешние изменения основного закона, которые во многом направлены на развитие экономики и вовлечение представителей бизнеса в ряды компартии, дают основание полагать, что в ближайшее время КНР может заметно продвинуться по пути демократизации.

Выступивший с пояснениями к проекту поправок заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП, член Политбюро ЦК КПК Ван Чжаого заявил, что в Китае все отчетливее будет выявляться важная роль индивидуального и частного секторов как составной части социалистической рыночной экономики. Таким образом, в основной закон включено положение о том, что государство защищает законные права и интересы негосударственного сектора экономики, включая индивидуальный и частный секторы, поощряет и поддерживает развитие негосударственного сектора экономики, одновременно осуществляя контроль и управление им.

На мартовской сессии ВСНП политика "тройного представительства" была официально внесена и в Конституцию КНР, в дополнение к уже закрепленным в основном законе страны идеям марксизма-ленинизма, Мао Цзэдуна и теории Дэн Сяопина.

1. He Qinglian. China's is Listing Social Structure // *New Left Review*. London, 2000. № 5. P. 68.
2. Ibid. P. 69-70.
3. Ibid.
4. Dicson B.T. Cooptation and Corporatism in China. The Logic of Party Adaptation // *Political Science Quarterly*. 2000. № 4. P. 525.
5. He Qinglian. Op. cit. P. 78, 80.
6. Материалы 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва. Март 2003 г.: Китайский информационный Интернет-центр. По материалам Агентства Синьхуа. 2003. 4 мая.
7. Там же.
8. Дэн Сяопин. Заниматься буржуазной либерализацией — значит идти по капиталистическому пути. Отрывок из беседы с профессором Чэнь Гуином и членами президиума научно-исследовательского общества "Континент и Тайвань". // *Основные вопросы современного Китая*. М.: Политиздат, 1988. С. 143-144.
9. Oksenberg M. China Political System: Challenges on the Twenty First Century // *China Journal*. Canberra, 2001. № 45. p.17.
10. Ibid. P. 18.
11. Сяо Гунцинъ. Шиси чжун мэи чжэнчжи вэньхуа чжанли. Цун Косово вэйцзи таньцзи [Анализ напряженности политических культур Китая и США. На примере кризиса в Косово] // *Чжанлюэ юй гуаньли* [журнал "Стратегия и управление"]. Пекин, 2001. № 2. С. 39.
12. Там же.
13. Там же. С. 40.
14. Приведено по книге: Philip Short. *The Dragon and the Bear: Inside China and Russia Today*. London: Hodder & Stoughton, 1982. P. 154.
15. Nathan Andrew. *Chinese Democracy*. London: I.B. Tauris, 1986. P. 2.
16. Дэн Сяопин. Избранное. Т. 2 (1975-1982). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1994. С. 401.

17. A Report on the History of the Chinese Communist Party Delivered by Liao Kailung on October 25, 1980 at the National Party School Forum // *Issues and Studies*, December 1981. P. 79-104.
18. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М.: Политиздат, 1988. С. 6.
19. Там же. С. 192, 194.
20. Там же. С. 184.
21. Там же. С. 197.
22. Документы XIII Всекитайского съезда партии (25 октября — 1 ноября 1987 г.). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1987. С. 48-50.
23. Там же. С. 64, 66.
24. Там же. С. 62.
25. Wang J.C.F. *Contemporary Chinese Politics*. New Jersey, 2002. P. 105-106.
26. Лопатина А. Проблема преемственности в КНР: размышления после 16-го съезда КПК // *Азия-2002: новые тенденции в экономике и внешней политике*. М.: ИМЭПИ РАН, 2003. С. 22.

Развитие конституционного права Китайской Народной Республики (1988-2004 гг.)

© 2004

Л. Гудошников, В. Поляков

15 марта 2004 г. в действующую Конституцию КНР, первоначально принятую в 1982 г., была внесена четвертая серия поправок. Ей предшествовали поправки 1988, 1993 и 1999 г. Напомним, что первые поправки 1988 г. касались двух статей Конституции (10 и 11), ими были легализованы частные хозяйства и разрешена аренда земли. Последующие поправки 1993 и 1999 г. отразили новый этап в развитии страны — строительство рыночной экономики при сохранении макрорегулирующей функции государства. Важнейшим содержанием поправок 1993 г. явилось преобразование государственного сектора экономики ("гоинь цзинцзи") в сектор экономики, основанный на государственной собственности ("гою цзинцзи"). За этой, на первый взгляд, простой сменой терминов стояло значительное изменение производственных отношений, поскольку фактическое владение собственностью государства перешло к самостоятельным хозяйственным организациям. Новая редакция статьи 15 в сущности отменяла плановое ведение хозяйства. Функции государства концентрировались на строительстве рыночной экономики, усилении хозяйственного законодательства, совершенствовании макрорегулирования. Все эти изменения означали существенный отход от командно-административной модели управления экономикой.

Важным этапом в развитии конституционного права КНР в период между принятием поправок в 1993 и 1999 гг. явилось введение в действие 1 июля 1997 г. Основного закона Сянганского особого административного района, по образцу которого был затем сформирован Основной закон Аомэньского особого административного района, вошедший в силу в конце 1999 г., уже после принятия третьей серии конституционных поправок. Основные законы этих административных районов распространяли свое действие на небольшую часть территории страны, однако для самих этих районов они были своего рода мини-конституциями и, несомненно, являются частью конституционного права КНР. В составе унитарного государства бывшие британская и португальская колонии получили беспрецедентную автономию — из компетенции ОАР исключены только иностранные дела и вопросы обороны. Вместе с тем за ними оставлено право выдачи въездных и выездных виз и заключения международных соглашений неправительственного уровня. В ОАР созданы суды окончательной ин-

Гудошников Леонид Моисеевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

Поляков Владимир Павлович — магистр политических наук, соискатель аспирантуры ИДВ РАН.

станции, решения которых не могут быть обжалованы в судебные органы КНР. Действующие в ОАР системы права сохраняются в прежнем виде, за исключением актов, противоречащих Основным законам.

Принятые законодательными органами ОАР законы доводятся до сведения Постоянного комитета ВСНП. Последний обладает определенными правами в отношении контроля над законодательством ОАР, но только в случаях, когда принимаемые в районах акты вступают в противоречие с их Основными законами в тех статьях, где затрагивается порядок взаимоотношений между центром и ОАР или компетенция центральных органов власти. ПК ВСНП может вернуть принятый Законодательным советом ОАР нормативный акт, который при этом прекращает свое действие. Вносить изменения в Законы ОАР ПК ВСНП не имеет права. Центру в лице Госсовета принадлежит право назначения глав администрации ОАР, но обязательно из местных жителей, являющихся китайскими гражданами, и после определенной процедуры отбора кандидатуры специальной комиссией (процедура предполагает рассмотрение альтернативных кандидатур и голосование по всем выдвинутым кандидатурам). Другие высшие должностные лица ОАР назначаются Госсоветом по представлению глав администрации. Основные законы ОАР гарантируют сохранение в этих районах в течение 50 лет капиталистического строя и образа жизни. Архитектором китайских реформ Дэн Сяопином допускалась возможность сохранения такого строя и образа жизни и на более длительный период, практически на весь XXI век.

Поправки 1999 г. к Конституции КНР в большинстве случаев закрепляли сложившуюся практику государственной жизни, в том числе уже состоявшиеся изменения в законодательстве. Этой серией поправок были внесены изменения в конституционные положения, ранее бывшие объектом поправок. Например, внесенное в 1993 г. в преамбулу (Введение) к Конституции положение о том, что "Китай находится на начальной стадии строительства социализма" заменено на "Китай будет в течение длительного времени находиться на начальной стадии социализма". В текст Введения было внесено упоминание о "теории Дэн Сяопина" и выдвинута задача "развивать социалистическую рыночную экономику". К ст. 5 добавлен абзац о том, что КНР "управляется согласно закону и становится социалистическим правовым государством". Внесение этого дополнения связано с заметным нарастанием и совершенствованием большого количества разнообразных правовых норм. Правовая реформа считается в КНР важным направлением политической реформы и вместе с административной реформой, в известной мере, активизирует ее. Лозунг становления КНР как правового государства — факт позитивный, но пока это скорее программа, обращенная в будущее.

Характерно изменение статьи 6 Конституции в части, устанавливающей принцип оплаты по труду. Рыночная экономика заставила творцов конституционных поправок учесть фактически складывающееся положение, когда наряду с общественным сектором экономики развивается частный, где распределение осуществляется не только по труду. Особенно важной поправкой 1999 г. в блоке экономических статей являлась новая редакция ст. 11, согласно которой легализованный еще в 1988 г. частный сектор получил статус "важной составляющей социалистической рыночной экономики".

Следующим за конституционными поправками 1999 г. важнейшим актом конституционного права КНР стал Закон о правотворчестве (*лифа фа*), принятый 3-й сессией ВСНП девятого созыва 15 марта 2000 г. Этот закон, как указывается в его первой статье, основывается на Конституции КНР, однако фактически он развивает ее, вводит важные нормы конституционного уровня в процесс правотворчества и, прежде всего, в законодательный процесс. Как из-

вестно, в сфере этого процесса КНР отличается многосубъектностью. По действующей Конституции 1982 г. ВСНП и ПК ВСНП получили практически одинаковые законодательные права. В исключительной компетенции ВСНП оставлен сравнительно узкий круг вопросов (принятие и изменение Конституции, принятие и изменение Уголовного и Гражданского кодексов, законов о государственной структуре, Основных законов ОАР КНР и некоторых других). Вместе с тем, ВСНП было предоставлено право издания законов по всем вопросам, какие оно считает необходимым. Тогда же Государственному совету было предоставлено право принимать временные правовые акты, имеющие силу законов. Это право было законодательно оформлено Постановлением 3-й сессии ВСНП шестого созыва от 10 апреля 1985 г., которым Госсовет был наделен правом выработать временные постановления и положения, касающиеся реформы экономической системы и "открытой экономической политики". В постановлении было указано, что "после создания благоприятных условий и экспериментальной проверки ВСНП и ПК ВСНП разработают на основе актов Госсовета соответствующие законы"¹. Это постановление фактически являлось конституционным законом.

К такой же категории актов относится и закон о правотворчестве, который внес существенные изменения в законодательный процесс. Прежде всего был установлен перечень вопросов, которые могут регулироваться только законами. Это вопросы государственного суверенитета, образования, организации и компетенции СНП, народных правительств, народных судов и народных прокуратур всех ступеней; системы национальной территориальной автономии; системы особых административных районов; системы низового самоуправления масс; преступлений и уголовных наказаний; мер принуждения и наказания, связанных с лишением, ограничением личной свободы как политического права граждан; изъятия негосударственного имущества; основ гражданского права, основ экономической системы, а также основ системы финансов, налогов, таможен и внешней торговли, процессуальной и арбитражной системы. Кроме того, статьей 9 Закона устанавливается право ВСНП и ПК ВСНП делегировать Госсовету полномочие принимать по вышеперечисленным вопросам административные установления, если по ним еще не принято законов. Однако такие акты не могут приниматься по вопросам, имеющим отношение к уголовным наказаниям, мерам пресечения и наказания, связанным с лишением, ограничением личной свободы как политического права граждан, судебной системы и т.п.²

Новым моментом, в сущности дополняющим Конституцию, является предоставление правотворческих прав Центральному военному совету (ЦВС), являющемуся партийно-государственным органом. Принимаемые им нормативные акты применяются только в вооруженных силах.

Ни в Конституции, ни в Законе не упоминается о нормотворческих полномочиях правящей партии. Однако на практике высшие органы КПК принимают акты, выходящие за рамки организационной или идеологической деятельности партии. Один из недавних примеров этого — разосланное ЦК КПК 9 июня 2000 г. "Положение о работе по подбору и назначению на должности руководящих кадровых работников партийных и государственных органов", в котором содержатся многие установления по административно-правовым вопросам. Таким образом, в правотворческий процесс в КНР включены и негосударственные структуры. Продолжается также практика издания совместных постановлений государственных органов с общественными организациями.

Последние (2004 г.) поправки к Конституции КНР прошли широкое предварительное обсуждение. Вопрос о внесении конституционных поправок получил главный импульс на XVI съезде КПК. "Проект ЦК КПК о внесении частных изменений в содержание Конституции" был сформулирован 3-им пле-

нумом ЦК КПК XVI созыва в конце октября 2003 г. и 27 октября, в последний день пленума, был представлен через ПК ВСНП на рассмотрение Всекитайского собрания. Подготовка проекта поправок велась специальной рабочей группой ПК Политбюро ЦК КПК во главе с членом ПК ПБ ЦК КПК У Банго, который с марта до августа 2003 г. организовал ряд совещаний (круглых столов) по обсуждению поправок к Конституции. Одновременно поправки обсуждались в печати. При этом, как отмечалось, в ходе обсуждения в академических кругах допускался довольно широкий разброс мнений вплоть до предложений об исключении из Конституции Введения (содержащего положение о руководящей роли КПК в государстве и обществе), положений об экономическом строе и т.п. Однако в целом новая редакция Конституции не пошла по пути коренных изменений, что было подчеркнуто заместителем председателя ПК ВСНП Ван Чжаого в ходе разъяснения поправок к Конституции КНР 8 марта 2004 г. на заседании 2-ой сессии ВСНП 10-го созыва³. Вместе с тем, ряд принятых поправок имел важное значение, отражая новый этап в развитии страны. Прежде всего необходимо отметить введение в государственный документ важной идеи "тройного представительства", первоначально сформулированной в партийных решениях и уставе КПК. Это идея означает представительство партией интересов всего народа, а не каких-то его частей. Одновременно партия представляет производительные силы страны и ее высокую культуру. Характеризуя значение "тройного представительства", Ван Чжао отметил, что благодаря введению в Конституцию этой идее "придано руководящее положение в политической и общественной жизни страны, она отразила единое стремление партии, государства и народа, воплотила единство партийной платформы и воли народа". Ван Чжао охарактеризовал эту идею как идеологическую основу, обладающую "актуальным значением и глубоким историческим смыслом". Характерно, что эта "важная идея" целиком направлена на усиление сплочения нации и не носит никаких следов классовой борьбы. Идея "тройного представительства" олицетворяет прежде всего поддержание политической и социальной стабильности под патронажем правящей партии.

Поправками 2004 г. в Конституцию введено выдвинутое XVI съездом КПК положение о "гармоническом развитии социалистической, политической и духовной культуры". Обосновывая введение этой партийной установки в Конституцию, Ван Чжаого отметил непосредственную связь "трех культур" с социалистической модернизацией и предоставление им определенных конституционных гарантий.

Много внимания в докладе о конституционных поправках было уделено дальнейшему расширению социальной базы Единого фронта, в состав которой наряду с социалистическими тружениками и патриотами различных направлений (поддерживающими социализм или только объединение Родины) были включены строители социализма. Поскольку они отделены от социалистических тружеников, то в понятие строителей социализма включаются, по словам Ван Чжаого, "возникшие в период социальных перемен новые социальные слои", что способствует максимально широкой и всеобъемлющей мобилизации всех активных факторов".

Все поправки, о которых говорилось выше, относятся к Введению к Конституции. Вместе с тем различным по значимости изменениям подвергся и ряд отдельных ее статей. Так, путем изменения ст. 10 изъятие или реквизиция земли для общественных нужд стали возможны только при наличии соответствующей компенсации. При этом разъяснено, что в отличие от изъятия реквизиция не влечет изменения права собственности, а лишь изменение права пользования. Эта конституционная новелла потребует внесения изменений в

текущее законодательство, например, в Закон о землепользовании, которым предусматривается только реквизиция земли.

Одним из важных изменений Конституции является усиление охраны законных прав и интересов индивидуальных и частных хозяйств необщественного сектора экономики и поощрение их деятельности. В новой редакции ст. 11 Конституции (второй абзац) говорится: “Государство охраняет законные права и интересы индивидуальных и частных хозяйств необщественного сектора экономики. Государство поощряет, поддерживает и оказывает направляющее воздействие на развитие необщественных хозяйств, в соответствии с законом осуществляет в отношении необщественного сектора экономики контроль и регулирование”.

Ранее в ст. 13 устанавливалась охрана государством права собственности граждан на законные доходы, сбережение, жилище и другую законную собственность и право их наследования. Теперь в ст. 13 прямо говорится о недопустимости посягательств на имущество граждан, находящееся в частной собственности. Вместе с тем, так же, как ранее в отношении земель, оговаривается, что государство может в интересах общественных нужд и в строгом соответствии с законом производить изъятие или реквизицию частной собственности за соответствующую компенсацию.

В соответствии с решениями XVI съезда КПК в ст. 14 Конституции добавлен четвертый абзац, гласящий: “Государство создает и совершенствует систему социального обеспечения, которая соответствует уровню экономического развития”. Объясняя это добавление к ст. 14, Ван Чжаого сказал: “Социальное обеспечение непосредственно касается жизненных интересов широких народных масс. Создание и совершенствование системы социального обеспечения, которая соответствовала бы уровню экономического развития, будет являться углублением экономической системы, важного содержания системы социалистической рыночной экономики, станет ... важной гарантией общественной стабильности и общественного порядка в государстве”.

Большое внимание в Китае и за его пределами привлекло добавление к ст. 33 Конституции, гласящее: “Государство уважает и защищает права человека”. Внесение этого добавления было расценено в Китае как важный прорыв в развитии прав человека в условиях социализма, т.к. довольно длительное время после образования КНР о правах человека в Конституции страны не говорилось, и это считалось закрытой темой в идейно-теоретической сфере. На XV и XVI съездах КПК права человека были как бы выведены из зоны закрытости, что отразило сущностные требования социалистического строя и стимулирования контактов в международной сфере.

Из других изменений и добавлений 2004 г. к Конституции следует отметить замену в ряде статей введения “военного положения” на “чрезвычайное”. Серьезным стимулом для применения Конституции в этой части, как отмечалось на сессии ВСНП, был опыт, полученный в ходе борьбы с атипичной пневмонией в 2003 г. Была поставлена задача, согласно которой, “заимствуя международные методики, необходимо совершенствовать законодательную систему, которая могла бы оперативно реагировать на такие виды чрезвычайных ситуаций как серьезные стихийные бедствия, внезапно возникающие происшествия в области здравоохранения и санитарии, серьезные аварии и катастрофы, вызванные деятельностью человека”. В докладе специально отмечалось, что чрезвычайные меры в период таких ситуаций должны быть в той или иной степени связаны с ограничением прав и свобод граждан. Но это международная практика, и термин “чрезвычайное положение” присутствует в конституциях большинства стран мира.

К значительным изменениям Конституции следует отнести расширение полномочий Председателя Китайской Народной Республики, которые ранее ог-

раничивались представительскими и приемно-дипломатическими функциями. Это расширение пока выражено одной фразой: "Осуществление деятельности по делам государства", однако в будущем предполагается принятие закона о Председателе КНР, где эта деятельность будет поставлена в четкие правовые рамки. В частности, несомненно должен быть поднят вопрос об опубликовании Председателем КНР законов. Он подписывает законы и соответствующие указы об их опубликовании обычно в день их принятия ВСНП или ПК ВСНП, но нигде не определено, может ли Председатель не подписать закон и какие это может иметь правовые последствия. В целом, если не принимать во внимание занимаемых Председателем КНР партийных постов, в государственном плане он выглядит довольно декоративной фигурой, и возникшее предложение о других его государственных функциях представляется нужным и своевременным.

Конституционными поправками 2004 г. установлен одинаковый пятилетний срок полномочий для всех местных собраний народных представителей (ранее низовые собрания народных представителей избирались на три года). Разумеется, уравнивание сроков полномочий местных представительных органов создает определенные удобства для властей, в том числе и определенную экономию средств. Но в докладе Ван Чжаога отмечено, что уравнивание сроков полномочий местных СНП "содействует координации планов социально-экономического развития различных уровней, планированию и распределению кадров".

Заключительная из поправок 2004 г. касается последней и самой краткой IV главы Конституции, определяющей государственные символы КНР и ее столицу. Ранее глава называлась "Государственный флаг, государственный герб, столица". Теперь в заглавии вслед за государственным флагом следует государственный гимн, который прежде в Конституции не фигурировал. В ст. 136 в качестве гимна утвержден "Марш добровольцев", как установлено 27 сентября 1949 г. резолюцией пленарной сессии Народного политического консультативного совета Китая (напомним, что он принял на себя в тот период некоторые функции ВСНП). Текст гимна меняли однажды вскоре после "культурной революции", но затем он был восстановлен в прежнем виде. До марта 2004 г. государственный гимн на конституционном уровне не закреплялся.

Конституционные поправки 2004 г., хотя и не считаются коренным пересмотром Конституции, тем не менее, являются заметным этапом в развитии конституционного права КНР. За ними несомненно последует новое конституционное законодательство, которое отдельными актами детализирует поправки к Конституции, продолжит развитие конституционного права страны.

1. Китайская Народная Республика. Законодательные акты. М., 1989. С. 184.
2. Современное законодательство Китайской Народной Республики. Сборник нормативных актов. М., 2004. С. 57-58.
3. Доклад Ван Чжаога опубликован в "Жэньминь жибао" 9 марта 2004 г. Текст конституционных поправок см.: Жэньминь жибао. 2004. 16 марта.

Китайские политологи об отношениях между КНР и Пакистаном на современном этапе

© 2004

А. Волохова

В заявлениях китайских руководителей во время их встреч с лидерами Пакистана постоянно подчеркивается, что КНР поддерживает с ним "самые близкие связи". В марте 2003 г. Председатель Центрального военного совета КНР Цзян Цзэминь во время переговоров с премьер-министром Пакистана назвал Пакистан "искренним и верным другом и братом" Китая, отметив, что "развитие китайско-пакистанских связей всестороннего сотрудничества и партнерства является важным содержанием китайской внешней политики добрососедства и дружбы". В июле того же года заместитель Председателя КНР Цзэн Цинхун заявил, что КНР "будет и в дальнейшем развивать китайско-пакистанские отношения всестороннего сотрудничества", а Председатель КНР Ху Цзиньтао в ноябре 2003 г. в связи с визитом в Пекин президента Пакистана Первеза Мушаррафа подчеркнул необходимость дальнейшего укрепления отношений дружбы между Китаем и Пакистаном и важность двустороннего сотрудничества между двумя странами, основанного на взаимном доверии, несмотря на изменения в международной обстановке¹.

В китайской политологической литературе отношения с Пакистаном до конца 1990-х годов постоянно оценивались особым образом: как "модель межгосударственных отношений", как "яркий пример мирного сосуществования государств с различным общественным строем", как "дружба при любой погоде"². При этом в понятие "модели" и "примера" для китайской стороны входили следующие составляющие³:

— Китай оказывает Пакистану различного рода помощь — "моральную и материальную".

— Обе страны соблюдают пять принципов мирного сосуществования, особенно принципы невмешательства во внутренние дела друг друга и взаимного уважения независимости и суверенитета.

— Пакистанская сторона рассматривает экономическое и социальное развитие Китая как "важный вклад в дело всего мира и развивающихся стран в особенности".

— Пакистанская сторона "полностью одобряет активную роль Китая в международных делах".

Однако после событий 1999 г., когда Пакистан нарушил линию перемирия в Кашмире, что вызвало очередной острый кризис в индо-пакистанских отношениях, в политике КНР в отношении Пакистана появились определенные перемены.

В изменившейся международной обстановке, в том числе и в Южной Азии, Китай должен был выбирать свою линию поведения: или вновь, как и в

предыдущие годы, встать на сторону Пакистана, или присоединиться к другим ведущим державам (США, Япония, страны ЕС, Россия), обеспокоенным конфликтом между “новыми ядерными странами”, и настаивать вместе с этими ведущими державами на скорейшем политическом урегулировании возникшего индо-пакистанского конфликта путем диалога и переговоров. Китай выбрал второй вариант. Во время визита пакистанского премьер-министра в Пекин, приехавшего туда в надежде заручиться поддержкой КНР, китайские руководители, повторив заверения в неизменности политики дружбы и сотрудничества с Пакистаном, все же посоветовали пакистанскому руководству решить возникшие проблемы путем диалога и переговоров, поскольку ядерное и ракетное соперничество в Южной Азии и напряженность вокруг Кашмира не отвечают интересам народов этого региона. Так, Пакистан, по мнению одного из российских специалистов, был в первый раз “покинут своим китайским другом”⁴.

Следующей проверкой близких отношений между Пакистаном и Китаем стали события 11 сентября 2001 г. Прежде, чем определить свою позицию и выразить официальную поддержку США, пакистанские руководители провели консультации с Пекином. По оценке одного из китайских экспертов, профессора шанхайского Центра современного менеджмента Ван Гуанчэна, в Пекине высказались за то, чтобы Пакистан руководствовался собственными соображениями, принимая решение — “в какой форме он может поддержать американскую военную акцию против террористов и как далеко может зайти эта поддержка”⁵. Вместе с тем этот же эксперт отметил, что некоторые китайские политологи не были согласны с такой позицией Пекина, полагая, что “пассивная роль Китая в этом пункте будущей перегруппировки региональных сил может принести Китаю больше вреда, чем пользы”⁶.

Изменился подход Пекина к кашмирской проблеме. Если прежде конфликт из-за Кашмира между Пакистаном и Индией рассматривался как “наследие колониализма в Южной Азии”, и Китай поддерживал пакистанскую сторону, выступая за самоопределение Кашмира, то теперь, как правило, китайские политологи стали излагать “антагонистские позиции” Пакистана и Индии без каких-либо оценок и комментариев, хотя позиция Пакистана и выглядит у них все же несколько предпочтительнее.

Пакистан, как считают специалисты из Китайского института международных стратегических исследований, выступает за определение юрисдикции Кашмира на базе соответствующих резолюций ООН и желаний кашмирского народа путем проведения референдума. Пакистанская сторона рассматривает борьбу за национальное самоопределение кашмирского народа как справедливую, оказывая ему моральную, политическую и дипломатическую поддержку. Пакистан также полагает, что кашмирская проблема не может быть решена на двухсторонней основе, и надеется, что международное сообщество, влиятельные мировые державы будут выступать как посредники в пакистано-индийском конфликте из-за Кашмира. Индия, со своей стороны, по-прежнему считает, что Кашмир является неотъемлемой частью индийской территории, настаивает на решении кашмирского вопроса на двухсторонней основе и определяет деятельность соответствующих организаций в Кашмире как “террористическую”. Сходное изложение позиций Пакистана и Индии содержалось также и в статье эксперта из Института современных международных отношений Ху Шишэна⁷.

Сами китайские специалисты ситуацию в Кашмире стали называть этническим и религиозным конфликтом, связанным с террористическими действиями некоторых религиозных экстремистских сект⁸. Весьма неприятным для Пекина был тот факт, что среди исламских боевиков в Кашмире, участвовавших в конфликте 1999 года, были уйгуры.

Кашмир был также отнесен к “горячим точкам в мире” на китайской периферии (наряду с Афганистаном, Корейским полуостровом, островами в

Южно-Китайском море и Тайванским проливом), тесно связанным с безопасностью Китая⁹.

Особые опасения китайских аналитиков вызывало то, что, во-первых, конфликт в "кашмирской пороховой бочке" близ границ Китая может повлечь за собой напряженность по меньшей мере в двух автономных районах Китая — в Тибете и Синьцзяне, и, во-вторых, этот многолетний конфликт между Пакистаном и Индией обостряется на фоне непрекращающейся гонки вооружений и обладания враждующими сторонами ядерным оружием, угрожая вылиться в ядерную войну, что представляется крайне нежелательным для Китая и для всех государств региона¹⁰.

Китайские политологи не прогнозируют существенного улучшения пакистано-индийских отношений в обозримом будущем, так как ни одна из сторон не готова на уступки в кашмирском вопросе, и, более того, обе стороны играют на кашмирской проблеме при решении ряда своих внутренних проблем. Так, президент Пакистана Мушарраф, вынужденный считаться с сильными антииндийскими и антиамериканскими настроениями в стране, а также с оппозицией влиятельных религиозных кругов, не будет смягчать пакистанскую позицию по кашмирскому вопросу, исходя из внутривнутриполитической ситуации¹¹.

Предполагая, что путь урегулирования кашмирского конфликта будет трудным и долгим, китайские эксперты считают, что диалог между Пакистаном и Индией с подключением представителей международного сообщества является единственным продуктивным способом урегулирования конфликта и оздоровления обстановки в Южной Азии.

Положение в Пакистане в начале XXI века оценивается китайскими специалистами как напряженное и нестабильное. Более того, директор Института американских исследований АОН КНР Ван Цзиси отнес Пакистан, наряду с Афганистаном и Балканским полуостровом "к горячим точкам в мировых политических, военных и культурных конфликтах", полагая, что в Пакистане и Афганистане — по сравнению с другими регионами — этнические и религиозные конфликты "самые сложные", а религиозные экстремистские секты "самые активные". На остроту этнических и религиозных конфликтов в Пакистане обращал внимание Хэ Сицюань, указывавший, что столкновения между суннитами и шиитами в Пакистане в последние годы стоили тысяч жизней и огромных экономических потерь¹².

В военном отношении Пакистан представляется китайским экспертам более слабым, чем Индия. Это различие, как полагают в Пекине, при перерастании конфликта на субконтиненте в военную фазу может побудить Карачи использовать ядерное оружие в целях обороны. Именно по этой причине пакистанская сторона отказывается взять на себя обязательство не применять первой ядерное оружие¹³.

В публикациях китайских авторов очень позитивно оцениваются шаги, предпринимаемые президентом Пакистана Мушаррафом по борьбе с международным терроризмом. Как писал аналитик из Института стратегических исследований при Университете национальной обороны Ван Баофу, Мушарраф занял четкую позицию в отношении борьбы с международным терроризмом и не только оказал большую помощь военной операции США в Афганистане, но также принял ряд мер по контролю над воинствующими исламскими организациями и религиозными экстремистами внутри страны, играя, таким образом, "важную роль в борьбе против действий международного терроризма"¹⁴.

Улучшение пакистано-американских отношений создает определенную проблему для Китая. Китайские политологи указывают, что Южная Азия является одним из ключевых пунктов в глобальной стратегии США, которые после окончания "холодной войны" начали урегулирование своей политики в этом регионе, налаживая отношения с Индией. Однако и место Пакистана в

американской стратегии безопасности стало более важным, особенно после событий 11 сентября 2001 г.

Со стороны Пакистана Ху Шишэн называет четыре фактора, способствующие пакистано-американскому сближению: стремление укрепить политическую власть Мушаррафа, получить помощь США в экономическом развитии, обеспечить интересы безопасности страны, нейтрализовать антипакистанский элемент в индо-американском и индо-израильском стратегическом сотрудничестве¹⁵.

Что касается США, то китайские исследователи полагают, что США заинтересованы в том, чтобы способствовать смягчению напряженности в пакистано-индийских отношениях. Опасаясь тяжелых последствий ядерного конфликта между Пакистаном и Индией и стремясь установить отношения стратегического сотрудничества с Индией, они видят в Пакистане важную страну в Южной Азии, имеющую большое влияние в исламском мире.

Уже цитировавшийся выше Ван Баофу полагает, что США являются "самым важным внешним фактором", влияющим на индо-пакистанские отношения, хотя в целом развитие этих отношений все же будет определяться внутренней ситуацией в Индии и Пакистане, так что США нелегко привести их к диалогу, воспрепятствовать конфликтам и установить контроль над вооружениями в регионе¹⁶.

Таким образом, китайские политологи находят в политике КНР и США по отношению к индо-пакистанскому конфликту немало общего: как Китай, так и США заинтересованы в его урегулировании, улучшая отношения с Индией при сохранении хороших отношениях с Пакистаном.

Однако есть и такие эксперты, у которых пакистано-американское сближение вызывает беспокойство. Инь Ган (Институт Западной и Юго-Восточной Азии) считает, что США могут стать помехой "очень близким связям Пакистана с Китаем, и это создает новую проблему для Китая"¹⁷.

В работах китайских политологов — международных, опубликованных в 2002–2003 гг., явно прослеживается тенденция рассматривать китайско-пакистанские (и соответственно китайско-индийские отношения) не только и не столько с точки зрения двухсторонних межгосударственных связей, сколько с точки зрения геополитической и региональной, поскольку "географически Китай примыкает к региону Южной Азии"¹⁸.

Напряженные отношения между странами Южной Азии, а тем более обострение конфликта между ними — по общей оценке китайских экспертов — будут оказывать негативное воздействие на экономику КНР и на ее внутреннюю стабильность. Часть авторов, пишущих по этой проблематике, отмечает также, что эскалация индо-пакистанского конфликта может приводить "к вмешательству внешних сил", что увеличит угрозу безопасности Китая¹⁹.

В более широком геополитическом плане определенные опасения у китайских аналитиков вызывает сближение Индии и Израиля. Инь Ган, например, полагает, что эти страны "активно развивают союзнические отношения" и могут создать поддерживаемый США альянс, что создает проблему для безопасности Китая. В то же время, как пишет Инь Ган, в некоторых странах, в частности в Израиле, не исключают возможности создания альянса безопасности между Китаем, Ираном и Пакистаном, но, по его мнению, Китаю не следует стремиться к формированию такого союза и, выстраивая свою политику в регионе, КНР более целесообразно предпринимать усилия, чтобы препятствовать "региональному соперничеству в сфере сотрудничества в области безопасности"²⁰.

Исследователь из Института стратегических исследований Ван Гоцян специально анализирует политику Китая и России в регионе Южной Азии²¹. Он считает, что обе страны одинаково заинтересованы в спокойной, стабильной и мирной обстановке в Южной Азии и в мирном решении кашмирской проблемы, хотя источники этих интересов различны. Для Китая на первом плане сто-

ят внутривнутриполитические аспекты. Ему важно, чтобы конфликтная ситуация в Южной Азии не оказала негативного воздействия на экономическое развитие страны и не переросла в войну экстремистских сил, которая может сказаться на внутренней стабильности в юго-западных регионах Китая и привести к военному вмешательству внешних сил. Для России же проблема Южной Азии связана с внешнеполитическими интересами, поскольку этот регион, примыкающий к Центральной Азии, является одним из ключевых в российской внешнеполитической стратегии, и Россия в последние годы стремится восстановить свое влияние в Южной Азии. Ей также невыгодно вмешательство в дела региона со стороны внешних сил. Поэтому, делает вывод Ван Гоцян, смягчение напряженности в индо-пакистанских отношениях и урегулирование конфликта политическими средствами не только соответствует стратегическим интересам России и Китая, но и создает основу для их взаимодействия.

Новые акценты в китайско-пакистанских отношениях определяются в первую очередь меняющимся подходом Китая к проблемам безопасности в АТР и к роли КНР в регионе. Китай, как указывалось в "Белой книге по национальной обороне Китая в 2002 году", предпринимает немалые усилия по стимулированию и поддержке процесса создания стабильной системы безопасности и сотрудничества в Азии: "Таким образом, Китай играет активную роль в углублении сотрудничества в региональной безопасности с азиатской спецификой"²². Не вполне ясно, что же представляет собой "азиатская специфика", лишь некоторые ее элементы можно обнаружить в публикациях китайских политологов. Один из руководителей Института международных отношений Пекинского университета Е Цзычэн, например, полагает, что в Азии для Китая особенно важно "обрести менталитет великой державы", что имело бы большое значение для будущего стабильного окружения Китая. Обладая "менталитетом великой державы", "превращаясь в надежную и ответственную великую державу", Китай сможет с успехом отказаться от старого исторического мышления и с гибких прагматических позиций заниматься решением сложных международных проблем²³.

Исходя из этого, китайские эксперты предлагают прежде всего "сфокусировать усилия на помощи Южной Азии в поддержании сбалансированной ситуации и в ускорении разрядки напряженной атмосферы", развивать, в частности, и в дальнейшем китайско-пакистанские отношения и одновременно улучшать китайско-индийские отношения²⁴. Вместе с тем китайские аналитики рекомендуют также разработать долгосрочную стратегию развития китайско-индийских отношений и действовать в отношениях с Пакистаном и Индией "с осторожностью", так как недооценка значения выверенной политики добрососедства с Индией и Пакистаном могла бы "завести сам Китай в неприятную ситуацию"²⁵. Китайское руководство в полной мере стремится также исходить из факта превращения Индии и Пакистана в ядерные государства.

В довольно многочисленных публикациях китайских специалистов в конце 2003 г., посвященных китайско-индийским отношениям, китайско-пакистанские отношения перестают упоминаться как фактор, существенно влияющий на дальнейшее развитие связей между КНР и Индией²⁶. Китайские политологи отмечают, как правило, что пакистанская проблема более не оказывает негативного воздействия на китайско-индийские отношения, поскольку Китай придерживается более гибкой позиции по отношению и к Пакистану, и к Индии, а последние взаимно заинтересованы в диалоге. Подчеркивается также, что китайско-пакистанское сотрудничество не направлено против третьих стран, а дружественные связи с Пакистаном являются "составным элементом политики Китая в Южной Азии"²⁷.

При отмеченных выше тенденциях в китайско-пакистанских отношениях становится достаточно очевидным, что КНР в своих подходах к проблемам региона Южной Азии будет руководствоваться собственными геополитически-

ми и геостратегическими интересами, ставя во главу угла те факторы, которые могут оказывать влияние на ее внутреннее и международное положение.

1. Жэньминь жибао. 2003. 24 марта. http://russian/people/com/cn/2003/11/06.image.2003.11.06_6268.html; <http://www.chinaembassy.ru/russian/c3574.html>.
2. Ван Гуанчэнг. Китайская политика "добрососедства". Преимущество отдается модернизации страны // *International Politik*. М., 2002. № 2. С. 76.
3. Там же.
4. Педин А.В. Китайско-индийские отношения: проблемы и перспективы // *Восток-Россия-Запад*. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М. 2001. С. 629.
5. Ван Гуанчэнг. Указ. соч. С. 76.
6. Там же. С. 76-77.
7. Zhang Chengming, Cheng Xizhong. Maintaining peace and security in South Asia is in the interest of China // *International strategic studies*. Beijing, 2003. № 1. P. 43-44; Hu Shisheng. Dangerous South Asia // *Beijing review (BR)*. 2002. № 25. P. 15.
8. He Xiquan. Ethnic and religious conflicts in Asia and the Pacific // *Contemporary International Relations (CIR)*. Beijing, 2002. № 5. P. 10-13.
9. Dong Fangxiao. Knowing changes and seeking changes // *CIR*. 2003. № 6. P. 41.
10. Ван Гуанчэнг. Указ. соч. С. 77; Hu Shisheng. Dangerous South Asia...P. 16.
11. Hu Shisheng. Behind three elections: India-Pakistan ties face a frozen period // *BR*. 2002. № 50. P. 10.
12. Wang Jisi. Major features of the new situation and China's foreign policy // *CIR*. 2003. № 5. P.6; He Xiquan. Op. cit. P. 13.
13. Wang Baofu. No winner in Indian-Pakistani conflict // *BR*. 2002. № 9. P. 13.
14. Wang Baofu. Strategic interests of the United States in South Asia // *BR*. 2002. 6. P. 11.
15. Ху Шишэн. Причины сближения Пакистана и США // *Сяньдай гоцзи гуаньси*. Пекин. 2003. 8. С. 43-44 (на кит. яз.)
16. Wang Baofu. Strategic interests... P. 11.
17. Yin Guoqiang. Two issues in studing security environment // *CIR*. 2003. № 1. P.13.
18. Wang Guoqiang. Policies of China and Russia regarding the India-Pakistan issue // *BR*. 2002. № 6. P. 11.
19. Ibid. P. 13.
20. Yin Gang. Op. cit. P. 13-14.
21. Wang Guoqiang. Op. cit. P. 11-12.
22. <http://www.china.data.ru/defence/2002.htm> — 175k — 17.07.2003.
23. Je Zicheng. Taking diplomatic strategy adaptable to environment // *CIR*. 2003. № 1. P. 36.
24. Cui Liru. Creating a favorable environment // *CIR*. 2003. № 1. P. 22; Ma Xiaojun. Change ideal and take initiative in taking countermeasures // *CIR*. 2003. № 1. P. 30.
25. Dong Fangxiao. Op. cit. P. 48; Wang Jisi. Op. cit. P. 6; Ван Гуанчэнг. Указ. соч. С. 71.
26. Fu Xiaoliang, Ji Kunang. Avoiding the clash: Paving the way for Sino — Indian cooperation // *BR*. 2003. № 46. P. 44-45; Zhang Chengming, Cheng Xizhong. Establishment of new type Sino — Indian relations and its perspective // *Intern. strategic studies*. Beijing, 2003. № 4. p. 24-25; India's adjustment of foreign policy and Sino — Indian relations // *CIR*. 2003. № 10. P. 25-55.
27. Чжоу Ган. Визит премьер-министра Ваджпайи в Китай и китайско-индийские отношения // *Гоцзи ваньти яньцзю*. Пекин, 2003. № 5. С. 21 (на кит. яз.).

Информационное обеспечение государственно-административного управления современной Японии

© 2004

Н. Анисимцев

Информационное обеспечение служит одним из важных инструментов государственного-административного управления.

Аппарат государственно-административного управления (далее, — ГАУ) в современных условиях требует постоянно возрастающего количества информации практически обо всех сферах, аспектах жизни общества и государства. Развитие экономики и уровень благосостояния общества, демографические сведения о нем, развитие науки и техники, природно-климатические и экологические факторы, процессы глобализации и интернационализации и т.д. — все должно учитываться министерствами и управлениями при принятии управленческих решений. Количество и качество информации в значительной степени предопределяют и качество решений руководства страны, и качество управления в целом.

В Японии еще в 1960-х годах пришли к выводу, что информация приобретает решающее значение во множестве сфер жизнедеятельности. Еще в рекомендациях правительству от 1968 г. говорилось: "Современное капиталистическое общество от конкуренции в финансовой и технической областях вступило в стадию конкуренции в способности управлять. Именно для этого оно должно располагать всевозможной внутренней и внешней информацией"¹.

Статистическая служба Японии: ее организация и виды официальных статистических обследований

Сердцевиной государственной информации, необходимой для управления, является официальная статистика.

Официальная статистическая деятельность в Японии регулируется на основании трех законов. Это — "Закон о статистике" (№ 18 от 1947 г.), "Закон о координации статистических докладов" (№ 148 от 1952 г.), и "Закон о статистическом центре самостоятельных административных юридических лиц" (№ 219 от 1999 г.).

В структуре государственных органов Японии нет отдельной организации, ответственной за обеспечение статистической информации в национальном масштабе. В каждом министерстве есть подразделения, занимающиеся проведением обследований, вопросами статистики, информацией. К примеру, это департамент статистики и информации в составе секретариата министра в министерстве благосостояния и труда, или департамент обследований и статисти-

Анисимцев Николай Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИДВ РАН.

стики в бюро экономической и промышленной политики министерства экономики и промышленности, или секция обследований и статистики в информационно-административном департаменте при бюро комплексной политики министерства государственной территории и транспорта и т.д.

Тем не менее, статистическая служба имеет и определенную общенациональную иерархическую структуру, она в целом координируется министерством/министерством общих дел (МОД).

МОД опирается на рекомендации Комиссии по статистике (орган 8-й статьи ЗАОГ) при том же министерстве, которая проверяет статистические обследования и обсуждает их стандарты. Комиссия выполняет функции экспертные, предлагает одобрить или не одобрить те или иные методики, результаты обследований.

А основную координационную работу выполняет бюро статистики этого же министерства; здесь особенно велика роль департамента статистических стандартов, входящего в состав названного бюро. Департамент осуществляет основное планирование, проверяет и координирует распределение работы между различными официальными учреждениями ради предотвращения дублирования, поддерживает последовательность и преемственность в сборе статистических сведений, разрабатывает стандарты статистических обследований, координирует международное сотрудничество в данной области².

Непосредственным заказчиком и организатором проведения статистических обследований являются канцелярия, министерства и управления, Банк Японии, иные официальные органы, они обязаны собирать сведения в своей сфере компетенции.

На местах сбор сведений осуществляют как местные органы центральных ведомств, так и органы местного самоуправления, местные правительства. Их секции статистики сотрудничают с центральными ведомствами и проводят обследования как для своих управленческих нужд, так и для общенациональных ведомств. Координирует их работу департамент статистических стандартов; он же предоставляет им материальные средства для обследований по поручению центральных органов.

В своей работе все они руководствуются законодательством страны.

Все статистические сведения в Японии подразделяются на две большие группы: "статистика обследований" (теса-гесэй), регистрирующая изменения, происходящие в обществе и отдельных общинах, и "статистика работ" (гемутокэй), образуемая путем учета проводимых в стране и местных общинах работ. Для процесса ГАУ первостепенное значение имеет "статистика обследований".

В соответствии с законами о статистике "статистика обследований" подлежит одобрению министра общих дел и департамента статистических стандартов бюро статистики этого же министерства.

"Статистика обследований" подразделяется на три вида: "установленную статистику" (ситэй-токэй-теса, Designated Statistics), "предоставляемую статистику" (тодокзидэ-токэй-теса, Notified Statistics), "одобренную статистику" (сенин-токэй-теса, Approved Statistics).

Наиболее важное значение для проведения исследований в целях ГАУ имеет "установленная статистика". Как следует из Закона о статистике, эти статистические обследования устанавливаются по представлению отдельных министерств министром общих дел, их основное назначение — предоставление максимально полной и достоверной информации, необходимой для формулирования базовой политики правительства и важной для жизни нации (ст. 2). Для их проведения необходимо одобрение министра общих дел (ст.7). Обследуемые физические и юридические лица предоставляют запрашиваемую информацию в обязательном порядке (ст.5).

Статистические обследования данного вида проводятся различными министерствами. Например, “Обследование положения страны” проводится министерством общих дел, “Сельскохозяйственная и лесохозяйственная перепись” — министерством сельского, лесного и рыбного хозяйства, “Статистическое обследование динамики производства” — министерством торговли и промышленности, “Обследование пациентов” — министерством здравоохранения.

Обследования “установленной статистики” имеют разновидности — это могут быть “переписи населения” (сэнсасу-теса), “обследования образцов” (хехон-теса).

Примером “переписи населения” могут служить проводимые каждые пять лет обследования положения страны (кокусэй-теса), обследования статистики рабочих мест (дзигесе-токэй-теса).

“Обследованием образцов” является извлечение из данных переписи населения нескольких образцов (сампуру) и сравнение по ним двух временных точек. Так, из обследований положения страны ежемесячно извлекаются “обследования семейного бюджета” (какэй-теса), “обследования рабочей силы” (родореку-теса), а из обследований статистики рабочих мест — “ежемесячные статистические обследования труда” (майгэцу-кинро-токэй-теса).

“Предоставляемая статистика” (тодокэйдэ-токэй-теса, Notified Statistics) — так называют статистические обследования (исключая вышеназванные типы), осуществляемые правительством страны, местными правительствами, а также, Японским банком и Японской торгово-промышленной палатой. Они проводятся с предварительным уведомлением министра общих дел: ему предоставляют сведения о целях таких обследований, перечни вопросов, информируют о контингенте обследования, времени и методах обследования (ст.8). Примерами их являются “Доклад о миграции населения по данным основных книг регистрации населения” (министерства общих дел), “Обследование лиц, эксплуатирующих природные парки” (министерства экологии), “Статистическое обследование планов здравоохранения и благосостояния стариков” (министерства благосостояния и труда).

“Одобренная статистика” (сенин-токэй, Approved Statistics) устанавливается Законом о координации статистических докладов⁴. Она представляет собой статистические обследования, проводимые представителями административных органов страны; если административный представитель намерен обследовать более 10 человек, то он должен получить одобрение министра общих дел (ст.4). Примерами данного типа статистики являются “Обследование тенденций накоплений” (министерства общих дел), “Обследование тенденций расходов” (бывшего управления экономического планирования), “Обследование национального питания” (министерства благосостояния и труда), “Обследование динамики сельскохозяйственного строительства” (министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства), “Обследование инвестиций в оборудование” (министерства экономики и промышленности) и т.д.

Общее число обследований в “статистике обследований” в 2000 г. было 290; из них обследований установленной статистики — 46, предоставляемой статистики — 57, исследований одобренной статистики — 187.

Что касается организации обследований, то всего в национальной статистической работе было в 2002 г. занято 8731 человек⁵. Большая часть их выполняется по поручению центрального правительства местными публичными общинами.

К примеру, при посредничестве местных органов власти проводятся такие важнейшие обследования как: “Перепись населения” (раз в пять лет, для бюро статистики МОД); “Перепись производителей” (ежегодно для министерства экономики и промышленности), “Сельско- и лесохозяйственная перепись” (раз в пять лет для министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства);

“Обследование рабочей силы” (ежемесячно для бюро статистики МОД); “Статистическое обследование тенденций производства фармацевтической промышленности” (ежемесячно для министерства благосостояния и труда); “Обследование здоровья школьников” (ежегодно для министерства просвещения и науки) и т.д.

При посредничестве местных филиалов и отделений министерств проводятся такие обследования: “Обследование исследований и развития” (ежегодно для бюро статистики МОД); “Обзор тенденций спроса на нефтепродукты” (ежемесячно для министерства экономики и промышленности); “Обзор структуры базовой заработной платы” (ежегодно для министерства благосостояния и труда) и т.д.

По результатам статистических обследований готовятся общие обзоры, представляющие основные тенденции развития, и их интерпретации.

Полученная статистика позволяет дать первичный анализ и оценку процессов, протекающих в стране. Она показывает степень расхождения между целями управления и реальными достижениями, позволяет понять реальную направленность развития, провести сравнение с показателями предыдущих периодов, данными о зарубежных достижениях.

Гражданам эти сведения предоставляются в форме публикаций официальных “Белых книг” отдельных министерств, или “Синей книги” МИДа и т.п. Публикуется также “Японский статистический ежегодник”, он выходит с 1949 г. и содержит всеобъемлющую информацию для официальных служб и граждан. “Месячная статистика Японии”, выходящая с 1947 г., призвана информировать общество об основных экономических и социальных показателях. “Статистический справочник Японии” выходит с 1958 г. на английском языке для зарубежной аудитории. Все три последних справочника издаются министерством общих дел.

Поскольку министерствам необходим более глубокий анализ собранных данных, они поручают проведение специальных обследований и аналитических исследований внешним структурам — различным исследовательским центрам, статистическим организациям т.д. В таких случаях образуются специальные “исследовательские общества” (кэнкюкай), состоящие из представителей университетской науки, практических работников, чиновников; председательствуют в таких обществах часто чиновники, представляющие министерство — заказчика исследования. Результаты их работы поступают министерству-заказчику.

Когда в министерстве накоплено достаточно информации по интересующей проблеме, документы поступают в соответствующую министерскую комиссию. Заключение таких комиссий становится основой для разработки законопроектов, планов, бюджетных запросов, предоставляются в форме докладов заседанию кабинета министров.

“Информатизация” государственно-административного управления

Современная эпоха, характеризующаяся революционным развитием информационно-коммуникационных технологий, ставит деятельность ГАУ в новые условия: она открывает перспективы качественно нового взаимодействия в сфере обмена информацией внутри административных органов, информационного взаимодействия органов власти с гражданским обществом, поднимает управленческий труд на более высокую ступень материально-технической и организационной оснащенности.

Японское государство ведет работу по информатизации ГАУ целенаправленно, комплексно и планомерно.

25 декабря 1994 г. кабинет принял “Руководящий план содействия правительственному использованию информационных технологий”, рассчитанный

на период 1995–99 гг. С целью его совершенствования 20 декабря 1997 г. кабинет принял “Основной план развития информатизации администрирования”, рассчитанный на период 1998 — 2002 гг. В марте 2000 г. был принят документ “Основные рамки развития электронных процедур прошений и уведомлений”. Наконец, в июне 2001 г. Стратегическим штабом содействия обществу высокотехнологичных информационно-коммуникационных сетей при правительстве был принят “Приоритетный план “Электронная Япония”, нацеленный на информатизацию администрирования широким фронтом.

В числе основных направлений информатизации администрирования на базе массированного использования информационно-телекоммуникационной техники и технологий решаются такие задачи как: 1) совершенствование материально-технической оснащенности процедур предоставления административных услуг обществу; 2) повышение эффективности обработки и передачи информации внутри государственного аппарата; 3) создание и развитие материальной инфраструктуры информатизации государственной службы в целом.

Стремительно возрастали расходы на информационные системы административных органов страны: в 1989 г. они составляли 436,4 млрд.иен, а в 1999 г. — уже 1 трил.199,9 млрд. иен (рост в три раза за 10 лет).

В обслуживании информационной техники и систем национальных административных органов в 1980 г. было занято 5,132 человека штатного состава и 949 человек внештатно; в 1999 г. соответственно 18,989 человек в штате и 4,377 человек внештатно.

Использование компьютеров правительством Японии началось в 1958 г. — первым был компьютер, установленный в управлении метеорологии для прогнозирования погоды. Далее их численность увеличивалась стремительно. Быстрыми темпами росло использование профессиональных ЭВМ в административных органах страны: так, больших компьютеров (стоимостью свыше 250 млн. иен) использовалось в них в 1970 г. — 44 штуки, в 1999 г. — 794; средних компьютеров (ценой от 40 до 250 млн. иен) в 1970 г. — 98 штук, в 1999 г. — 1,251; малых компьютеров (цена менее 40 млн. иен) в 1970 г. — 29, в 1999 г. — 2,182. В 1999 г. в центральных министерствах и ведомствах на каждого сотрудника приходился один персональный компьютер⁶.

Персональные компьютеры и иные информационные устройства (три четверти общего количества единиц) объединены в локальные телекоммуникационные сети (LAN) — сети внутри учреждений и межминистерские сети. В 1997 г. вступила в действие глобальная телекоммуникационная сеть (WAN) “Касумигасэки”, она соединена с локальными сетями министерств и управлений. Система, кроме того, что она обеспечивает официальную электронную переписку и пересылку документов, также поддерживает выполнение различных секретарских операций, имеет общую статистическую базу данных, обеспечивает электронный поиск. С 1998 г. все японские министерства и управления объединены в единую сеть. Идет объединение их с сетями органов местного самоуправления и публичных корпораций.

Решаются сопутствующие технические проблемы. Разрабатывается стандартизация процесса информационного обмена, система распознавания отправителей и получателей информации, методы получения платежей и электронной коммерции. Решаются и правовые проблемы информатизации и информационного обмена.

В сфере информатизации внутренних операций административных организаций решаются задачи внедрения компьютерных технологий на смену бумажной технологии делопроизводства, перехода к смешанному использованию бумажных и электронных технологий. За период с 1995 г. по 1999 г. рост документооборота в электронной форме составил 3,6 раза. Ставится и решает-

ся задача перехода к внедрению электронно-вычислительной техники в процесс принятия решений, в частности, решений рутинного характера. Идет постоянное формирование и наполнение правительственных баз данных на основе компьютерной техники.

Информатизация отношений общества и органов исполнительной власти призвана обеспечить гражданам максимальные удобства в общении с последними органами. Продолжается информатизация процедур запросов и уведомлений, внедряются технологии с применением гибких дисков и в он-лайн-овом режиме, что должно значительно облегчить гражданам исполнение бюрократических процедур. Намечено поэтапное внедрение системы one-stop service — когда граждане могут получить различные виды сервиса с персонального компьютера на работе или дома в удаленном режиме. Так, с 1997 г. граждане уже могут получить доступ к административному сервису органов самоуправления с почтовых отделений, с 1999 г. эти услуги предоставляются и по мобильному телефону.

Стремительно нарастает предоставление общественности официальной информации через Интернет: каждое министерство открыло свой сайт в сети, где публикуются регулярно официальные документы, статистика, справочники, базы данных. Если в 1996 г. только 338 административных организаций страны имело свои “домашние страницы” в Интернет, то в 2000 г. — уже 1.215 организаций. Решением кабинета от 29 марта 2001 г. “домашние страницы” создаются по единому стандарту, с заполнением обязательных рубрик. С 1 апреля 2001 г. МОД ввело в действие в Интернете “Комплексную систему окон электронного правительства”, открывающую доступ гражданам и предприятиям к административно-управленческой информации (к поиску административных документов, предоставлению законодательства и проч.) С министерствами Японии можно общаться теперь посредством электронной почты.

Осуществляется внедрение электронной технологии подачи официальных прошений и предоставления уведомлений. Более того, с 2000 г. МОД вводит проведение статистических обследований (так наз. “одобренная статистика”) в электронной форме через свою домашнюю страницу в Интернете: лицо получает идентификационный номер и пароль, входит на сайт, отвечает на вопросы, вводит свои данные; данные становятся легко собирать и обрабатывать.

Правительство вводит электронную форму процедур подачи деловых заявок от государственных и частных предприятий. Через Интернет предприятия могут регистрироваться для участия в конкурсе, а с 2003 г. начинает осуществляться и подача заявок в электронной форме. С апреля 2001 г. Министерство государственной территории и транспорта ввело в действие “Службу информации о заготовках для общественных работ”. И так далее.

В перспективе процессы информатизации должны привести страну к формированию “электронного правительства” — правительства, в котором роль человеческого фактора снижена, вытеснена техническими средствами. В целом это способствует развитию общества, в котором непосредственное руководство со стороны бюрократии будет ослабевать.

Перечень достижений Японии в сфере информационного обеспечения ГАУ позволяет говорить, что развитие страны по пути создания “информационного общества” идет успешно. Информация стала постоянно действующим фактором управления в стране. Государство обладает мощной и совершенной системой государственной статистики. Идет масштабная информатизация всех функций государственно-административного управления. На основе столь высокой информационной оснащенности ГАУ страны обретает новую степень мобильности и эффективности.

1. Прохожев А.А. Организация управления экономикой и государством в Японии. М.: Наука, 1977. С. 94.
2. Тьюо сётё сайхэн гайдо букку [Путеводитель по реорганизации центральных министерств и управлений]. Токио, 2001. С. 52.
3. Токэй хо [Закон о статистике]. № 18. 19472. // Роппо дзэнсё [Полный свод законов]. Токио, 2000. Т.1. С. 726-727.
4. Токэй хококу тёсэй хо [Закон о координации статистических докладов]. № 148. 1952 г. <http://law.e-gov.go.jp/htmldata/S27/S27HO148.html>
5. Дэта-букку. Нихон-но гёсэй. 2001 [Книга данных. Японская администрация. 2001]. Токио, 2001. С. 169.
6. Цифры взяты из Дэта-букку. Нихон-но гёсэй. 2001 [Книга данных. Японская администрация. 2001]. Токио, Гёсэй канри кэнкю сэнта. 2001. С.149-170.
7. Дзёхо цусин хякусё. Хэйсэй 13 нэнхан [Белая книга информационных коммуникаций. 2001 г.] / Составлено Министерством общих дел Японии. Токио, 2001. С. 71.

Российский Дальний Восток

Китайский фактор в общественном сознании российского приграничья: срез 2003 года*

© 2004

В. Ларин

Введение

К началу XXI в. Китай стал органической составляющей не только экономической, политической, культурной жизни тихоокеанской России, но и занял существенное место в общественном сознании россиян, проживающих вдоль протяженной — более 4200 км — границы с этим государством. Уже в начале 1990-х гг., когда на пустые прилавки городов и поселков дальневосточных территорий мощным потоком хлынули продукты питания и ширпотреб из соседних провинций КНР, обозначилась экономическая зависимость российского приграничья от соседней страны. В 1993 г. свыше 90% внешнеторгового оборота Амурской области и Еврейской автономной области, до половины объема внешней торговли Хабаровского и Приморского краев приходилось на Китай. Дальний Восток прочно "сел на иглу" китайских мяса, овощей, фруктов, стройматериалов, обуви, недорогой одежды и прочих необходимых местной экономике и рядовому обывателю товаров.

Важным элементом политического климата в регионе были процесс демаркации российско-китайской границы (вплоть до 1998 г.), а затем судьба неразделенных островов на реках Амур и Аргунь. Одновременно массовое китайское присутствие не только в приграничных Хабаровском и Приморском краях, Амурской, Читинской областей и Еврейской автономной области, но и на отдаленных от Китая Сахалине, Камчатке, в Магадане оказывало соответствующее влияние на рынки труда, уровень цен, состояние правопорядка, настроения и общественное поведение населения этих территорий¹.

В начале 1990-х гг., к моменту фактического открытия границы между Россией и КНР, о Китае на Дальнем Востоке не знали почти ничего. В сознании населения мерцал расплывчатый образ многонаселенной и бедной страны, дополненный уже смутными воспоминаниями о "теплой дружбе" 1950-х и пограничных конфликтах конца 1960-х гг. С 1992 г. начался процесс интенсивного движения через границу в обоих направлениях. Сотни тысяч дальневосточников побывали за это время в Китае. Не меньшее число жителей "Поднебес-

Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока России ДВО РАН.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

ной” — рабочих, торговцев, студентов, туристов, бизнесменов — посетили города и поселки Дальнего Востока. Массовый индивидуальный, межличностный обмен вдоль линии российско-китайской границы дал возможность обеим сторонам сформировать достаточно устойчивые образы друг друга, представления о соседней стране и ее жителях. Сегодня эти представления важно учитывать при принятии политических и экономических решений, связанных с российско-китайскими отношениями на региональном уровне, при приграничном взаимодействии между двумя странами.

С 1994 г. лаборатория изучения общественного мнения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока России ДВО РАН осуществляет мониторинг общественного мнения населения приграничных с Китаем территорий на предмет его отношения к своим соседям. Летом 2003 г. силами сотрудников лаборатории при участии коллег из Амурского научного центра (г. Благовещенск) и Института комплексного изучения региональных проблем (г. Биробиджан) Дальневосточного отделения РАН был проведен очередной опрос населения юга Дальнего Востока по этой проблеме. Его результаты стали основой для написания данной статьи.

Опросом были охвачены в общей сложности 701 человек разного возраста, занятий, уровня образования. География опроса выглядела следующим образом: Приморский край — 346 чел. (в том числе 122 чел. в г. Владивостоке), Хабаровск — 203 чел., Амурская обл. — 100 чел. (в том числе 46 чел. в г. Благовещенске), г. Биробиджан — 52 чел. Свой возраст, уровень образования, сферу профессиональной деятельности респонденты указывали самостоятельно. Возрастная структура опрошенных выглядела следующим образом: до 20 лет — 7%, от 21 до 30 лет — 27%, от 31 до 40 лет — 22%, от 41 до 50 лет — 19%, от 51 до 60 лет — 14%, старше 60 лет — 10%.

18% респондентов составляли лица со средним и неполным средним образованием, почти четверть (23%) имела среднее специальное, 11% — незаконченное высшее и 46% — высшее образование. Организаторами проекта был сделан сознательный акцент на лицах с высшим образованием, на том слое населения, который фактически принимает решения и формирует политику в отношении Китая. В то же время результаты опроса убедительно показывают, что по большинству параметров между людьми разного уровня образования не существует заметных различий в подходах, взглядах и оценках Китая, китайцев и российско-китайских отношений.

По различным видам деятельности респонденты распределились следующим образом: студенты, учащиеся — 7%, рабочие в городе и деревне — 21%, представители интеллигенции, служащие, ИТР — 35%, руководители разного уровня, их заместители — 10%, владельцы фирм и компаний — 6%, военно-служащие — 7%, пенсионеры, домохозяйки — 14%.

Результаты данного опроса сопоставляются с данными, полученными в ходе опросов 1994-2002 гг. Сравнения подтверждают общие тенденции, присущие общественному мнению дальневосточников в отношении Китая и его жителей.

I. Китай: общие представления

Материалы всех опросов позволяют утверждать, что на протяжении последнего десятилетия “зарубежные пристрастия” населения юга Дальнего Востока России были достаточно стабильными. В середине 1990-х гг., когда в стране еще не прошла эйфория в связи с “дружбой с Америкой”, верхнюю строчку в рейтинге популярности стран мира занимали США. С 1997 г. эту позицию заняла и по настоящий день прочно удерживает Япония. Большими симпатиями пользовались также страны европейской культуры: Австралия, Германия, Канада, Франция. Все эти годы Китай, наряду с другими упоминав-

шимися в анкетах государствами Азии (КНДР, Республика Корея, Вьетнам, Индия), не фигурировал среди главных приоритетов у жителей российского Дальнего Востока. Доля лиц, признававшихся в наличии наибольших симпатий к КНР, колебалась в пределах 4-6%.

Рисунок 1

Опрошенным рекомендовалось на каждый вопрос об их приоритетах давать не более трех ответов.

Чуть большим (5-9%) был процент людей, выбиравших Китай в качестве объекта туристических пристрастий. Желавших временно поработать в этой стране было не более 2% от числа опрошенных, а готовых эмигрировать туда — максимум 1%. Определенная положительная динамика наметилась в характеристике качества китайских товаров (как "высокое" оценивали его от 0-1% в середине 1990-х гг. до 4% в 2003 г.), однако говорить об устойчивости тенденции явно преждевременно. Данные по Приморскому краю, где опросы проводились наиболее регулярно, несколько отличаются от средне-дальневосточных, но общий срез опроса 2003 г. дает аналогичные данные (см. рис 2), и они полностью подтверждают эти тенденции (см. рис. 1).

Рисунок 2

Ни возрастной, ни образовательный срезы не демонстрируют заметных расхождений в симпатиях населения к Китаю. Если исходить из географии опроса, то наивысший уровень симпатий к этой стране (19% от числа опрошенных) отмечен в пос. Пограничный, который находится на границе с Китаем.

Это естественно, поскольку жизнь и — главное — экономические интересы многих его жителей напрямую связаны с КНР.

Профессиональный срез показывает, что наибольшими симпатиями КНР пользуется у руководителей и их заместителей (21% от числа опрошенных лиц этой категории), наименьшими — у военнослужащих и домохозяек (близко к нулю). Слой руководителей (в общей сложности причислили себя к этому кругу 67 опрошенных) также продемонстрировал наибольшую заинтересованность в туристических поездках в Китай (каждый четвертый) и в желании временно там потрудиться (13% опрошенных при среднем балле 5%).

Страной, куда бы они переехали на постоянное жительство, Китай называли трое рабочих, по одному представителю студенчества и интеллигенции и даже один военнослужащий.

Причины выбора Китая в качестве объекта симпатий концентрируются в трех сферах: экономические достижения страны (22% симпатизирующих Китаю указали на этот фактор), его богатая история (21%), культура и традиции (те же 21%). Для сравнения стоит отметить, что экономические достижения США и Японии также являются основным ориентиром для тех жителей Дальнего Востока, кто отдал свои симпатии этим государствам.

Однако ссылки дальневосточников на историю и традиции Китая скорее являются отзвуком их смутных представлений о своем великом соседе, чем отражением конкретных знаний о нем.

В целом естественно было бы предположить, что немалая часть жителей Дальнего Востока имеет хотя бы общие представления о современных политических и экономических реалиях КНР. В определенной степени так оно и есть. По крайней мере, "отца" китайских экономических реформ Дэн Сяопина смогли идентифицировать как политика 45% опрошенных. Значительно хуже обстоит дело со знаниями по истории и культуре. Цинь Шихуана (первого правителя объединенного Китая) назвали правильно императором 14% опрошенных, Лу Синя писателем — 9%, а Ци Байши художником — лишь 6%. При этом самыми просвещенными в политике оказались жители Амурской области (60% опрошенных правильно определили, кем был Дэн Сяопин), а наименее — приморцы (36%) и биробиджанцы (40%). Закономерно, что лица с высшим образованием имеют более обширные представления о Китае, чем те, кто имеет диплом школы или техникума. Но и среди них более трети опрошенных не знает Дэн Сяопина, три четверти — Цинь Шихуана. Наверняка, в европейской России или Сибири показатели будут еще ниже. Но в данном случае речь идет о жителях приграничья, которые в обыденной жизни постоянно контактируют с китайцами, работают с ними, в сознании и подсознании которых уже прочно укоренился фактор соседства с Китаем. А плохое знание страны, ее истории, традиций, менталитета ее жителей — мощнейший барьер на пути к эффективному с ней сотрудничеству.

Имея представление о крайне слабой информированности россиян о Китае, организаторы опроса в очередной раз задались вопросом об источниках формирования знаний об этой стране у дальневосточников. Сами опрошенные свои источники информации о КНР определили в порядке приоритетов следующим образом:

- общение с китайцами в России — 61%
- телевидение — 42%
- рассказы знакомых — 34%
- газеты — 28%

- поездки в Китай — 26%
- радио — 20%
- научные издания — 9%
- школьные знания — 8%
- популярная литература — 5%.

Помимо этого, каждый пятый сообщил, что ему приходилось читать китайскую литературу, а каждый десятый (9%) заявил, что в той или иной степени владеет китайским языком. Наибольший процент владеющих китайским обнаружился в пос. Пограничный и малых городах Амурской области, где население активно занимается “челночным” бизнесом на китайском направлении. Ясно, что язык, которым большинство из них пользуется — это обиходный набор фраз, необходимых для повседневного общения с китайцами.

Таким образом, для большинства жителей юга Дальнего Востока основными источниками информации о КНР и ее жителях являются личные впечатления, полученные от общения с китайцами, поездок в приграничные города КНР, а также рассказы знакомых и информация СМИ². Следовательно, образ Китая и китайцев в сознании практически всех слоев населения формируется преимущественно на основе индивидуального опыта. Это неудивительно, поскольку каждый третий (35%) взрослый житель юга Дальнего Востока хотя бы раз в жизни побывал в Китае (в Приморье — 40%, Хабаровске — 35%, Амурской области — 46%). Каждый пятый респондент признался, что бывал в Китае 1-2 раза, 8% посещали страну от 3 до 5 раз, а еще 8% — многократно. Наиболее часто ездят туда жители приграничных городов и поселков Приморья и Амурской области, находящихся в зоне пограничных переходов, зарабатывающие на жизнь челночной торговлей и доставкой беспошлинных товаров для российских и китайских предпринимателей³.

Любопытным может быть анализ источников информации по отдельным территориям Дальнего Востока. По некоторым параметрам разброс весьма значителен, по другим (в частности, роль школы, науки, различных общественных организаций в формировании знаний о Китае) он находится в пределах допустимых погрешностей. Очевидно, что достоверных источников о Китае очень мало. Собственные представления, полученные от посещения преимущественно окраинных городов КНР, стремительно выстроенных на месте захолустных деревень и поселков и превратившихся в большие барахолки, даже в отдаленном приближении не могут соответствовать реальному Китаю. Китайцы, на основе мимолетных контактов с которыми на рынках и улицах дальневосточных городов судят о всем народе, его культуре, уровне и характере жизни, — это преимущественно низшие слои китайского общества, наименее образованные, культурные и, соответственно, наименее симпатичные для россиян.

Особого упоминания требуют средства массовой информации как важный источник формирования знаний населения о Китае. Дальневосточники, в массе своей, все же доверяют СМИ, хотя и не могут в большинстве случаев оценить качество и характер сведений о КНР, которыми снабжают их центральные и местные издания и электронные средства массовой информации. 41% опрошенных затруднились с оценкой общей тональности информации СМИ о Китае, 22% признали ее позитивной, 20% — беспристрастной и 15% — негативной. На общем фоне выделяются взгляды жителей Амурской области, где каждый третий опрошенный (35%) высказал суждение о негативной тональности средств массовой информации в отношении Китая.

Между тем, для любого китаеведа очевидно, что настрой подавляющего числа дальневосточных изданий в отношении Китая является преимущественно негативным, а временами даже агрессивно-отрицательным⁴. Количество публикаций, несущих отрицательный заряд и переполненных негативными эмоциями в адрес КНР и китайцев, существенно превышает число тех, где давался бы беспристрастный взгляд на эту страну. Объем знаний большинства авторов репортажей, заметок, статей о Китае ничтожно мал, отчего проистекают фактические ошибки, неверные суждения, нелепые выводы и заключения. Поводами к появлению публикаций служат события преимущественно отрицательного свойства (в т.ч. китайское браконьерство, нелегальная миграция, неоконченный спор за острова на Амуре и прочие), в то время как другие сюжеты появляются исключительно к юбилейным датам (дню образования КНР), официальным визитам и международным встречам (как правило, местного уровня). Склонность современной журналистики к дешевым сенсациям, "горячим" темам и будоражающим массовое сознание фактам диктует общую негативную тональность дальневосточных прессы, телевидения и радио в отношении Китая.

Не добавляет симпатий к Китаю и большинство центральных СМИ. Достаточно упомянуть популярную "Комсомолку" с растянутым на четыре номера "опусом" Н.Варсегова "Заселят ли Сибирь и Дальний Восток китайцы"⁵.

Между тем, лишь третья часть опрошенных жителей российско-китайского приграничья удовлетворена тем объемом знаний о КНР, что они имеют. Две трети утверждают, что хотели бы иметь больше информации. При этом более всего население региона интересуется культурой Китая (35% опрошенных), его историей (29%), экономикой (26%), наукой и образованием (19%). Интерес к китайской политике проявляют только 13%, а к вооруженным силам КНР 10% населения. Каждый четвертый из опрошенных также выразил желание изучать китайский язык. При этом наибольший интерес к языку соседей был проявлен в пос. Пограничный (половина опрошенных), наименьший — во Владивостоке (16%).

Уровень знаний, характер представлений дальневосточников о Китае непосредственным образом сказывается на их отношении и к стране в целом, и к ее жителям.

II. Отношение к китайцам

Присутствие граждан соседнего Китая на территории России стало для Дальнего Востока повседневностью. Характер отношения его населения к китайцам⁶ формируется под влиянием двух обстоятельств. Первое — восприятие (или неприятие) самих китайцев как представителей иной расы и цивилизации, чуждой и малопонятной культуры. Второе — интерпретация политики Китая в отношении России.

1) Восприятие китайцев

Среди наиболее типичных черт, присущих китайцам, две трети опрошенных выделяют трудолюбие, 48% — предприимчивость, 41% — хитрость. Каждый пятый считает их агрессивными. Положительными (с точки зрения россиян) чертами характера их наделяют в значительно меньшей степени: вежливыми их назвали 9%, ответственными — 7%, а щедрыми и честными — по 2% опрошенных. По мнению жителей российского Дальнего Востока, в комплексе положительных черт (за исключением трудолюбия) китайцы заметно

уступают не только японцам, но и корейцам, и самим русским, превосходя лишь представителей Кавказа (см. табл. 1).

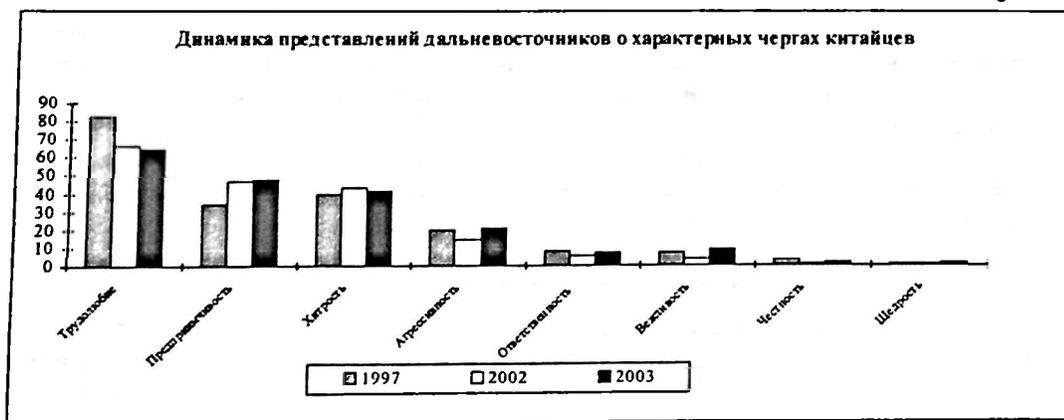
Таблица 1

Типичные черты жителей Восточной Азии, Кавказа и русских в представлении дальневосточников (лето 2003, в процентах от числа опрошенных)

	Китайцы	Японцы	Корейцы	Кавказцы	Русские
Трудолюбие	65	48	49	5	20
Предприимчивость	48	29	31	34	16
Хитрость	41	11	17	40	15
Агрессивность	21	4	6	63	12
Вежливость	9	60	24	2	7
Ответственность	7	37	23	4	9
Честность	2	13	7	1	20
Щедрость	2	2	2	10	47

Анализ динамики представлений дальневосточников за последние 7 лет показывает, что образ “типичного китайца” в их представлении практически не изменился (см. рис. 3).

Рисунок 3

Образ китайца — трудолюбивого, предприимчивого, хитрого — в целом един у россиян разных возрастов и уровня образования и мало зависит от места их проживания. Пожалуй, несколько более положителен он у представителей руководящего звена, наименее привлекателен — у пенсионеров и военнослужащих. Этот образ, коррелируясь с представлениями дальневосточников о роли и месте китайцев на российском Дальнем Востоке на рубеже XIX-XX вв., когда они представляли собой одноликую и безропотную массу разнорабочих, мелких торговцев, слуг, предопределил некоторое высокомерие в отношении китайцев, характерное для немалой части населения региона. 29% респондентов признали, что они ощущают свое превосходство над китайцами. Не заду-

мывались над этим 32%, ответили “нет” (но были ли они до конца искренни?) 38% опрошенных.

Самой “высокомерной” оказалась молодежь в возрасте до 20 лет: почти половина опрошенных молодых людей чувствуют свое превосходство над китайцами. Чем старше человек, тем он терпимее к чужой культуре. Среди лиц старше 60 лет нетерпимых оказалось почти в 3 раза меньше, чем среди студентов и учащихся, и почти в 2 раза меньше, чем среди 20–30-летних.

Каждый третий из опрошенных (34%) также признался, что испытывает чувство отторжения при общении с китайцами. Незнакомы подобные ощущения 39% опрошенных; не замечали за собой таких наклонностей 26%.

В чем причины возникающего отторжения в общении между представителями двух соседних культур? Каждый второй, кто испытывает это чувство, видит его истоки в манере поведения китайцев. Каждого третьего раздражает их внешний вид. 37% списали свои негативные чувства на подсознание. 7% видят их причину в языке, а 2% — в чем-то ином. Более половины (54%) из тех, кто отторгает китайцев, ощущают и свое превосходство над ними, и почти 2/3 ощущающих это превосходство сознались в том, что испытывают чувство отторжения.

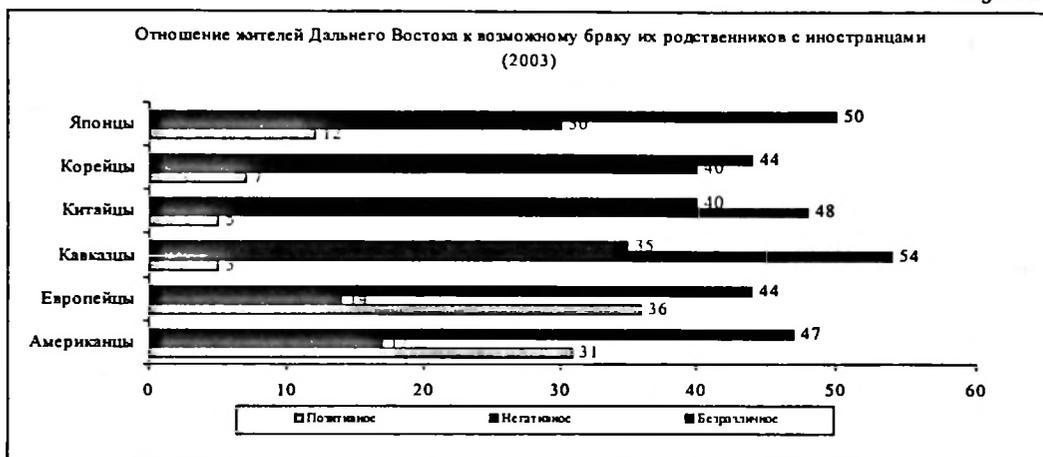
Более глубокий анализ результатов опроса показывает, что среди лиц, негативно воспринимающих китайцев, преобладают те, кто симпатизирует странам Запада: Франции, США, Австралии. Казалось бы, есть основание говорить об определенных “расистских настроениях” россиян, однако против этого выступает одно “но”: половина из тех, кто ощущает свое превосходство над китайцами, называют азиатскую Японию страной, вызывающей у них наибольшие симпатии.

Истоки чувства отторжения и неприятия китайцев кроются не в расизме, национализме или шовинизме россиян, хотя такие обвинения время от времени появляются в китайской научной прессе⁷. Корни их — в том, что жителям российского приграничья преимущественно приходится сталкиваться с жителями окраинных территорий Китая, выходцами из села, рабочими, мелкими торговцами и предпринимателями из бывших крестьян. Неудивительно, что их манеры раздражают, отталкивают, вызывают негативные чувства и отрицательные эмоции. Отсюда недовольство жителей российского приграничья тем, что китайцы “ведут себя, как дома”, “как хозяева”, “громко разговаривают, матерятся, плюются”, “на рынке ведут себя безобразно, некорректно”⁸.

Узнавание китайцев именно с этой неприятной стороны обусловило ухудшение отношения дальневосточников к ним. Почти каждый четвертый (23%) из числа опрошенных признался, что его отношение к китайцам за последние 10 лет ухудшилось, и лишь 15% констатировали положительную динамику. Неизменными остались взгляды 40% населения.

Дополнительную информацию, в целом подтверждающую сделанные выводы, дает ответ на вопрос “Как бы вы отнеслись к браку Ваших родственников с иностранцами?” Рис. 4 совершенно очевидно демонстрирует проевропейскую ориентацию большинства жителей региона и их психологическую неготовность к сближению с азиатскими культурами. Даже к браку с японцами, представителями самой симпатичной для них страны, дальневосточники относятся более отрицательно (30%), чем положительно (12%).

Рисунок 4

К возможному браку своих родственников с китайцами негативно относятся почти половина опрошенных (48%), и только 5% приветствовали бы его (В 1997 г. были получены аналогичные данные: подобный брак не одобрили бы 50% опрошенных, одобрили — 1%). При этом безразличие оставшихся кажется достаточно условным, поскольку для многих вопрос представляется чересчур абстрактным, чтобы серьезно задумываться над ним. Категоричнее всего настроены жители Владивостока (61% против брака и 4% — за), самые лояльные — жители Биробиджана (44% против и 2% за) и Хабаровска (46% против и 8% за).

2) Китайское присутствие на Дальнем Востоке

Китайская миграция — одна из основных проблем Дальнего Востока 1990-х гг. XX в. Китайское присутствие является одним из наиболее привлекательных сюжетов для политиков, журналистов, ученых. Написано и сказано много. Но при пристальном изучении проблемы оказывается, что о китайцах на Дальнем Востоке мы знаем очень и очень мало. Сюжет мифологизирован, политизирован, что сильно мешает и самому существованию мигрантов в России, и особенно эффективному их использованию в интересах России. В оценках этого явления доминируют эмоции, заблуждения, предубеждения, разного рода страхи и “фобии”. Причина в значительной степени заключается в том, что китайская диаспора в России, как и в любой иной стране, является “вещью в себе”. Это структура для европейцев закрытая, настроенная на разрастание (что уже само по себе вызывает опасения местного населения), действующая на основах саморегулирования, упорно препятствующая разрушению своей культурной идентичности, а поэтому во многом для европейского сознания непонятная и потенциально опасная. Более того, за этой диаспорой возвышается уже не просто полуторамиллиардный, но и экономически мощный и технически оснащенный Китай.

Массированная атака политиков, силовых структур, СМИ на сознание жителей Дальнего Востока (и страны в целом) привела к формированию абсолютно искаженных представлений о масштабах китайского присутствия на восточных окраинах России. Уже на 1993 г. число китайцев, временно проживавших на территории Дальнего Востока, оценивалось прессой в пределах от 100 тыс. до 2 млн. чел., а применительно к Сибири и Дальнему Востоку — от 1 до 5 млн. чел. Эти фактически “с потолка” взятые цифры вплоть до сегодняш-

него дня кочуют по всем изданиям, российским и зарубежным, научным и сугубо публицистическим, подпитывают фантазию российских “ястребов” и националистов, служа одной из посылок для выработки различных вариантов национальных стратегий и концепций обеспечения безопасности России, стимулом к развертыванию политических кампаний на местах.

Всего в России в настоящее время находится (по заслуживающим доверия оценкам) от 300 до 400 тыс. китайцев. Из них от 50 до 70 тыс. осели в Москве, являющейся наиболее привлекательным для них плацдармом зарабатывания денег⁹. На Дальнем Востоке, по моим расчетам, проживает 25-30 тыс. китайцев. Среди них 10-12 тыс. контрактных рабочих, от 10 до 15 тыс. торговцев, несколько сот студентов и столько же бизнесменов средней руки.

Однако у населения сложилось стойкое убеждение в росте демографической экспансии, в массовом расселении китайцев на российской территории. Эта мысль уже воспринимается априори, без критической оценки и даже попыток сопоставить цифры и данные. Таблица 2 показывает, как жители региона оценивают долю китайцев в общей численности населения своих территорий.

Таблица 2

Оценка дальневосточниками доли китайцев в общей численности населения территорий Дальнего Востока (в процентах)

	Численность населения территории (2002 г.)	Оценка респондентами доли китайцев в общей численности населения территории					
		до 5%	5-10%	10-20%	20-30%	Св. 30%	Не знают
Приморский край	2,12 млн.	18	28	21	7	3	23
Владивосток	615 тыс.	13	32	20	6	3	24
Хабаровск	580 тыс.	19	24	16	10	5	26
Амурская обл.	902 тыс.	39	35	14	4	0	8
Благовещенск	210 тыс.	33	39	9	2	0	17
Биробиджан	77 тыс.	23	27	12	2	8	29

Если абстрактные проценты предполагаемой доли китайцев от общей численности населения перевести в конкретные цифры, то окажется, что, по представлениям 60% жителей Приморского края, на его территории проживает более 100 тыс. граждан “Поднебесной”. При этом каждый пятый респондент считает, что в крае находится от 200 до 400 тыс. китайцев, а 7% видит их численностью от 400 до 600 тыс. чел. Аналогичные весьма завышенные оценки характерны и для других территорий Дальнего Востока. Разве что амурчане более трезво и осознанно оценивают ситуацию с китайской миграцией. Большинству опрошенных, напуганному постоянными разговорами о китайской экспансии, даже не приходит в голову сопоставить предлагаемые проценты с тем, что они наблюдают на улицах собственных городов и поселков. Ту же слепую убежденность я не раз обнаруживал в беседах со школьниками, студентами, представителями интеллектуальных профессий, т.е. с людьми, которые должны думать, сопоставлять, анализировать. Однако стереотипы, шаблоны, фобии оказались сильнее логики.

Китайский фактор является главной, по мнению жителей юга Дальнего Востока, угрозой интересам России в Восточной Азии и АТР. Отвечая на вопрос, откуда исходят главные угрозы интересам России и ее дальневосточных территорий, 46% опрошенных выделили “экспансионистскую политику Китая”. Остальные угрозы распределились в следующем порядке:

40% — спор из-за Курильских островов с Японией

35% — стремление США к гегемонии

30% — неправильная политика Москвы

12% — конфликт на Корейском полуострове.

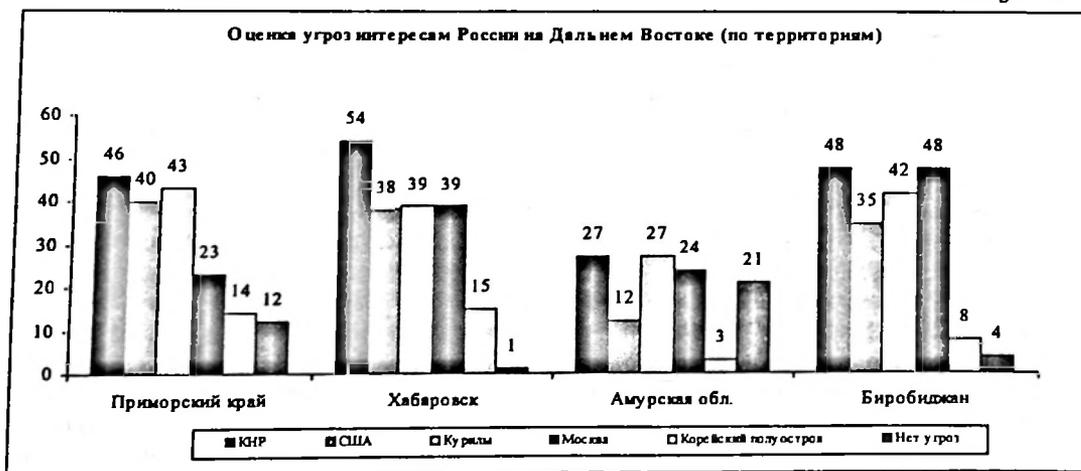
9% опрошенных считали, что угроз России в регионе не существует, а у 8% не оказалось никакого мнения по этому вопросу.

В целом же, ранжирование восприятия угроз по их источникам и территориям Дальнего Востока представляется достаточно любопытным (см. Рис. 5, 5а).

Рисунок 5

Рисунок 5а

Более всего угрозу со стороны Китая ощущают жители Хабаровска (54%), тогда как в Амурской области "уровень страха" в два раза ниже (27%). Для охваченных опросом жителей Биробиджана угрозы со стороны Пекина и Москвы равнозначны (по 48% опрошенных).

Выявить какие-либо отличительные особенности и устойчивые тенденции в оценке угроз в зависимости от возраста и профессиональной принадлежности респондентов не удалось. Очевидно одно: те, кому за 60, главную опас-

ность видят в “агрессивности США” и претензиях Японии на Южно-Курильские острова. Для всех остальных угроза со стороны Китая является первоочередной.

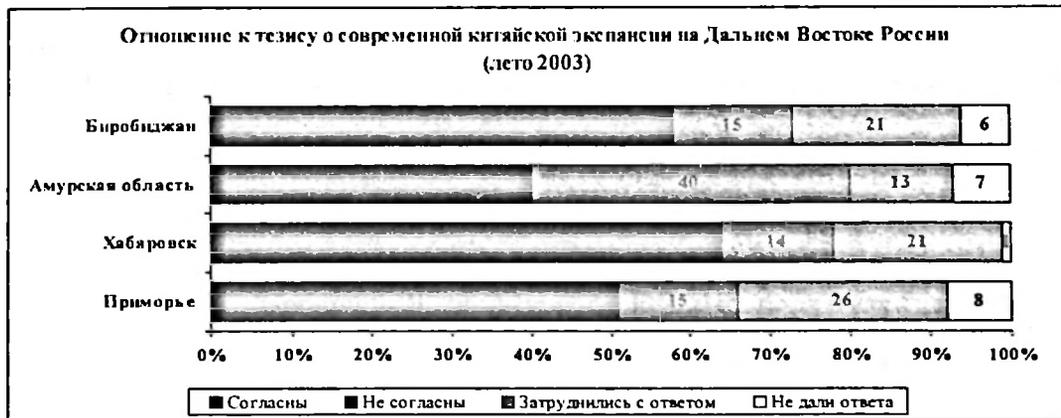
Удивляет достаточно беспечное отношение дальневосточников к ситуации на Корейском полуострове. Объясняется это, с одной стороны, слабой информированностью населения, с другой — стереотипами его мышления, в которых абстрактные “гегемония США” и “неправильная политика Москвы” выглядят страшнее, чем потенциальная война с непредсказуемыми последствиями в нескольких сотнях километров от российской границы.

От оценки угроз мы закономерно переходим к выявлению существующих опасностей со стороны Китая в том виде, как они фигурируют в сознании россиян.

Одним из следствий искаженных представлений о численности китайцев на Дальнем Востоке стало прочно утвердившееся в сознании его населения мнение об уже идущей китайской экспансии в России, причем целенаправленно планируемой и организуемой Пекином. Поэтому с предложенным в анкете тезисом о существовании экспансии Китая на Дальнем Востоке согласились более половины опрошенных (54%). Не верят в китайскую экспансию 18%, остальные затруднились с ответом. Десять лет назад настроения населения были аналогичны¹⁰.

По территориям Дальнего Востока оценки заметно отличаются (рис. 6).

Рисунок 6

Объяснимо лидерство Хабаровска в страхе перед “китайской экспансией”, поскольку большая часть из тех, кто уверен в ее наличии, полагают, что от Китая прежде всего исходят угрозы территориальной целостности России. А именно в черте Хабаровска находятся два острова, на которые усиленно претендует сегодня КНР, и население города хорошо об этом осведомлено. Одновременно три четверти (76%) хабаровчан выразили уверенность в наличии угрозы территориальной целостности России со стороны Китая. Во Владивостоке убеждены в этом 58% населения, а в Благовещенске — вдвое меньше, только 29%. В среднем по югу Дальнего Востока оценки характера угроз со стороны Китая распределились следующим образом:

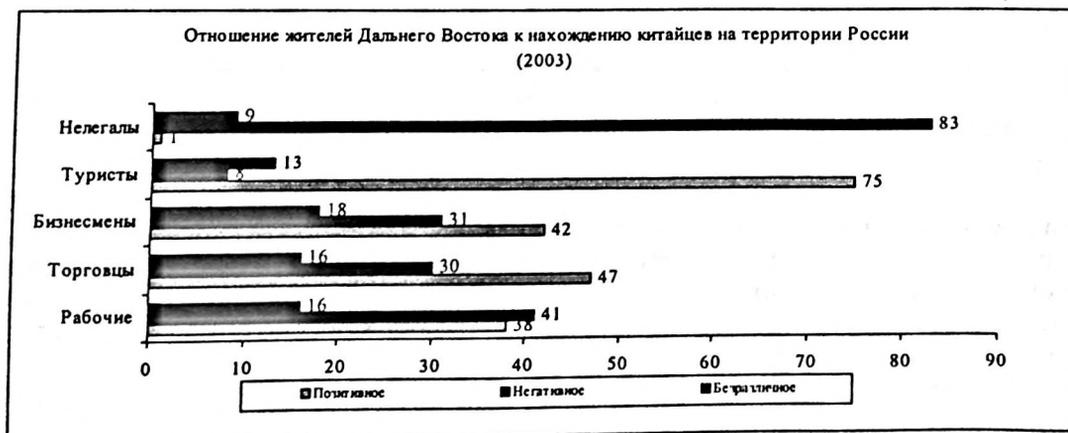
- территориальной целостности России — 58%
- ее экономическому развитию — 32%
- политической независимости — 7%
- суверенитету — 6%
- культурной самобытности — 6%
- другие угрозы — 2%.

Значительная часть тех, кто убежден в уже идущей китайской экспансии на Дальнем Востоке, понимает ее как территориальную (40%). В существовании демографической экспансии со стороны Китая уверены 31% опрошенных, экономической — 27%, тогда как в политической и культурной — по 4%. В наличии территориальной экспансии уверена без малого половина хабаровчан (49%) и жителей Биробиджана (44%), тогда как во Владивостоке и Благовещенске в это верит лишь каждый третий (соответственно, 33 и 35% от числа опрошенных).

Таким образом, страх перед Китаем наиболее сильно проявляется в Хабаровском крае, затем следуют Биробиджан, Приморский край, Амурская область, Владивосток. Благовещенск, от которого до Китая рукой подать (рейсовый катер достигает противоположного берега Амура за 20 минут), выглядит самым благодушным из всех дальневосточных городов. Вырисовывается любопытная закономерность: чем меньше китайцев находится на территории, чем менее активные контакты (прежде всего экономические) поддерживает эта территория с соседним Китаем, тем сильнее страхи и фобии. Например, если в Биробиджане более трети населения (37% опрошенных) убеждены в наличии китайской экономической экспансии, то в Благовещенске, чья экономика теснейшим образом связана с КНР — лишь каждый пятидесятый (2%). В Хабаровске в китайской демографической экспансии убежден 41% населения, однако в Благовещенске, где китайцев бывает в несколько раз больше, чем в столице Дальневосточного федерального округа¹¹ — почти в два раза меньше (22%), а в Приморье, которое ежегодно посещают более 200 тыс. граждан КНР — 31%.

Страхи, опасения, фобии самым непосредственным образом сказываются на отношении населения к пребыванию граждан КНР на территории России. При этом восприятие различных категорий китайцев дифференцировано. Однозначно отрицательно относясь к нелегалам (83% населения выступает против их пребывания на территории России) и положительно к туристам (75% за), жители Дальнего Востока разошлись во мнениях относительно рабочих, торговцев и бизнесменов (рис. 7).

Рисунок 7

Заметной разницы в отношении различных слоев населения и территорий юга Дальнего Востока к китайцам не обнаруживается, разве что рабочие

настроены более негативно в отношении своих китайских коллег, опасаясь или чувствуя конкурентную угрозу с их стороны.

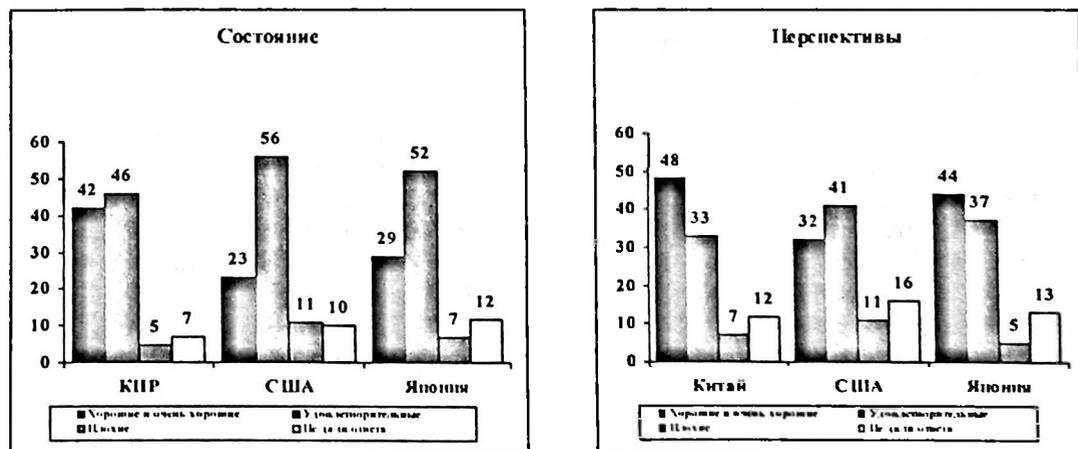
III. Перспективы российско-китайских отношений

Как это ни парадоксально, но при достаточно высоком проценте населения юга Дальнего Востока, опасющегося китайской экспансии, и при стабильно невысоком уровне симпатий к этой стране, жители приграничья весьма оптимистично оценивают состояние и перспективы российско-китайских отношений. В отличие от отношения к китайцам, где доминирует отрицательная кри-вая, мнение жителей Дальнего Востока о Китае меняется в лучшую сторону. Экономические достижения КНР в 90-е годы и стабильные межгосударственные отношения стали тому основой. Каждый третий опрошенный (31%) признался, что его отношение к Китаю за последние 10 лет стало лучше. Ухудшилось оно у 9% населения, у остальных сохранилось на прежнем уровне.

Эти настроения непосредственным образом сказались на оценке состояния и перспектив российско-китайских отношений. Оценивая характер отношений между двумя странами, хорошими и очень хорошими их признали 42% опрошенных жителей Дальнего Востока, удовлетворительными — 46% и плохими — только 5%. В сравнении с тем, как население региона видит отношения с не менее важными для России в Азиатско-Тихоокеанском регионе США и Японией, Китай выглядит даже несколько предпочтительней (Рис. 8).

Рисунок 8

Оценка состояния и перспектив отношений России со странами АТР

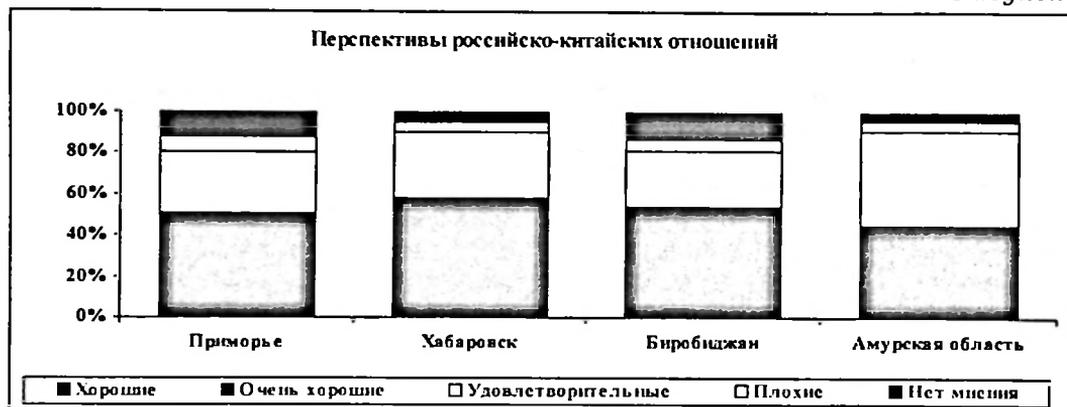

В 1994 г. только четверть дальневосточников (26%) оценила перспективы российско-китайских отношений как "хорошие". 37% видели их "на уровне современных", 8% — "плохими" и 27% затруднились с ответом. Сегодня количество скептиков осталось прежним (7%), но вот число неуверенных в будущем заметно сократилось.

Самыми скептическими в оценке российско-китайских отношений оказались жители Владивостока (13% назвали их "плохими" и 34% "хорошими" и "очень хорошими"), а наибольшими оптимистами — благовещенцы. Ровно половина опрошенных горожан назвала их "хорошими" и "очень хорошими", а процент законченных пессимистов оказался среди них (по крайней мере, в

рамках этого опроса) равен нулю. Даже среди хабаровчан, более всего убежденных в существовании китайской экспансии, скептиков оказалось лишь 5% от числа опрошенных (рис. 9).

Рисунок 9

Несмотря на все экономические и политические потрясения, которые обрушились на их головы в последнее десятилетие, жители Дальнего Востока (по крайней мере те, кто выжил, не уехал за рубеж или в европейскую Россию) остаются неисправимыми оптимистами. Иначе не объяснить тот факт, что на вопрос “Верите ли Вы в благоприятные перспективы развития Вашего края/области?”, 59% ответили утвердительно. Не верит в будущее одна четвертая часть населения, а 12% живут, не задумываясь о нем. На кого же рассчитывают те, кто живет в этом регионе, защищая в нем и свои собственные, и стратегические российские интересы?

Почти половина опрошенных (48%) убеждена, что активно развивать разнообразные связи необходимо прежде всего с Японией. То смутное влечение, которое эта страна вызывает у многих дальневосточников, ее имидж процветающего и привлекательного государства, предопределили ее неоспоримое лидерство. Треть опрошенных (33%) полагает необходимым ориентироваться на связи с Китаем, почти столько же (32%) на сибирские и дальневосточные территории, 28% — на Южную Корею. Особых надежд дальневосточники не питают ни в отношении европейской России (20%), ни США (13%), ни Австралии (9%). О других государствах и районах мира вспомнили лишь 3% опрошенных. Очевидно, что надежды свои дальневосточники возлагают только на себя и соседей по региону. Оставаясь культурно и цивилизационно в Европе, экономически и психологически тихоокеанская Россия давно уже прислонилась к Азии.

IV. Кто симпатизирует Китаю?

В обстановке многолетнего нагнетания антикитайских страстей, застарелых страхов перед “желтой опасностью”, растущего экономического и демографического дисбаланса вдоль российско-китайской границы немаловажным становится определение круга людей, все же испытывающих симпатии к Китаю. Таковых оказалось всего лишь 9% населения, 66 из 701 опрошенных, не так много, чтобы оказывать заметное влияние на общественное мнение, на региональную политику. Однако они представляют собой потенциал, чрезвычайно важный в условиях крепнущих связей региона с КНР, растущего влияния последней на российский Дальний Восток.

Среди лиц, симпатизирующих Китаю, оказались 61% мужчин и только 35% женщин (остальные не указали своего пола), половина (52%) лиц с высшим образованием, преимущественно интеллектуальных профессий (интеллигенция, инженерно-технические работники, руководящий состав). Среди них нет военнослужащих и домохозяек. Первые, видимо, по-прежнему более ориентированы на конфликт с Китаем, чем на сотрудничество с ним, вторых отворачивают китайские рынки и низкокачественные китайские товары.

47% из тех, кто симпатизирует Китаю, одновременно выразили свои симпатии Японии. Чуть более трети из них (36%) хотели бы отправиться в турпоездку в КНР, столько же — в Японию, однако более всего их интересует — как это ни удивительно — Индия (41%). Временно поработать в Китае готова четвертая часть из них, в США — 27%, в Японии — 35%. Выехать на постоянное жительство в КНР хотели бы немногие — 8% от их числа (в то же время в Австралию не прочь уехать 21%, а в США — 15%).

Те, кто симпатизирует Китаю, несколько лучше знают реалии этой страны. Треть точно определила статус Цинь Шихуана (при среднем показателе 14%), 14% — Лу Синя (средний - 9%), 11% — Ци Байши (средний - 6%). Дэн Сяопина идентифицировали правильно 58% (средний - 45%).

Их оценки состояния и перспектив российско-китайских отношений незначительно (в пределах допустимых погрешностей) расходятся со средними по региону. Значительно меньшая часть из них видит угрозы интересам России со стороны Китая (21% против 46% в среднем). Их больше волнуют политика США (42%), Курильская проблема (39%) и политика Москвы (35%). С тезисом о существовании китайской экспансии согласились 32%, чуть больше — 36% — не согласны с ним. Две трети этих людей уверены, что их территориям необходимо развивать экономические отношения в первую очередь с КНР, 59% уповают на Японию.

Значительно более точно оценивают эти люди численность китайцев на территории Дальнего Востока. 44% (против 22% в среднем по региону) уверены, что китайцев менее 5% от численности населения региона, четверть призналась, что не имеет об этом никакого представления, и только третья часть переоценивает их число.

Более терпимо относятся они к пребыванию китайцев на территории России. Даже с нелегалами готовы смириться 6% из них. Почти четверть (23% против 5% в среднем) положительно отнеслась бы к браку своих родственников с китайцами. При этом эти люди проявляют и большую терпимость в отношении браков с корейцами и японцами, но не с представителями Кавказа. Это неудивительно, поскольку китайцы представляются им более привлекательными личностями: более трудолюбивыми, вежливыми, ответственными, честными и менее хитрыми и агрессивными, чем большинству населения региона. При этом образы других народов, упоминавшихся в опросе, в их представлении мало отличаются от присущих региону стереотипов.

Только 17% из них (при 27% в среднем) ощущает превосходство над китайцами (половина не испытывает этих чувств), и 11% испытывают чувство отторжения (средний — 34%).

Почти у половины лиц, симпатизирующих Китаю (48%), в последние 10 лет отношение к этой стране улучшилось. Более трети (36%) сообщили, что улучшилось их отношение к китайцам. Ухудшилось отношение к КНР и его жителям только у 2 и 3% соответственно.

Почти две трети (64%) из этой категории людей бывали в Китае, большая часть их — многократно. Поэтому неудивительно, что главными источниками информации о стране служат для них собственные поездки в нее (55%), общение с китайцами в России (58%), а также телевидение (33%). Естественно, что они проявляют больший интерес к Китаю (особенно его культуре), хотя с китайской литературой знакома лишь треть из них (36% при 22% в среднем). Наконец, 28% из лиц этой категории в той или иной степени владеют китайским языком и 39% хотели бы его изучать.

Вывод кажется однозначным: знание рождает если не симпатию, то уважение и, конечно, большую ответственность.

Заключение

Модель современных международных отношений, которую пытаются строить сегодня в большинстве столиц мира, в том числе в Москве и Пекине, пока еще слабо учитывает характер международных региональных связей, настроения приграничного населения, силу и глубину влияния культурно-цивилизационных компонентов на формирование трансграничных ареалов международного взаимодействия. Между тем российско-китайское приграничье — это одна из немногих в мире обширных зон непосредственных и повседневных межцивилизационных контактов. Это конкретный полигон межкультурного общения, повседневная практика которого беспощадно тестирует новомодные политологические и культурологические теории, на которые так любят ссылаться творцы внешней политики.

Десятилетняя практика межцивилизационного общения вдоль российско-китайской границы не подтверждает прогноза о “столкновении цивилизаций”, по крайней мере, в их славянском и конфуцианском преломлениях. Ни перманентно антикитайская тональность местных СМИ, ни спекуляции на “китайской проблеме” отдельных региональных политиков, ни многочисленные реальные проблемы межкультурного взаимодействия на личном, групповом, территориальном уровнях не привели к заметному обострению отношений.

Безусловно, срезы общественного мнения Дальнего Востока, получаемые в результате социологических опросов, не дают полного и абсолютно адекватного отражения чувств и настроений населения. Очевидно также, что эти настроения подвержены сильным колебаниям и их носители весьма болезненно реагируют на всякое внешнее воздействие. Не цивилизационная несовместимость, а экономические и политические катаклизмы, духовные дискомфорт и дисгармония в российском обществе, размытость национальной идеи, общественных ценностей и идеалов, цинизм политиков, безответственность и невежество журналистов ведут к тому, что под вывеской патриотизма в России за рождаются и расцветают ксенофобия, национализм, расизм.

В мае 2003 г., проводя пилотажный опрос на тему “Интересы населения и роль администрации Приморского края в их реализации”, мы получили одну очень тревожную цифру: почти две трети (62%) опрошенных выразили готовность покинуть край, если им представится такая возможность. Полноценный опрос лета того же года подтвердил эти настроения приморцев: остаться в крае намерены лишь 34% его жителей. Среди горожан и молодежи доля потенциальных мигрантов еще выше: не намерены покидать край только 17% от общего числа опрошенных жителей Владивостока, а среди молодежи в возрасте до 20 лет таковых оказалось лишь 21%. Две трети населения края полагают, что жизнь за пределами России (куда хотели бы выехать 25% от общего числа

опрошенных), в европейской части страны и даже в Сибири значительно лучше и привлекательней, чем на берегах Тихого океана¹².

Сегодня проблема заключается не в том, чтобы увеличить население этой территории, о чем периодически (и без малейшей надежды на результат) рассуждают на самых высоких уровнях. Проблема в том, как предотвратить дальнейшую депопуляцию российского Дальнего Востока. Наиболее экстравагантные “специалисты” уже рисуют и публикуют карты середины XXI столетия, на которых его территория поделена между Китаем, США и Японией.

Немалую роль в миграционных настроениях дальневосточников играют даже не столько фактор Китая (трактуемый в основном как “китайская угроза” и “китайская экспансия”), сколько их неверие в желание и способность Москвы озаботиться судьбой территории, обеспечить ее защиту от внешних угроз. Страшен не Китай. Страшны неготовность, неспособность, нежелание государства защищать свою территорию свои интересы, свою идентичность, свой суверенитет.

1. Примером тому может служить демонстрация рыночных торговцев в Петропавловске-Камчатском в 2002 г., когда они перекрыли центральную дорогу и потребовали от властей убрать с рынков китайцев, которые, по их мнению, торгуют по демпинговым ценам.
2. По данным другого социологического опроса, проведенного в Амурской области, 40,8% опрошенных сформировали свое мнение о Китае и китайцах на основе личного опыта, 13,6% — на базе сведений, полученных от знакомых (отчасти это относится к разряду “слухов”). 23,1% респондентов указали на материалы прессы, телевидения, радио; 4,5% отнесли свои источники к “официальным”; 15,3% сослались на чтение книг, просмотр кинофильмов (Забяяко А.П. Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2002. С. 424).
3. Через погранпереходы Приморского края в Китае побывали в 2001 г. 433 тыс., в 2002 г. — 384 тыс., а в 2003 г. — 420 тыс. российских туристов. Не менее 100 тыс. пересечений границы в год по линии российского туризма фиксируется в Амурской области. По китайской статистике, провинцию Хэйлуцзян посетили в 2002 г. 462 тыс. туристов из России, среди которых абсолютно преобладают жители Дальнего Востока. Конечно, немало среди этих людей тех, кто занимается “челночным бизнесом” и ездит многократно. Эта статистика не учитывает еще десятки тысяч поездок по служебным делам (предприниматели, водители, экспедиторы, студенты, чиновники и пр.).
4. Для подтверждения этого достаточно привести заголовки из местных изданий, посвященных китайской проблеме: “Шелковый захват” (Утро России. 2002. 18 июня); “Фанза ядовитого Хунхуза” (Владивосток. 2003. 29 января), “Китайское мясо нам противопоказано ветеринарами” (Комсомольская правда во Владивостоке. 2002. 12 марта).
5. Комсомольская правда. 2003. 11,12,13,15 ноября.
6. К китайцам автоматически причисляют всех приезжающих в страну граждан КНР, хотя среди них, особенно в Приморье, немало этнических корейцев из Яньбяньского автономного округа пров. Цзилинь. Многие жители региона также не отличают торгующих на рынках вьетнамцев от китайцев.
7. См., к примеру, статью цзилиньского ученого Юй Гочжэна, который пишет о “глубинных культурно-психологических факторах”, обусловивших, по его мнению, нынешнее сугубо пренебрежительное, высокомерное и негативное отношение россиян к китайцам в России. В перечне этих факторов — великорусский шовинизм, расизм, агрессивность, подозрительность, высокомерное отношение к чужим культурам и нетерпимость к другим народам. В совокупности это представляется как типичные черты национального характера русских (Юй Гочжэн. Элосы юаньдун ди-

- цной юй чжунго гуаньсидэ чжиюэ иньсу фэньси [Анализ факторов и условий отношений Дальнего Востока России с Китаем] // Дуоу чжунъя яньцзю. 2002. № 4. С. 60-65).
8. Китайцы — гости, но с хозяйскими замашками. // Амурская правда. 1997. 6 декабря. Аналогично, как на людей "второго сорта", смотрят на китайцев и в Иркутске (См.: Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? — М.: Наталис, 2000. С. 148-155).
 9. См. Гончаров С. Китайцы в России — кто они? // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 4. С. 17-18.
 10. В 1994 г. полностью и частично согласились с утверждением о существовании китайской экспансии на Дальнем Востоке России 62% опрошенных, не согласились — 9%.
 11. В 2001 г. Амурскую область посетили около 136 тыс., а в 2002 г. — 111,6 тыс. китайцев, из них 46 тыс. — по линии туризма. В Приморском крае в 2003 г. побывали 231,6 тыс. китайцев, из них как туристы — 110 тыс. чел. В то же время в Хабаровске ежегодно бывает 25-30 тыс. граждан КНР.
 12. Интересно, однако, что среди тех, кто симпатизирует КНР, остаться в крае выразили намерение более половины (57%). В Москву хотели бы уехать каждый десятый, за пределы России — 29%.

Экономика

“Феномен Чжан Учана”: споры вокруг гонконгского экономиста в КНР

© 2004

О. Борох

Профессору Школы экономики и финансов Гонконгского университета Чжан Учану¹ принадлежит особое место в экономической мысли современного Китая. Ученый снискал репутацию одного из наиболее известных экономистов китайского происхождения. Его вклад в разработку новой институциональной теории признан профессиональным экономическим сообществом. Чжан Учан считается авторитетным специалистом в теории трансакционных издержек, он внес заметный вклад в разработку контрактной теории экономических организаций.

Хотя научная деятельность Чжан Учана развивалась вне пределов материкового Китая, его взгляды оказали воздействие на развитие китайской экономической науки периода реформ. Широкую известность в Китае и во всем мире получили его прогнозы развития китайской экономики. Еще в начале 1980-х годов Чжан Учан одним из первых высказал предположение о том, что Китай будет развиваться в направлении рыночной экономики.

Гонконгский ученый пытался применить западные экономические теории к китайским реалиям и старался ознакомить западных исследователей с экономикой Китая. Он сыграл важную роль в представлении научной общественности КНР теорий ведущих экономистов Запада, прежде всего Р.Коуза и М.Фридмена, которого Чжан Учан лично сопровождал во время его поездок в КНР. Накануне встречи Фридмена с тогдашним генеральным секретарем ЦК КПК Чжао Цзяном в 1988 г. Чжан Учан специально консультировал американского ученого по вопросам экономической реформы в КНР, разъясняя тому специфические китайские понятия “двухколейная система цен”, “волостно-поселковые предприятия”, “разделение двух прав” и др.²

Имя Чжан Учана стало известно в КНР еще в середине 1980-х годов, когда ученый обратился к анализу новых тенденций в китайской экономике и перспектив ее развития. Большой успех среди читателей Гонконга и материкового Китая имела серия статей в гонконгской печати с популярным изложением основных принципов экономической науки. Повышению авторитета ученого способствовало присуждение в 1991 г. Нобелевской премии по экономике Р.Коузу, вместе с которым Чжан Учан работал в Чикагском университете. Коуз высоко оценивал вклад Чжан Учана в развитие экономической теории, он при-

Борох Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

гласил гонконгского коллегу на церемонию присуждения премии и дважды упомянул его имя в своей Нобелевской лекции³.

Известность Чжан Учана среди исследователей, преподавателей и студентов в КНР заметно возросла в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Его лекции в ведущих университетах Китая пользовались огромной популярностью, предприимчивые организаторы даже собирали плату за вход. В Гуанчжоу цена билетов доходила до 300 юаней, что, по словам самого Чжан Учана, сопоставимо с ценой билетов на концерты известной тайваньской певицы Дэн Лицзюнь⁴. В тот период работы ученого все чаще публиковались в китайских газетах и журналах, сборники его статей и брошюры выдерживали многочисленные переиздания, посвященные ему интернет-сайты относились к числу наиболее посещаемых.

Пик популярности ученого, получивший в Китае название “ажютажа вокруг Чжан Учана” (Чжан Учан жэ), относится к 2002 г. Тогда в КНР распространились слухи о том, что Нобелевский комитет собирает материалы о Чжан Учане и рассматривает его в качестве возможного кандидата на Нобелевскую премию по экономике. Казалось, что давняя и нереализованная мечта китайских экономистов об этой наиболее престижной премии может стать реальностью благодаря признанию мировым научным сообществом заслуг Чжан Учана. Однако всплеск интереса к творчеству гонконгского профессора вызвал встречную волну критики со стороны части китайского экономического сообщества.

Отдельные статьи, в которых выражалось несогласие с научными взглядами Чжан Учана, появлялись в КНР еще в 1990-е годы. В начале 2000-х годов число критических материалов росло вслед за ростом популярности самого ученого. Одной из первых скептических публикаций была статья Ся Еяна “Снизить температуру ‘ажютажа вокруг Чжан Учана’”⁵, которая вызвала отклик в китайской аудитории. Летом 2002 г. с критикой выступил известный экономист Ян Фань. Не разделяя энтузиазма части своих коллег, он высказал опасения по поводу возможного присуждения Чжан Учану Нобелевской премии и призвал китайцев быть бдительными, чтобы не допустить развития китайских реформ в “ошибочном направлении”⁶. На следующий год увидела свет книга “Одиннадцать известных профессоров критикуют Чжан Учана”, демонстрирующая несостоятельность его теоретических взглядов и практических предложений⁷. В январе 2003 г. на официальном веб-сайте “Жэньминь ван” была размещена серия критических статей профессора Нанькайского университета (г. Тяньцзинь) Хань Цяна “Переосмысление феномена Чжан Учана”⁸.

Изучение дискуссий вокруг взглядов Чжан Учана позволяет составить более полное представление о развитии китайской экономической науки в период реформ, об особенностях освоения в Китае достижений мировой экономической мысли, а также о сути разногласий внутри интеллектуальной элиты по вопросу о путях реформы в КНР. В процессе полемики китайские ученые обсуждали не только вопросы экономической реформы и ее теоретических основ, но даже идеологические проблемы либерализма и национализма. В ходе критики Чжан Учана наиболее четко обозначили свою позицию представители так называемого “неосновного направления” (*фэйчжюлю пай*) в экономической науке КНР, выступившие против экономического либерализма и радикальных преобразований экономической системы.

Чжан Учан как представитель нового институционализма

Чжан Учан привлек внимание китайской научной общественности не только как яркий экономист, но и как незаурядная личность с колоритной биографией. Будущий ученый родился в 1935 г. в Гонконге. Уехав за границу в 1957 г., Чжан Учан окончил Калифорнийский университет в Лос-Анжелесе, где его преподавателем был А. Алчиан — один из основателей теории прав

собственности. Диссертация Чжан Учана была посвящена исследованию договоров крестьян-арендаторов, в ней затрагивались вопросы тайваньской аграрной реформы. После получения докторской степени в 1967 г. Чжан Учана пригласили работать сначала в Чикагский университет, а затем в Университет Вашингтона в Сиэтле. В Чикаго он встретился с Р.Коузом, труды которого, признанные ныне классическими, Чжан Учан изучал несколько лет. Вот что вспоминал ученый о своей первой встрече с Р.Коузом: “Представляясь, я сказал: “Я потратил три года на изучение вашей статьи о социальных издержках”. Он спросил: “Как вы считаете, о чем эта статья?”. Я ответил: “Об условиях, ограничивающих контракты”. Он встал и сказал: “Наконец-то появился человек, который меня понял”. После этого мы стали хорошими друзьями. На протяжении двух лет, пока я работал в Чикагском университете, он проводил со мной подробные консультации и объяснял свои экономические идеи”⁹.

В ходе изучения институциональной теории Чжан Учан пришел к одной из наиболее радикальных трактовок понятия “транзакционные издержки”, введенного в современную экономическую теорию Р.Коузом для объяснения существования фирмы. По определению Чжан Учана, “в самом широком смысле “транзакционные издержки” состоят из тех издержек, существование которых невозможно представить в экономике Робинзона Крузо”¹⁰. Показательно, что именно Чжан Учану были впоследствии заказаны статьи о Р.Коузе и А.Алчиане, а также о транзакционных издержках и экономических организациях для авторитетного словаря экономической теории “Новый Пэлгрейв”¹¹. Чжан Учан признавался, что “чрезвычайно дорожит этой маленькой удачей и испытывает чувство гордости”¹².

После возвращения в Гонконг в 1981 г. Чжан Учан преподавал в Гонконгском университете и занимался исследованиями в области экономической теории. С началом реформ в КНР он обратился к проблеме изменения экономических институтов. Главной сферой его научных интересов стало использование нового институционализма, прежде всего теории прав собственности и теории транзакционных издержек, для объяснения институциональных изменений в Китае. Среди работ Чжан Учана, выдержавших десятки изданий в Гонконге, континентальном Китае и на Тайване, наибольшую известностьнискали сборники “Слова продающего мандарины”, “Перспективы Китая”, “Еще раз о Китае”, “Экономическая революция в Китае”, “Экономические объяснения” и др.

Уже сам факт знакомства ученого со всемирно известными лауреатами Нобелевской премии по экономике М. Фридменом, Р.Коузом и Д.Нортом, а также их высокая оценка вклада Чжан Учана в развитие экономической науки, способствовали росту популярности гонконгского экономиста в глазах китайской научной аудитории, сильно пострадавшей в профессиональном отношении из-за многолетней изоляции КНР от внешнего мира. В публикациях влиятельных западных авторов нередко можно найти ссылки на его имя. Например, Д.Норт в предисловии к американскому изданию своей книги “Структура и изменения в экономической истории” писал, что пониманию проблем транзакционных издержек и экономических организаций он обязан прежде всего своему коллеге Чжан Учану¹³. Позднее один из участников дискуссий о Чжан Учане заявил, что увлечение идеями гонконгского ученого в КНР объяснялось прежде всего преклонением “перед святилищем” Под “святилищем” подразумевалась принадлежность ученого “к самому высокому лагерю основного направления западной экономической науки, или к группе научных лидеров этого лагеря”¹⁴.

Концепции современной мировой экономической науки и новые методы анализа экономических проблем получали внутри Китая все большее распространение по мере продвижения рыночных реформ. В университетах зарубежные экономические теории заняли доминирующее положение, они заметно по-

теснили “Капитал” К.Маркса. Сначала на китайский перевели “Экономику” П.Самуэльсона, затем учебник Дж.Стиглица, в научный оборот стали быстро входить работы известных зарубежных экономистов. И тут, как признают сами китайские авторы, остро проявилась ограниченность подготовки большинства преподавателей экономической теории. Некоторые из них вообще не читали работы западных экономистов, другие продолжали заниматься критикой “буржуазной экономической мысли”, третьи увлеклись использованием математических методов. В это время появился Чжан Учан — “человек, действительно пришедший из святилища основного направления западной экономической науки, человек, действительно работавший там, единственный китаец, получивший в этом святилище высокую оценку”¹⁴. Гонконгский ученый принес много свежей информации из лагеря экономического мэйнстрима, глубоко и адекватно познакомил китайцев с идеями его представителей. Слушатели лекций Чжан Учана отмечали, что подобных специалистов, способных не только выступить с лекцией, но и действительно вести научный диалог, чрезвычайно мало.

Приверженцы марксистской политэкономии были потрясены. Каким образом в социалистическом Китае мог возникнуть столь искренний интерес к ученому, который открыто выступает против марксизма и высказывается за приватизацию? Автор предисловия к книге “Одиннадцать известных профессоров критикуют Чжан Учана” У Ифэн предположил, что это было связано с “ажютажем вокруг идей нового институционализма” в целом. “Теорема Коуза”, прояснение прав собственности, трансакционные издержки, институциональные установления, изменения институтов — все эти и другие концепции, которые пропагандировал Чжан Учан, не принадлежали самому гонконгскому ученому. Их разработали американские теоретики, Чжан Учан лишь популяризировал и “китаизировал” эти концепции.

Истоки китайского увлечения этим направлением западной экономической мысли отчасти проясняет концептуальная публикация известного ученого У Цзинляня “Современная экономическая наука и китайская реформа”. В ней ставился под сомнение тезис о том, что избранный Китаем на начальном этапе реформ метод проб и ошибок (“переходить через реку, нащупывая камни”) можно считать “успешной стратегией китайской реформы”. В реальности этот курс был вынужденным выбором руководителей и участников реформ в начальный период преобразований, не обладавших необходимыми познаниями в современной экономической теории¹⁵. У Цзинлянь указал, что поначалу китайские экономисты-реформаторы “с большим энтузиазмом” читали П.Самуэльсона, чтобы “наверстать урок современной экономической теории”. Однако система неоклассического синтеза Самуэльсона не давала удовлетворительных ответов на вопросы об определении прав собственности и установлении институтов, после чего ученые обратились к новому институционализму.

Одним из ярких представителей этого течения был Чжан Учан, взявший на себя уникальную роль посредника между мировым экономическим сообществом и китайскими учеными. У Ифэн отмечал, что в конце 1980-х годов лишь немногие китайские экономисты слышали об этих теориях. Однако именно тогда Чжан Учан “привез” с собой из Гонконга американский новый институционализм. Критик заключил, что именно при содействии “активно участвовавших в реформе экономистов” в Китае вокруг Чжан Учана был создан ажиотаж¹⁷.

Еще в середине 1980-х годов Чжан Учан писал, что именно он порекомендовал китайским экономистам сконцентрировать усилия на изучении теории прав собственности, которая, по его мнению, в наибольшей степени помогает понять проблемы реформы в КНР. В 1985 г. он высказал предположение, что “проблемы континентального Китая — это проблемы институтов, т.е. проблемы прав собственности, все остальные экономические теории для материкового Китая не важны”¹⁸. Ранее совет обратиться к изучению китайских инсти-

туциональных реформ дал ему сам Р.Коуз. Еще в начале 1980-х годов он говорил Чжан Учану: “Выбор темы — это ставка, и какая из тем важна, часто трудно определить заранее. Однако если предположить, что тебе обязательно надо сделать выбор, мой ответ таков: я не могу себе представить, какая тема может быть более важной, чем реформа институтов в континентальном Китае”¹⁹. По признанию Чжан Учана, этот совет сыграл определяющую роль в выборе им направления исследований. Китайские авторы обратили внимание на четкость и последовательность изложения Чжан Учаном своей позиции по вопросам экономической реформы в КНР. Уже на начальном этапе реформы ученый прогнозировал, что стоит только Дэн Сяопину перейти к последовательному открытию Китая, как страна начнет развиваться в направлении рынка. В 1982 г. он опубликовал в Великобритании брошюру о возможных изменениях в КНР, где высказал предположение, что в перспективе Китай станет страной с рыночной экономикой²⁰. Когда в середине 1980-х годов в экономике КНР обозначилось движение к рынку, эта брошюра получила в известность в Китае и за его пределами.

На протяжении всего периода реформ в КНР Чжан Учан выступал за переход к системе частных прав собственности. Согласно представлениям ученого, мир знает всего лишь три общественных системы.

Первая — система частных прав собственности. Для ее объяснения Чжан Учан использовал пример со стаканом воды. Тот, кому он принадлежит, может выпить воду и продать стакан кому угодно, положив деньги себе в карман. Если же вещь не принадлежит никому, находясь в общей собственности, многие люди будут стремиться к обладанию ею, так как у нее есть ценность. Такая конкуренция за пользование общей собственностью может привести к распылению ренты. Когда ценность усилий, потраченных на обладание вещью — например все тем же стаканом воды, будет равна ценности этой вещи, чистая ценность стакана воды окажется нулевой.

Второй тип системы создается для того, чтобы ограничить распыление ренты, связанное с режимом общей собственности. В этом случае право на пользование водой из стакана и ее распределение осуществляется в соответствии с иерархическими рангами и статусом, за получение которых люди конкурируют друг с другом. Определение прав через иерархию позволяет сократить масштабы распыления ренты в государстве. Однако при такой системе права людей на пользование ресурсами и получение от них дохода оказываются неодинаковыми. Чжан Учан полагал, что самая главная проблема китайской экономической реформы состоит в том, как заменить общество, построенное в соответствии с иерархическими рангами, на общество, построенное на основании владения правами собственности.

Наибольшее беспокойство ученый высказывал по поводу третьей системы, в основе построения которой лежат права на взяточничество и коррупцию. В этой системе продукция делится на множество различных видов, применительно к которым разработаны различные административные предписания и регламентации, что открывает широкие возможности для взяточничества. Через некоторое время права и сферы взяточничества чиновников четко определяются, коррупция институционализируется. Эта система легче всего может возникнуть при переходе от иерархического построения общества к обществу, основанному на владении правами собственности. По этой причине Чжан Учан предложил максимально ускорить процесс перехода к новой системе и выступил против принятого в КНР курса на постепенные преобразования, полагая, что замедленные темпы реформ приведут к укреплению коррумпированной системы третьего типа и затормозят преобразования на полпути²¹.

Здесь кроется еще одна из причин популярности Чжан Учана. Китайское общество все сильнее страдает от коррупции, что показывают и социоло-

гические опросы, и выступления руководителей страны. Срачивание чиновников и бизнеса становится все более заметным, о коррупции говорят как о большой угрозе, однако полицейские методы помогают мало. Чжан Учан предлагал бороться с коррупцией путем ускорения преобразований и перехода к системе частных прав собственности. В своих исследованиях Чжан Учан придерживался предпосылки рационального максимизирующего поведения индивида, считая, что "исходным моментом" человеческого поведения является "свокорыстие" (цзысы)²². Исходя из этой теоретической предпосылки ученый объяснял коррумпированность чиновников их стремлением к собственной выгоде: "Я уверен, что любой чиновник и любой политик имеет на уме только один приоритет. Как вы и я, они просыпаются утром и думают о том, как получить наибольший доход для себя. При обычных социальных и политических ограничениях коррупция, как правило, является наиболее подходящим путем для достижения этой цели". Характеризуя сложившуюся в КНР ситуацию, Чжан Учан образно пояснял: "Поместив в мою спальню красивую обнаженную женщину, бесполезно просить меня на это не реагировать... Единственный эффективный способ избавиться от коррупции состоит в том, чтобы избавиться от различных предписаний, которые создают возможности для коррупции... В фундаментальном смысле предупреждение коррупции должно заключаться в успешном создании системы, при которой эти предписания будет трудно ввести. Единственная известная человечеству система, способная на такое волшебство, — это система четко определенных и охраняемых частных прав собственности"²³. Радикальные предложения ученого, выступавшего за скорейший переход к системе частных прав собственности, вызвали несогласие у части научного сообщества КНР.

Спор о Марксе: идеологическая полемика с Чжан Учаном

Чжан Учан не скрывал своей критической оценки доминирующей в официальной идеологии КНР теории К.Маркса. Ученый писал: "Я всегда полагал, что среди теорий, повлиявших на народное благосостояние в Китае, зло от Маркса самое глубокое". По его мнению, "в строгом смысле слова, теория Маркса не устарела, она никогда не была правильной"²⁴. Он также заявил, что "в интеллектуальном соревновании Маркса и Коуза, как в области логики, так и нормативной теории, победа полностью принадлежит Коузу"²⁵.

Главной мишенью критики Чжан Учана стала теория прибавочной стоимости. В начале 1984 г. он опубликовал статью об известной тайваньской певице Дэн Лицзюнь, чьи песни запрещали слушать в КНР под предлогом борьбы с "духовным загрязнением". Как писал Чжан Учан, в соответствии с теорией Маркса Дэн Лицзюнь — не капиталист, а рабочий, однако за час работы она может заработать несколько миллионов юаней. Певица не эксплуатирует ни тех, кто приходит ее слушать, ни тех, кто покупает билеты на концерты, а капиталисты или менеджеры компаний всеми силами стремятся к тому, чтобы она подписала с ними контракт. Чжан Учан задавался вопросом, где в этом примере следует искать "прибавочную стоимость", о которой писал К.Маркс²⁶.

Подобные "популярные" примеры и сравнения делали аргументацию Чжан Учана доступной для китайской аудитории. Он отмечал, что теория прибавочной стоимости лежит в основе всего экономического учения К.Маркса, однако "если эта основа явно ошибочна, вся "надстройка" марксистской теории может рухнуть". По его словам, после Второй мировой войны с развитием науки и техники "теория прибавочной стоимости была повсеместно признана абсурдной", да и в Китае марксистская теория также "дышит на ладан". Выступая перед студентами, Чжан Учан часто повторял, что "теории Маркса уже давно произнесен окончательный приговор".

Эти резкие и часто некорректные высказывания были отмечены и широко использованы критиками. У Ифэн замечал, что безапелляционные суждения Чжан Учана по вопросам теории и практики экономической реформы в КНР сделали его популярным не только среди студентов, но и среди так называемых “активно участвовавших в реформе экономистов”. Осуждение радикализма гонконгского профессора исподволь переросло в критику реформаторского крыла в экономической науке КНР. У Ифэн заявил, что реформаторов, “насколько ему известно”, в первую очередь привлекли слова Чжан Учана о том, что Маркс “ошибочен от начала до конца”; вывод Чжан Учана о “своекорыстной человеческой природе” и его убежденность, что рыночная экономика должна быть основана на частных правах собственности; признание системы частной собственности “волшебным рецептом экономического развития”; предложение Чжан Учана “вернуть народу в частное владение ранее изъятые у народа в государственное владение”, а также его слова о том, что “когда коммунистическая партия (*гунчаньдан* — букв. “партия общей собственности”) проводит в жизнь систему частной собственности, казалось бы, содержится некоторое словесное противоречие, однако, если в руках власть, то это вполне осуществимый путь”. Критик заключал, что, “поняв это, естественно можно понять и глубинные причины ‘ажиотажа вокруг Чжан Учана’”²⁷.

Приписывая реформаторам интерес к такому рода заявлениям Чжан Учана, критики, по сути, обвинили их в политических и идеологических ошибках. У Ифэн заявил, что “активно участвовавшие в реформе экономисты” “одобрили основные концепции и предложения Чжан Учана”, а пропагандируемая Чжан Учаном теория нового институционализма стала “источником их мудрости”²⁸.

Противопоставление У Ифэном зрелых экономистов-реформаторов юным студентам, которые, в отличие от ученых, якобы часто высказывали несогласие с мнением Чжан Учана, напоминает о событиях 1960—70-х годов, когда китайские власти сознательно сталкивали молодежь с “реакционными авторитетами” старшего возраста. В реальности другие моменты обеспечили Чжану популярность в студенческой среде. Особое значение имели простота изложения Чжан Учаном своих идей, его быстрая реакция, запоминающиеся примеры. Как носитель китайской культуры, ученый напрямую общался со студентами: лекции Чжан Учана на гуандунском диалекте синхронно переводила на путунхуа его супруга-китаянка. Студентов привлекали оценки, которые нельзя было услышать от собственных преподавателей. Вызывали одобрение и “популистские” высказывания, что студентам не следует учить математику и читать книги по экономике. Многие приходили на лекции из чистого любопытства с целью “посмотреть, как выглядит этот человек”, “получить свежие ощущения”²⁹.

Первые критические публикации о Чжан Учане были посвящены главным образом его моральному облику. Пост-докторант Китайского центра экономических исследований при Пекинском университете Ся Елян писал в 2002 г., что не отрицает ни мудрости Чжан Учана, ни его вклада в развитие теории прав собственности, и восхищается силой влияния его статей. Однако поведение и высказывания Чжан Учана представляются ему странными. Обыгрывая имя гонконгского экономиста, Ся Елян выделяет пять недостойных черт поведения Чжан Учана³⁰. Во-первых, Чжан Учан часто преувеличивает свои заслуги и хвастается ими. Во-вторых, он ставит себя в один ряд с крупными экономистами и превозносит себя, ссылаясь на свои отношения с Р.Коузом и М.Фридменом. В-третьих, Чжан Учан отличается самоуверенностью, считает, что создал эпохальные теории, очень высоко оценивает свои “Экономические объяснения”, сопоставляя их по значимости с трудами К.Маркса и А.Маршалла. В-четвертых, он часто утверждает, что стоит на голову выше

других, “возвышается подобно журавлю среди петухов”. Чжан Учан неоднократно повторял, что последние тридцать лет не читал книг, что у него дома на книжной полке нет трудов по экономике, а только книги по каллиграфии и фотографии, но такие заявления могут направить студентов на неправильный путь. В-пятых, Чжан Учан часто гордится точностью и правильностью своих прогнозов, утверждая, что его прогнозы прежних лет уже стали реальностью. Однако на самом деле Чжан Учан — это “крепкий задним умом Чжугэ Лян”³¹.

Критикой собственно научных воззрений Чжан Учана занимались как молодые исследователи, получившие образование в годы реформы, так и ученые среднего и старшего поколения. Примером полемического выступления молодых ученых может служить статья Дэн Хунту в сборнике “Критика десяти известных китайских экономистов”, подготовленном группой докторантов из Нанькайского университета³². Замысел сборника, на страницах которого молодые ученые критикуют авторитетных экономистов, вызывает ассоциации с периодом “культурной революции”. Однако авторам удалось удержаться в общепринятых рамках научной полемики, составители сборника сознательно ставили задачу “ограничиться схваткой между научными концепциями и не использовать метода личных нападок”³³. Статья о Чжан Учане не выделялась среди полемических оценок других известных экономистов, таких как У Цзинлянь, Ли Инин, Фань Ган, Линь Ифу, Ху Аньган, с которыми молодые исследователи также вступили в научную дискуссию.

Дэн Хунту назвал Чжан Учана одним из создателей нового институционализма, признав его заслуги в разъяснении идей Коуза и разработке теории контрактов. Он отметил способность Чжан Учана кратко и ясно объяснить существо экономических явлений, попасть в самую точку, подобно тому, как в трактате “Чжуан-цзы” “нож мастера разделяет говяжьи туши”, его умение в подходящее время и в нужном месте устроить “научное шоу”³⁴. При этом Дэн Хунту выразил несогласие с предложенным Чжан Учаном делением всех экономических систем на три типа. Он выступил против предложения рассматривать систему частной собственности как цель китайской реформы, а “шоковую терапию” — как оптимальный вариант для Китая. Критик также высказался в защиту исторического материализма Маркса³⁵.

Появившийся вскоре сборник “Одиннадцать известных профессоров критикуют Чжан Учана” принципиально отличался от сборника статей докторантов Нанькайского университета. В книге не только критиковались научные взгляды Чжан Учана, но и демонстрировалось несоответствие его взглядов официальной идеологии КНР и пагубность его идей для будущего развития страны. Критика была направлена как против гонконгского ученого, не стесненного рамками официальной идеологии, так и против китайских экономистов, поддерживавших те или иные его идеи. Отдельные авторы акцентировали связь Чжан Учана с зарубежными экономистами и политиками, представляя его в качестве “экономического миссионера”, намеренно засланного в Китай для проповеди разрушительных теорий приватизации и нового либерализма³⁶.

Профессоров, выступивших на страницах сборника, можно условно разделить на две группы. Одну группу образовали специалисты по марксистской политэкономии, которые осудили высказывания Чжан Учана о Марксе и марксизме. Это направление спора трудно назвать научной полемикой, поскольку выступления Чжан Учана против Маркса сводятся к набору бессистемных, но резких высказываний. Попытки оппонентов обобщить “антимарксистские” взгляды Чжан Учана в виде целостной теории не отличались убедительностью.

Другую группу составили ученые среднего поколения, отнесшие себя к так называемому “неосновному направлению” китайской экономической науки. В отличие от марксистов традиционного толка, эти авторы получили профессиональное экономическое образование и были достаточно хорошо знакомы с мировой эко-

номической теорией. Их основные разногласия с Чжан Учаном касались представлений о целях экономической реформы в КНР и путях ее осуществления.

Сам Чжан Учан не скрывал, что не понял экономической теории Маркса. Выступая в апреле 2002 г. в Пекинском университете, гонконгский ученый заявил: “Что касается основных проблем, поднятых Марксом, я читал его книги, но я не знаю, о чем он говорит. Я придерживаюсь того же мнения, что и Коуз. Мы уже столько лет занимаемся наукой, так много лет ведем экономические исследования, если мы не понимаем, это должно быть ошибочным”³⁷. Называя Маркса “создателем терминов”, Чжан Учан писал, что Маркс не смог четко объяснить своей теории, из-за чего вплоть до сегодняшнего дня ученые продолжают изучать и обсуждать, что же, в конечном счете, тот сказал. На этом основании Чжан Учан заключил: “Разве на земле может быть настолько высокое и глубокое знание?”³⁸.

Можно согласиться с оценкой Жэн Чжицзюня (экономический факультет Юго-Западного университета Китая), критиковавшего Чжан Учана за то, что в его статье о Марксе используется не язык науки, а “нападки и ругательства”³⁹.

Впрочем, качество критики мало отличалось от риторики самого гонконгского профессора. Профессор партшколы провинции Цзянсу Ли Биньянь утверждал, что хотя Маркс уже давно умер, его дух и идеи по-прежнему сохранили свою жизненную силу. Именно в этом и состоит “окончательное суждение” о Марксе, которое должен произносить не Чжан Учан, а история. Такое суждение уже произнесено, поскольку Маркс признан “великим человеком тысячелетия”. То, что Чжан Учан не смог понять “Капитала”, свидетельствует о поверхностности знаний гонконгского ученого⁴⁰.

Профессор шанхайского университета Тунцзи Гу Юйминь критиковал Чжан Учана за то, что вывод о несостоятельности теории прибавочной стоимости не был результатом научного анализа. Он считал приводимый Чжан Учаном пример певицы Дэн Лицзюнь некорректным, показывающим лишь влияние рыночного спроса и предложения на цены, но не затрагивающим существа теории прибавочной стоимости: “Простое отрицание Чжан Учаном теории трудовой стоимости Маркса не может служить доказательством того, что основные положения марксистской экономической теории уже устарели. Напротив, оно позволяет людям увидеть отсутствие у этого человека строгого научного подхода”⁴¹.

Профессор Ляонинского университета Ян Юйшэн ответил Чжан Учану изложением основ официальной идеологии. Критик заявил, что марксизм по-прежнему является эффективной теорией, направляющей развитие социалистической рыночной экономики в Китае. Новое развитие марксизма в современную эпоху представляет “теория Дэн Сяопина”, которую усовершенствовал Цзян Цзэминь, выдвинувший концепцию “тройного представительства”. Ян Юйшэн подчеркнул, что “социалистическая рыночная экономика, которую мы должны создавать и развивать — это рыночная экономика, идейной душой которой является “тройное представительство”, а не рыночная экономика, отмеченная печатью западного “нового либерализма””. Критик заключил, что “Чжан Учан, сбывающий западный товар “нового либерализма” и в то же время попирающий марксизм, не имеет права брать на себя задачу “архитектора китайской реформы”. То, что он выдает себя за “архитектора”, не в счет, поскольку народ не признает таких “архитекторов””. Хотя западная экономическая теория и имеет для Китая определенную ценность, она “не может заменить руководящих позиций экономической теории Маркса”⁴².

Особый интерес представляет позиция ректора Шанхайского финансово-экономического университета профессора Чэн Эньфу — одного из главных инициаторов подготовки сборника статей о Чжан Учане. Называя себя “экономистом-марксистом нового поколения, появившегося в годы реформ”⁴³, Чэн Эньфу выступил против тезиса о несовместимости социализма и рыночной

экономики. Чжан Учан утверждал, что “глубоко укоренившиеся идеи “-измов” и политической борьбы заставили стоящих у власти в Китае искать подходящее название” для общественной системы. Поскольку китайские лидеры “по-прежнему решительно выступают против таких определений, как “капитализм” и “частная собственность”, они избрали новое понятие — “социализм китайского типа”⁴⁴. На это Чэн Эньфу заявили, что после выдвижения в КНР концепции “социалистической рыночной экономики” многие зарубежные ученые не поняли и не признали ее: “Они по-прежнему твердо придерживаются традиционной мыслительной формулы, выдвинутой полвека назад австрийцем Мизесом: или социализм, или рыночная экономика”⁴⁵.

Чэн Эньфу отверг и многочисленные высказывания Чжан Учана о несовместимости общественной собственности и рыночной экономики. Видя противоречие в китайских попытках одновременно отстаивать преимущества коммунизма и поддерживать свободный рынок, гонконгский ученый писал: “Опыт коммунизма в материковом Китае потерпел полный крах, однако там также не хотят перейти к системе частной собственности — как же быть? Это очень глубокий вопрос экономической теории. Китай должен придерживаться имиджа социализма, но в то же время иметь экономическую жизнеспособность, присущую частной собственности и рынку. Для Китая эти два положения одинаково важны, ему надо добиться, чтобы все выглядело прилично и не сложилось ситуации, когда “на вывеске висит баранья голова, а в лавке продается собачье мясо”. Честно говоря, я не представляю, кто из экономистов — лауреатов Нобелевской премии мог бы найти приемлемый ответ на этот вопрос”⁴⁶.

Чэн Эньфу называл подобные заявления глубоко ошибочными и не соответствующими реальной действительности. С его точки зрения, практика реформ в КНР уже доказала, что “социализм совместим с рыночной экономикой” и опровергла догматические представления, согласно которым “рыночная экономика совместима только с частной собственностью”, а “общественная собственность — только с плановой экономикой”⁴⁷.

Чэн Эньфу счел необоснованными выводы Чжан Учана о том, что “в экономическом развитии государств с общественной собственностью одни сплошные недостатки”, а переход к частной собственности приведет к “бурному расцвету”⁴⁸. Ссылаясь на итоги реформ в бывшем СССР и в государствах Восточной Европы, Чэн Эньфу показывал, что результатом приватизации в этих странах стало обострение экономических и социальных проблем. Обращаясь к опыту “шоковых преобразований”, критик переводил обсуждение в практическую плоскость, демонстрируя преимущества избранной в КНР модели постепенных реформ⁴⁹.

Чэн Эньфу вышел за рамки идеологической полемики и обратился к этической критике основополагающего тезиса гонконгского ученого о “свокорыстном поведении человека”. Чжан Учан писал: “Самая важная базовая предпосылка экономической теории состоит в том, что каждый человек в любое время и в любом месте будет в условиях ограничений стремиться к максимальной выгоде для себя. Если говорить не так изысканно, поведение каждого человека последовательно и неизменно, его исходным моментом является своекорыстие... В категориях экономической науки любое поведение рассматривается именно так, будь то пожертвование денег, помощь другим людям, уличные демонстрации и др., — все это имеет исходным моментом “свокорыстие”. Является ли человек своекорыстным по своей сути или нет, это дело философии, физиологии и психологии”⁵⁰.

В ответ Чэн Эньфу привел стандартный набор аргументов, используемых в современных китайских дискуссиях о моральности экономической науки. Он обратился к китайской культурной традиции, в которой важное место занимали споры на тему “изначальной доброты” или “изначальной испорчен-

ности” человеческой природы, а также к рассуждениям о соотношении выгоды для себя (*ли цзи*) и выгоды для других (*ли та*). Чэн Эньфу привел ссылку на “Теорию нравственных чувств” А.Смита, утверждая, что основоположник экономической науки писал не только об экономическом интересе, но и о моральных добродетелях. Он также сослался на “Экономический подход к человеческому поведению” лауреата Нобелевской премии Г.Беккера, где авторитетный экономист писал об альтруистическом поведении внутри семьи⁵¹.

Особое недовольство Чэн Эньфу вызвали критические высказывания Чжан Учана о проводимых в КНР идеологических кампаниях, направленных на повышение уровня морали в китайском обществе. По словам Чжан Учана, “Новые двенадцать китайских заповедей — пять соблюдать, четыре прекрасных, три горячо любить — вызывают у людей и смех, и печаль”⁵². Чэн Эньфу заявил, что подобные насмешки безосновательны, и что развитие рыночной экономики в Китае должно дополняться строительством социалистической духовной цивилизации. Чэн Эньфу также отверг заявления гонконгского ученого о том, что “взятки не связаны с моралью” и что коррумпированность чиновников объясняется исключительно их стремлением к собственной выгоде⁵³.

“Неосновное направление” китайской экономической науки против экономического либерализма Чжан Учана

Экономисты, выступающие против либеральных экономических идей, но не относящиеся к сторонникам ортодоксального марксизма, осознают себя как отдельное интеллектуальное течение и называют себя “неосновным направлением” китайской экономической науки. Критики Цзо Дапэй и Ян Фань, представляющие это течение, использовали обсуждение “феномена Чжан Учана” как повод для выражения мнения о различиях между “основным” и “неосновным” направлениями китайской экономической мысли.

Профессор Института экономики АОН Китая Цзо Дапэй относится к среднему поколению китайских экономистов. После получения докторской степени в 1988 г. он стажировался в Гамбурге, ему принадлежит монография о фрайбургской экономической школе⁵⁴. Большую известность в Китае получила его книга “Экономика беспорядка”, где Цзо Дапэй полемизировал с китайскими сторонниками либеральных экономических взглядов⁵⁵.

Цзо Дапэй писал, что сначала с удивлением воспринял предложение написать статью о “научных разногласиях” с Чжан Учаном, большинство публикаций которого появилось на страницах газет, а не в научной периодике. По его мнению, объектом научной критики могут служить лишь статьи в специализированных экономических изданиях, а не “вздорные” заявления в СМИ. Цзо Дапэй признался, что первоначально воспринял Чжан Учана как “распространителя знаний в области экономической теории”, а его книги — как “популяризированную пропаганду западной экономической теории”⁵⁶. Однако, познакомившись в 1990-е годы с радикальными реформаторскими предложениями гонконгского ученого, он осознал их пагубность для Китая. С его точки зрения, реализация этих предложений приведет к заметному обогащению небольшой группы людей и обществу подавляющего большинства населения КНР.

Цзо Дапэй подчеркивал, что его разногласия с Чжан Учаном сводятся к различию общественных и идейных позиций, а не к разночтениям в области теории. “Мы с Чжан Учаном представляем две различные группы интересов, существующие в обществе и вступающие в конфликт друг с другом. При конфликте интересов уже не остается места научным умозаключениям”⁵⁷. Цзо Дапэй признал, что Чжан Учан получил хорошую экономическую подготовку в известных американских университетах и был знаком с исследованиями основного направления западной экономической науки. Более того, он “раньше

действительно внес небольшой вклад в исследования основного направления западной экономической науки”, став “одним из первопроходцев в области теории контрактов в западной новой институциональной экономической теории”⁵⁸.

Цзо Дапэй отмечал, что вклад гонконгского ученого в мировую экономическую науку ограничивается развитием новой институциональной теории. Получить за это Нобелевскую премию ему вряд ли удастся, поскольку в этой области научные заслуги А.Алчиана и О.Уильямсона значительно превосходят достижения Чжан Учана. В последние годы Чжан Учан не добился каких-либо серьезных научных результатов. Критик заявил, что “если бы Чжан Учан получил Нобелевскую премию, то научному авторитету Нобелевской премии по экономике был бы нанесен ущерб”. Ведь ее лауреатом стал бы автор “вздорных” публикаций в СМИ, сам признавшийся, что “тридцать лет не читал книг”⁵⁹.

Цзо Дапэй назвал “абсурдные” заявления Чжан Учана последних лет классическим примером “экономического либерализма с китайской спецификой”, набором “вредных принципов, ведущих экономику Китая в ошибочном направлении”⁶⁰. Меньшинство, не учитывая интересов большинства и государства, получит возможность свободно грабить богатство, а международный капитал — бесконтрольно извлекать в Китае прибыли. Отличие “либерализма с китайской спецификой” от западных аналогов кроется в том, что он предусматривает проведение либеральных рыночных реформ в развивающейся стране с отсталой экономикой, и потому представляет особую опасность для общества⁶¹.

Представители так называемого “неосновного направления”, чье мнение выразил Цзо Дапэй, ставили перед собой задачу стать “оппозиционной силой, противостоящей доминирующему положению мэйнстрима в области экономической политики”, внести коррективы в экономический курс и не допустить повторения в Китае ситуации, сложившейся в бывшем СССР и ряде стран Восточной Европы в результате “шоковых преобразований”⁶².

Похожие аргументы были развиты в публикациях Ян Фаня, который критиковал Чжан Учана за неприятие постепенных реформ, за пропаганду идей “шоковой терапии” и приватизации, за предложения любой ценой вступить в ВТО. Ян Фань также осуждал Чжан Учана за невнимание к слоям населения, оказавшимся в проигрыше в результате реформ, к проблеме компенсации “слабым группам”. В глазах критика идеи Чжан Учана выглядят для Китая опасными и неприемлемыми. Предлагаемое снятие валютных ограничений вызовет финансовый кризис, тогда как революция в правах собственности приведет к тому, что небольшая часть людей завладеет общественным имуществом и станет делить его между собой. Для Китая это означает рост бедности значительной части населения. Ян Фань заключил, что в публикациях Чжан Учана отсутствуют темы народного благосостояния, демократии, избыточного населения и бедности — “там можно увидеть лишь создание любой ценой системы частных прав собственности и системы свободного рынка”⁶³.

Эти оценки позволяют судить о существовании разногласий между Чжан Учаном и представителями “неосновного направления” экономической мысли КНР. В книге “Идейные течения”, посвященной современным интеллектуальным дискуссиям в КНР, приводится тезис о “трех расколах”, произошедших в среде китайской интеллигенции в годы реформ. Первый раскол намечился в конце 1980-х годов и был вызван различием подходов различных групп китайской интеллигенции к проблеме “демократии” (*миньчжу*). Второго раскола произошло в середине 1990-х годов, когда среди китайской интеллектуальной элиты обозначились различные позиции по проблеме “нации” (*миньцзу*). Третий раскол возник в 1990-е годы в условиях глобализации и социального расслоения, когда главным пунктом разногласий стали проблемы “народного благосостояния” (*миньшэн*)⁶⁴.

Можно видеть, что Ян Фань обвинял гонконгского ученого прежде всего в отсутствии внимания к проблемам народного благосостояния, усматривая здесь главное различие между либеральными экономистами и представителями “неосновного течения”. Критик отмечал, что китайская реформа стоит сегодня перед серьезными проблемами, и идейные споры о дальнейшей стратегии преобразований уже начались: в среде китайской интеллигенции появились “три мощные силы — националисты и государственники в политике, “новые левые” в культуре, “неосновное направление” в экономике”⁶⁵. Представители “неосновного направления” попытались бросить вызов господству “экономического либерализма” и защитить интересы слабых групп населения.

Примечательно, что в “ажитаже вокруг Чжан Учана” Ян Фань увидел сознательно спланированную политическую акцию, приуроченную к XVI съезду КПК. “Теория заговора” связала повышенное внимание к личности и взглядам гонконгского ученого с опасениями международного капитала по поводу того, что новое китайское руководство способно принять меры против экономического либерализма. По мнению Ян Фаня, создавая ажиотаж вокруг либеральных экономистов вообще и Чжан Учана в частности, международный капитал рассчитывал усилить пропаганду идей “шоковой терапии”.

Китайский ученый полагал, что в мире сложилась “ось шоковой терапии”, в которую входят Дж.Сакс из Гарвардского университета, М.Фридмен из Чикагского университета, МВФ, расположенные в Гонконге международные рейтинговые агентства, а также крайние либеральные экономисты, в число которых входит Чжан Учан. Чтобы “пресечь попытки рупоров международного капитала” направить китайские реформы на ошибочный путь, Ян Фань предложил соотечественникам не придавать Нобелевской премии по экономике слишком большого значения⁶⁶. По его мнению, шансы китайских экономистов на получение этой престижной премии крайне малы. Нобелевская премия является категорией западной культуры, и ее лауреат обязан с детства излагать проблемы на английском языке. Экономисты из развивающихся стран должны удовлетворять еще одному условию: им необходимо исследовать проблемы своей страны. Сочетание этих качеств возможно. Индийский экономист А.Сен, получивший премию в 1998 г. за вклад в развитие экономической теории благосостояния, привык писать на английском, он занимается исследованием проблем голода и бедности в Индии. Однако китайские экономисты привыкли к своей культуре, им трудно перестроиться и научиться мыслить по-западному, что сделает их попытки лишь “неумелым подражанием”. Хотя несколько зарубежных китайцев, в том числе и Чжан Учан, владеют английским языком, они не имеют опыта жизни в материковом Китае и лишены “гуманитарной заботы” о большинстве китайского населения. К примеру, Чжан Учан получает высокую зарплату в Гонконге, он оценивает ситуацию во всем Китае исходя из опыта процветающего Пекина, этот ученый крайне далек от реальных нужд простых китайцев.

Ян Фань призвал китайцев не поддаваться на происки “небольшого числа людей, желающих повлиять на китайскую реформу с помощью экономического либерализма” и отказаться от “иррациональных националистических настроений” в вопросе о Нобелевской премии. “Экономисты отличаются от футболистов. Если побеждает китайская футбольная команда — это, несомненно, почетно для Китая. Если же выиграет либеральный экономист, серьезный ущерб будет нанесен интересам китайских национальных предприятий и отдельных людей. Такой человек будет помогать иностранцам забить гол в свои ворота”⁶⁷.

Если же присуждение Нобелевской премии будет означать не столько признание научных заслуг того или иного китайского ученого, сколько станет способом влияния Запада на Китай, то премия эта китайцам не нужна и стремиться к ней просто опасно. Аргументы представителя “неосновного направле-

ния” китайской экономической мысли показывают, что споры вокруг Нобелевской премии скрывают за собой конфликт “научного национализма”, нацеленного на признание заслуг китайской интеллигенции мировым профессиональным сообществом, и “политического национализма”, нацеленного на защиту Китая от проникновения западных либеральных идей.

В ходе критики Чжан Учана свое слово смогли сказать и представители националистического крыла в современной китайской идеологии. Особое место в сборнике “Одиннадцать известных профессоров критикуют Чжан Учана” занимает интервью с членом НКПСК Хэ Синем, широко известным в Китае выступлениями по проблемам истории, экономики и политики. Авторитетный американский синолог Дж.Фьюсмит отмечал, что в 1990-е годы “одним из первым (и несомненно одним из самых громких) голосов нового национализма был голос Хэ Синя, некогда литературного критика, который в конце 1980-х годов обратился к вопросам экономики, политики и международных отношений”. По мнению Фьюсмита, “национализм, и в особенности, антиамериканизм, занимали центральное место во взглядах Хэ Синя”⁶⁸.

Хэ Синь связал критику Чжан Учана с глобальными задачами сопротивления американскому “культурному империализму”, считая навязывание либеральных идей сознательной стратегией США, нацеленной на ослабление позиций Китая. Подобно представителям “неосновного направления”, Хэ Синь проявляет мало интереса к марксизму, обращая особое внимание на пагубность для Китая неоклассической экономической теории и шоковых преобразований экономической системы. Отталкиваясь от идей, высказанных сторонниками “неосновного направления”, он переходит к масштабным обобщениям, касающимся стратегических планов США и их стремления доминировать в мире.

По мнению критика, пропагандируемые Чжан Учаном идеи не находят подтверждения в практике современного капитализма и их можно назвать “образцом лженауки в современной экономической теории”. Если профессиональные экономисты выступали не против западной либеральной экономической мысли, а против ее использования в ходе экономической реформы в КНР, то Хэ Синь провозгласил несостоятельной и саму “теорему Коуза”. Заодно критик осудил так называемые “один священный закон” и “две священные заповеди нового либерализма”, проповедуемые Чжан Учаном. “Железным законом” был назван тезис о том, что заметный экономический рост может быть достигнут лишь в условиях четко определенных частных прав собственности, а “двумя священными заповедями” — “теорема Коуза” и предложенный Чжан Учаном способ борьбы с коррупцией путем устранения многочисленных предписаний⁶⁹.

Исследуя пути проникновения в Китай новой либеральной экономической идеологии, Хэ Синь “обнаружил” Чжан Учана, засланного американцами и англичанами в Китай сразу же после перехода страны к политике реформ и открытости⁷⁰. Это подтверждает соответствующее “признание” самого Чжан Учана. Тот не скрывал, что уже в начальный период реформ Р.Коуз посоветовал ему переехать в Гонконг и заниматься там преподавательской деятельностью, чтобы быть ближе к континентальному Китаю, где начинаются крупные экономические преобразования. Интерпретируя этот факт как сознательно спланированную на Западе подрывную акцию, Хэ Синь задавался вопросом, почему Чжан Учана направили в Гонконг: “Не потому ли, что американцы и англичане особенно любят нас, они торопятся вооружить наши мозги передовыми знаниями в области экономической науки, чтобы наша экономика как можно скорее модернизировалась и стала новым конкурентом в глобализирующейся экономике?”. На этот риторический вопрос Хэ Синь дал однозначно негативный ответ. Америка посылает в Китай Чжан Учана, Дж.Сакса и подобных им экономистов участвовать в разработке теории реформы для того, чтобы реализовать собственные стратегические цели и ослабить позиции Китая в кон-

курентной борьбе. Хэ Синь напомнил, что в бывшем СССР идеи “шоковой терапии” Дж.Сакса имели больший разрушительный эффект, чем атомная бомба, и нанесли значительный ущерб экономике главного врага США.

Хэ Синь вывел обсуждение “феномена Чжан Учана” далеко за рамки научных споров о влиянии идей гонконгского ученого на теорию и практику экономической реформы в КНР. Сравнив Чжан Учана с “миссионером”, проповедующим в Китае идеи экономического либерализма, Хэ Синь призвал критиковать его взгляды в интересах успешного противостояния Китая стратегическим планам США. В этом контексте мечты о Нобелевской премии для китайского экономиста выглядели как синоним измены национальным интересам. Хэ Синь отмечал, что этой премии уже был удостоен Р.Коуз — “крестный отец” теорий приватизации Чжан Учана и Сакса. Националистически настроенный критик полагает, что за заслуги в устранении конкурентов Америка должна дать Дж.Саксу, Чжану Учану и им подобным все крупные премии, поскольку в настоящее время они награждены “далеко недостаточно”¹¹.

Хотя лишь немногие китайские интеллектуалы были готовы разделить эту радикальную антизападную позицию, линия на критическое сопоставление взглядов Чжан Учана с практикой современного капитализма была развита другими учеными. В качестве примера можно указать на опубликованную в интернете серию статей профессора Нанькайского университета Хань Цяна. Наибольший интерес представляет заключительная публикация “Поворотный момент в ажиотаже вокруг Чжан Учана”. Хань Цян напомнил, что многие выступления Чжан Учана сводятся к пропаганде свободной экономики американского типа и теории “всемогущества приватизации”, одним из излюбленных аргументов гонконгского ученого служат слова М.Фридмена о том, что люди всегда проявляют большую осторожность при использовании своих денег, чем чужих.

Однако проблемы некоторых крупных американских компаний (например, фальсификация бухгалтерской отчетности “Энрон” и “Уорлдком”) показывают, что кризис доверия может возникнуть и в условиях системы частных прав собственности. По мнению Хань Цяна, подобно тому, как восточноазиатский кризис 1998 г. привел к падению интереса к концепции “конфуцианского капитализма”, выдвигавшейся рядом ученых в начале 1990-х годов на волне успехов азиатских стран, проблемы в частных компаниях США ведут к ослаблению интереса к свободной экономике американского типа и к “теории всемогущества приватизации”. Это, в свою очередь, заставит китайских ученых переосмыслить “феномен Чжан Учана” и снизит возникший вокруг него “ажитаж”¹².

Споры о Чжан Учане и развитие китайской экономической мысли

В начале 2004 г. число критических публикаций о Чжан Учане заметно сократилось. Его взгляды стали привлекать в Китае значительно меньше внимания, чем в 2002-2003 гг. Изучение материалов прошедшей дискуссии позволяет заключить, что обсуждение “феномена Чжан Учана” дало китайским ученым возможность высказать свою точку зрения по наиболее острым проблемам политического, экономического и социального развития страны. Дискуссия сфокусировалась на личности и воззрениях Чжан Учана прежде всего потому, что ученый имел ясно сформулированную и бескомпромиссную позицию по большинству острых проблем современного Китая. В процессе полемики с гонконгским экономистом четко обозначились идейно-теоретические позиции представителей различных групп китайской интеллектуальной элиты, включившихся в спор о “феномене Чжан Учана”.

Резкие высказывания Чжан Учана о К.Марксе вызвали недовольство ученых, специализировавшихся на изучении и преподавании марксистской

экономической теории. В то же время его радикальные предложения об ускорении реформ и переходе к системе частной собственности вступили в противоречие с взглядами сторонников постепенных преобразований. Если защитники К.Маркса критиковали Чжан Учана с помощью ссылок на официальные партийные документы, то сторонники “неосновного направления” в китайской экономической науке в ходе полемики по сути дела выражали несогласие с некоторыми мероприятиями проводимой в КНР экономической политики. Связи Чжан Учана с ведущими западными экономистами вызвали негативную реакцию представителей националистической интеллигенции, увидевшей в гонконгском экономисте проповедника опасных для Китая либеральных экономических идей.

В процессе споров были затронуты также проблемы методов экономического анализа. Главный пункт разногласий большинства китайских экономистов с Чжан Учаном касался использования математики в экономических исследованиях. Хотя основной пафос высказываний Чжан Учана сводился к тому, что успехи в области экономической теории могут быть достигнуты и без применения математических методов, оппоненты интерпретировали эти слова Чжан Учана как призыв отказаться от использования математики в экономических исследованиях. На этом основании они критиковали гонконгского ученого за то, что своими заявлениями тот направляет студентов на ошибочный путь. Можно согласиться с выводом китайских авторов, что разногласия внутри интеллектуальной элиты по вопросам экономической теории и методологии обозначились в Китае задолго до появления Чжан Учана, а Чжан Учан стал лишь катализатором идущих в КНР споров. “Развитие китайской экономики и китайской экономической науки породило самое большое в китайской истории число экономистов — от “школы морских черепах” до “школы болотных черепах”⁷³. Дискуссии о том, важно ли уделять внимание математической логике или реальному миру уже давно подспудно назревали, но не выходили на поверхность, не разгорались. Однако их всплеск был неизбежен. Чжан Учан настолько своенравен, с таким самомнением, яркая индивидуальность, к тому же американец гонконгского происхождения, от этого пороховой бочке легче всего было загореться”⁷⁴.

Анализ дискуссии вокруг Чжан Учана дает возможность сравнения интеллектуальных течений, возникших среди китайских и российских экономистов в период рыночных реформ. Можно видеть, что размежевание сил в научном сообществе проходило по-разному. В Китае в процессе обсуждения “феномена Чжан Учана” линия водораздела прошла между сторонниками марксизма и приверженцами институционализма. При этом в КНР под институционализмом имелся в виду прежде всего новый институционализм, исходящий из неоклассической парадигмы и “стыкующийся” с мейнстримом. В России такого размежевания не произошло. Напротив, как отмечают исследователи современной российской экономической мысли, в нашей стране “под институционалистов “работает” значительное число авторов, не желающих продолжать считаться “чистыми” марксистами, т.е. демонстрирующих свое удаление от “ортодоксальной точки” советского марксизма, но не владеющих необходимым инструментарием экономического анализа. Это скорее мимикрия под старый институционализм, институционализм протестный, который был сосредоточен на критике основного течения экономической науки...”⁷⁵.

Примечательно, что обсуждение в КНР взглядов Чжан Учана сводилось главным образом к спорам о перспективах развития Китая. Лишь незначительное число участников полемики пыталось дать профессиональную оценку вклада гонконгского экономиста в развитие новой институциональной теории. Заслуги Чжан Учана в разработке теории контрактов и теории трансакционных издержек в ходе дискуссий практически не затрагивались. Хотя национа-

лирические интонации звучали в выступлениях как сторонников, так и противников Чжан Учана, участники дебатов ограничились темами мирового престижа китайской науки и противостояния опасным для Китая западным либеральным идеям. Весьма важный вопрос о связи успехов Чжан Учана в разработке новой институциональной теории с его принадлежностью китайской культурной традиции остался за рамками дискуссии. Есть основания полагать, что культурно-цивилизационная предрасположенность могла сыграть здесь определенную роль, однако этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. Для большинства западных экономистов идеи Р.Коуза оказались слишком сложными для восприятия, тогда как Чжан Учан стал одним из немногих, кто правильно понял суть его концепции и был признан профессиональным сообществом “экономистом, лучше всех разбирающийся в теории Коуза”⁷⁶.

В процессе обсуждения “феномена Чжан Учана” критика взглядов гонконгского ученого в КНР отличалась резкостью и политизацией, принципы научной дискуссии часто нарушались. Вместе с тем острая полемика по вопросам теории и практики реформы играла положительную роль, способствуя поиску компромиссных решений и оптимальных вариантов дальнейшего углубления преобразований. К тому же прогресс Китая в области интеллектуальной свободы и открытости уже достиг того уровня, когда даже самая жесткая критика в адрес того или иного ученого не означает автоматического запрета на обсуждение его идей в содержательном ключе. Волна критики 2002-2003 гг. не лишила Чжан Учана популярности среди части китайских экономистов и студентов экономических специальностей. По их мнению, “людям может нравиться или не нравиться личность профессора Чжан Учана, однако научный статус и вклад в экономическую науку профессора Чжан Учана непоколебимы”, он и сегодня остается “самым известным в мире экономистом-китайцем”⁷⁷.

Кампания критики Чжан Учана не помешала и дальнейшему освоению экономической наукой КНР идей нового институционализма. Теория прав собственности широко используется китайскими экономистами при исследовании проблем экономической реформы КНР. Примечательно, что в последнее время ключевые понятия этой теории стали находить отражение не только в материалах научных дискуссий, но и в официальных партийных и государственных документах. Состоявшийся в октябре 2003 г. 3-й пленум ЦК КПК 16-го созыва впервые закрепил в “Постановлении ЦК КПК по некоторым вопросам совершенствования системы социалистической рыночной экономики”⁷⁸ ключевое понятие нового институционализма — “права собственности” (*чаньцюань*), проникновению которого в Китай способствовал Чжан Учан.

1. В англоязычной литературе Чжан Учан известен под именем Стивен Чен (Steven N.S. Cheung).
2. Чжан Учан. Цунь ван чжи цю [Судьбоносное время]. Тайбэй: Юаньлю чубань гунсы, 1989. С. 91.
3. Чжан Шэнцзи. Хуажэнь цзинцзисюэцзя Чжан Учан [Китаец-экономист Чжан Учан] // Ду шу. Пекин. 2001. № 3. С. 38.
4. Ван Юйся. Шэньхуа юй мохуала дэ Чжан Учан [Превращенный в святого и в злого духа Чжан Учан] // Цзинцзисюэцзя чацзо. Пекин, 2002. Вып. 8. № 2.С.115.
5. Ся Елян. Гэй “Чжан Учан жэ” цзян вэнь [Снизить температуру “ажиотажа вокруг Чжан Учана”] // Цзинцзисюэцзя чацзо. Пекин, 2002. Вып. 7. № 1.С.31-39.
6. Шэжуэй кэсюэ бао. 2002. 30 мая.
7. 11 вэй чжимин цзяошоу пипин Чжан Учан [11 известных профессоров критикуют Чжан Учана]. Ред. Чэн Эньфу, Хуан Юнчэн. Пекин: Чжунго цзинцзи чубаньшэ, 2003.
8. <http://www.peopledaily.com.cn/GB/guandian/183/8456/8457/20030117/909439.html>; <http://www.peopledaily.com.cn/guandian/29/173/20030126/914480.html> и др.

9. Чжан Учан. Цзай лунь Чжунго [Еще раз о Китае]. Тайбэй: Юаньлю чубань гунсы, 1989. С. 205-206.
10. The New Palgrave. A Dictionary of Economics. Vol.2. L.,1987. P.56.
11. Примечательно, что китайском издании словаря, увидевшем свет в конце 1980- годов, автор этих словарных статей был переведен как Шидифу Чэн (Steven Cheung), поскольку в то время он не идентифицировался в КНР с гонконгским экономистом Чжан Учаном. См.: <http://prozhang.nease.net/paper/Cheung.htm>.
12. Чжан Учан. Цзай лунь Чжунго. С. 206.
13. Носы Даогэласы [Норт Д.] Цзинци ши чжун дэ цзегоу юй бяньцян [Структура и изменения в экономической истории]. Шанхай: Саньянь шудянь, 1994. С. 3.
14. Чжан Вэньминь, Чжэн Хунлян, Чжань Сяохун, Ван Лиминь, Жун Гуанмао. Чжунго цзинци да луньчжань. Ди ба цзи [Большие споры о китайской экономике. Выпуск восьмой]. Пекин: Цзинци гуаньли чубаньшэ, 2003. С. 110.
15. Там же.
16. У Цзинлянь. Сяньдай цзинцзисюэ юй Чжунго гайгэ [Современная экономическая наука и китайская реформа] // Бицзяо. Ди сы цзи [Вып.4]. Пекин: Чжунсинь чубаньшэ, 2002. С.2.
17. 11 вэй чжимин цзяошоу ... С. V-VII.
18. Чжан Учан. Цзай лунь Чжунго. С. 15.
19. Там же. С. 10.
20. Чжан Учан. Сань чжун шэхуэй тичжи юй Чжунго взйлай цзоусян [Три общественные системы и будущее развитие Китая] // Чжаньлюэ юй гуаньли. Пекин, 2000. № 1. С. 109.
21. Там же. С. 111.
22. Чжан Вэньминь, Чжэн Хунлян и др. Указ. соч. С. 46.
23. Cheung S.N.S. A Simplistic General Equilibrium Theory of Corruption // Contemporary Economic Policy. Vol.XIV. 1996. July. P.1-2.
24. 11 вэй чжимин цзяошоу... С. III.
25. Там же. С. II.
26. Чжан Учан. Сань чжун шэхуэй тичжи... С. 110.
27. 11 вэй чжимин цзяошоу... С. IX.
28. Там же. С. VIII.
29. Там же.
30. Напомним, что сочетание "у чан" (пять постоянств), образующее имя гонконгского экономиста, в конфуцианстве обозначало качества "пути (дао) мужа", которые должен был практиковать правитель. К их числу относились гуманность (жэнь), должная справедливость (и), этико-ритуальная благопристойность (ли), разумность (чжи), благонадежность (синь). См.: Китайская философия. Энциклопедический словарь. М.: Мысль, 1994. С. 264-265.
31. Ся Елян. У чан юй у чан [Пять постоянств и противоречивость] // Цяньшао. Гонконг, 2002. № 5. С. 122. (Перепечатано из шанхайской газеты "Вэньхуэйбао").
32. Дэн Хунту. Сычань чжи хуэй бу хуэй чэивэй Чжунго тичжи бяньцян дэ мубяо? [Может ли система частной собственности стать целью изменений китайской системы?] // Чжунго ши вэй чжумин цзинцзисюэцзя пипань [Критика десяти известных китайских экономистов]. Шанхай: Сюэлинь чубаньшэ, 2002. С. 281-319.
33. Чжунго ши вэй чжумин цзинцзисюэцзя пипань. С. 322.
34. Дэн Хунту. Указ. соч. С. 315-316, 282.
35. Там же. С. 282-315.
36. 11 вэй чжимин цзяошоу... С. 269.
37. Там же. С. 7, 149.
38. Там же. С. 147, 232.
39. Там же. С. 255.
40. Там же. С. 158-159, 176.
41. Там же. С. 224.
42. Там же. С. 241-242.
43. Чжан Вэньминь, Чжэн Хунлян и др. Указ.соч. С. 45.
44. Там же. С. 45.
45. Там же.
46. 11 вэй чжимин цзяошоу... С. 27.

47. Там же. С. 28.
48. Там же. С. 22.
49. Отметим, что сопоставление экономических реформ в Китае и России было одним из важных направлений исследований Чэн Эньфу, ученый неоднократно выступал с докладами на эту тему не только в Китае, но и в России. См.: Экономические реформы в России и Китае глазами российских и китайских ученых. СПб.: Изд-во С. - Петерб. Ун-та, 2000. С. 47-73.
50. 11 вэй чжимин цзяошоу... С. 56.
51. Там же. С. 57-59, 60, 62.
52. Там же. С. 66. "Пять соблюдать" означают соблюдение культуры, вежливости, гигиены, порядка и морали; "четыре прекрасных" — прекрасные душу, речь, поведение и среду; а "три горячо любить" — горячо любить родину, социализм и КПК.
53. Чжан Вэньминь, Чжэн Хунлянь и др. Указ.соч. С. 46.
54. 11 вэй чжимин цзяошоу... С. 113.
55. Цзо Дапэй. Хуньлуань дэ цзинцзисюэ [Экономика беспорядка]. Пекин: Шию гунъе чубаньшэ, 2002.
56. 11 вэй чжимин цзяошоу... С. 115.
57. Там же. С. 117.
58. Там же. С. 118-119.
59. Там же. С. 122.
60. Там же. С. 123.
61. Цзо Дапэй. Хуньлуань дэ цзинцзисюэ. С. 2.
62. Чжан Вэньминь, Чжэн Хунлянь и др. Указ.соч. С. 44-45.
63. 11 вэй чжимин цзяошоу... С. 138.
64. Сычао. Чжунго "синь цзопай" цзи ци инсян [Идейные течения. Китайские "новые левые" и их влияние]. Ред. Гун Ян. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2003. С. 2-3.
65. 11 вэй чжимин цзяошоу... С. 142.
66. Там же. С. 141.
67. Там же. С. 142.
68. Fewsmith, Joseph. China since Tiananmen. The Politics of Transition: Cambridge University Press, 2001. P.93-94.
69. 11 вэй чжимин цзяошоу... С. 265.
70. Там же. С. 269.
71. Там же. С. 275.
72. <http://www.peopledaily.com.cn/guandian/29/173/20030126/914480.html>.
73. Сочетание "морская черепаха" (*хайгуй*) омофонично выражению "вернуться из-за моря", "болотная черепаха" (*тубе*) омофонична выражению "удержаться на месте". К школе "морских черепах" в Китае относят экономистов, получивших образование на Западе и выступающих за строгое следование стандартам западной экономической науки. "Болотными черепахами" называют экономистов, обучавшихся в КНР ; призывающих сосредоточиться на исследовании реальных проблем китайской экономики. См.: Цзинцзи Чжунго чжи синь чжиду цзинцзисюэ юй Чжунго [Экономика Китая: новая институциональная экономическая теория и Китай]. Ред. Цзоу Дунтао. Пекин: Чжунго цзинцзи чубаньшэ, 2004. С. 22.
74. <http://www.hutc.zj.cn/jjxqy/zhongguojingji1.htm>.
75. Истоки. Вып.3. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2001. С. 20.
76. Хуан Чуньсин, Гань Сюэпин. Цзинцзисюэ юаньли [Принципы экономической теории]. Тайбэй: Синьлу шуцзюй, 1994. Т.2. С. 434.
77. Цзинцзисюэцзя чацзо. Вып. 8. 2002. № 2. С. 114, 117.
78. Чжунгун чжунъян гуаньюй ваньшань шэхуэйчжуй шичан цзинцзи тичжи жогань вэньти дэ цзюэдин [Постановление ЦК КПК по некоторым вопросам совершенствования социалистической экономики] // Жэньминь жибао. 2003. 22 октября.

Российско-вьетнамское экономическое сотрудничество: преодоление торможения*

© 2004

М. Тригубенко

1. Экономические интересы России и Вьетнама и достигнутый уровень сотрудничества на начало XXI века

В период соцсодружества без преувеличения можно сказать, что Вьетнам был самым важным политическим союзником СССР в Восточной Азии, особенно в период после свертывания отношений с Китаем, что помогало удерживать баланс сил в тихоокеанском регионе. Реальное стратегическое партнерство было бы затруднено без весомой экономической помощи Советского Союза, в счет кредитов которого восстанавливался, модернизировался и строился современный народнохозяйственный комплекс Вьетнама, готовились административные и научно-технические кадры, совместными усилиями многих коллективов вырабатывалась концепция индустриализации послевоенного Вьетнама.

Вплоть до распада СССР инвестиционное сотрудничество с Вьетнамом осуществлялось путем заключения и реализации межгосударственных соглашений, координаторами которых являлись Госпланы обеих стран, что в какой-то степени исключало риски и опасность срыва имевшихся договоренностей. Инвестиционное сотрудничество проводилось в рамках согласования и координации пятилетних планов развития экономики и внешнеэкономических связей начиная с 1985 г. Из наиболее значимых для СРВ согласованных направлений перспективного сотрудничества являлись генеральная схема развития энергетики СРВ до 2005 г.; долгосрочные целевые программы сотрудничества в агропромышленной сфере, легкой промышленности и других отраслях на период 1991-1995 гг. и вплоть до 2000 г.

Результативность инвестиционного сотрудничества с Советским Союзом проявлялась также в ориентации народного хозяйства СРВ на развитие экспортноориентированных отраслей, прежде всего в сельском хозяйстве, в производстве потребительских товаров.

К наиболее крупным объектам, введенным в счет кредитов в эксплуатацию относятся ТЭС Фалай мощностью 440 мВт, ГЭС Тхакба (120 мВт), Чиан (420 мВт), Хоабинь (2 млн. кВт), ТЭС Уонгби (153 мВт), свыше 1400 км линий высоковольтных электропередач с подстанциями, угольные разрезы и шахты

Тригубенко Марина Евгеньевна, кандидат экономических наук, директор Центра азиатских исследований Института международных экономических и политических исследований РАН.

* Доклад на втором российско-вьетнамском научном симпозиуме, проведенном в рамках плана научного сотрудничества между РАН и Национальной Академией общественных наук Вьетнама в Ханое, 1 апреля 2004 г.

общей мощностью добычи 10,3 млн. т угля в год, а также Ханойский механический завод, апатитовый рудник "Лаокай", оловянный рудник "Тинтук" (мощностью 450 т олова), цементный завод "Бимшон" (мощностью 1,2 млн. т цемента), суперфосфатный завод "Ламтхао" (мощностью 300 тыс. т суперфосфата и 180 тыс. т серной кислоты), чайные фабрики, фабрики по первичной переработке кофе, хлебозаводы, госпитали, политехнический институт в г.Ханое, сеть профтехучилищ, две наземные станции космической связи системы "Интерспутник", причалы в порту Хайфон, мост Тханлонг протяженностью 5,5 км через р.Красная в г.Ханое, Дворец культуры профсоюзов, атомный реактор в г.Далате и многие другие объекты. Объем выпускаемой продукции на промышленных предприятиях СРВ, построенных в счет кредитов и при техническом содействии СССР, к началу 90-х гг. составлял в общем объеме производства электроэнергии — 70,5%, добычи угля — 71,4%, производства цемента 45,4%, добычи нефти, суперфосфата, апатитовой руды — 100%, олова — 42%, производства металлорежущих станков — 100%. За годы сотрудничества в СССР было подготовлено свыше 190 тысяч вьетнамских специалистов.

Инвестиционные проекты требовали крупных кредитных заимствований. За весь период сотрудничества, начиная с 1955 г., Советский Союз предоставил Вьетнаму государственные кредиты на сумму 16,4 млрд. переводных рублей, из которых было использовано 12,6 млрд. рублей, в т.ч. погашено и рефинансировано из сумм основного долга около 2,8 млрд. рублей, списано основного долга на сумму 1,1 млрд. рублей. Таким образом, общая задолженность СРВ бывшему Советскому Союзу по предоставленным кредитам к началу 90-х гг. составляла 10,2 млрд. переводных рублей.¹

Крупный задел, который был оставлен СССР во Вьетнаме, оказался почти невостребованным российским правительством. В силу переориентации внешнеэкономических связей с СЭВ на страны развитого капитализма Россия лишилась многих преимуществ в Азии, по существу бросила и Монголию, и Вьетнам, и в какой-то мере Северную Корею в орбиту интересов антироссийского альянса во главе с США и их азиатских союзников. Невнимание повлекло за собой свертывание всех форм сотрудничества: торговых, экономических, научно-технологических с Вьетнамом в течение первой половины 90-х гг.

Но были и объективные причины, поскольку изменились условия и механизм сотрудничества. В советский период оно почти целиком осуществлялось в счет госкредитов и безвозмездной помощи и велось только по линии госструктур на центральном уровне и по прямым связям на провинциальном. В новых, рыночных условиях между Россией и Вьетнамом отсутствует координация планов на перспективу, поскольку Минэкономразвития и торговли РФ просто не имеет этих функций в отношениях с зарубежными странами и до сих пор не выработало концепцию среднесрочного экономического развития самой России.

Из всех форм экономического взаимодействия России с Вьетнамом в 90-х гг. удалось закрепиться или продолжить традиции содействия советского периода в добыче нефти на шельфе юга Вьетнама и в энергетике.

Сотрудничество в нефтегазовом комплексе Вьетнама, как и в годы советского периода, продолжается по межгосударственной линии. В структуре управления, правда, произошли некоторые изменения, поскольку ГП "РВО Зарубежнефть" преобразовано в открытое акционерное общество со 100% федеральной собственностью. С вьетнамской стороны монополистом выступает госкомпания ГКНГ "ПетроВьетнам". Созданное ими в советский период СП "Вьетсовпетро" по объему добычи нефти входит в десятку крупнейших нефтедобывающих компаний мира. Монополия СП "Вьетсовпетро" в нефтегазовом комплексе СРВ (на который приходится свыше 80% всей добываемой нефти) постепенно вытесняется зарубежными нефтегазовыми компаниями, среди ко-

торых лидируют южнокорейские. В 2003 г. общая добыча нефти во Вьетнаме достигла 16 млн. т, на долю СП “Вьетсовпетро” приходилось 13 млн. т.² Доход от экспорта нефти, поступившего в госбюджет СРВ, составил в 2003 г. 1,6 млрд. долл., или 4% ВВП. А общая валютная выручка от реализации нефти в 2003 г. достигла 2,9 млрд.долл. США.

Несмотря на некоторые финансовые трудности, СП “Вьетсовпетро” не собирается сдавать свои завоеванные позиции и ищет партнеров. В качестве примера многостороннего взаимодействия во вьетнамском нефтяном шельфе можно привести созданный в середине 2002 г. консорциум в составе ОАО “Зарубежнефть”, вьетнамской госкомпании “ПетроВьетнам” и японской корпорации “Идэмитсу”, который провел пробное бурение на перспективном нефтяном участке 09-3, расположенном в 150 км от Вунгтау. По предварительным оценкам, объем запасов нефти блока 09-3 составляет 50 млн. т. Инвестиции консорциума — 15 млн. долл.США, из которых половина приходится на ОАО “Зарубежнефть”.

Примером взаимодействия может служить сотрудничество в поисковых работах на нефть в северном шельфе СРВ ОАО “Газпром”, ЗАО “Зарубежнефтегаз” и ГКНГ “Петровьетнам”.

Что касается перспектив российского участия в строительстве первого крупного во Вьетнаме нефтеперерабатывающего завода в Зунгкуате, то согласно договоренности и подписанному в декабре 2002 г. протоколу, Россия передала свою долю в уставном фонде вьетнамской стороне. Ранее Россия предоставила Вьетнаму на строительство НПЗ кредит в 250 млн. долл. США, который оказался не востребованным и был возвращен вьетнамской стороной. Фактический уход России из строительства НПЗ (общие затраты которого должны были составить 1,3 млрд. долл., а строительство закончиться в 2004 г.), создало для Вьетнама немалые трудности. НПЗ должен был производить нефтепродукты в объеме 6,5 млн. т в год, а сырьем завод обязалось, по договоренности, обеспечивать СП “Вьетсовпетро”. После ввода в эксплуатацию НПЗ вьетнамцы рассчитывали резко сократить импорт нефтепродуктов, поскольку 70% потребностей Вьетнам смог бы получать с собственного нефтеперерабатывающего завода.³

Другие проблемы в работе СП “Вьетсовпетро” связаны с согласованием объемов добычи нефти на перспективу. Вьетнамская сторона на последнем заседании межправкомиссии в феврале 2004 г. настаивала, чтобы она постепенно снижалась до 11 млн.т. Российская сторона хочет сохранить объем добычи на уровне 2003 г., т.е. 13 млн. т. Свою позицию Вьетнам объясняет ухудшившимися техническими условиями эксплуатации нефтяных скважин, изношенность которых при интенсивной эксплуатации несет угрозу рисков.

Россия стремится сохранить за собой лидерство в энергетике. До сих пор 80% электроэнергии вырабатывается на ГЭС и ТЭЦ, построенных СССР в счет льготных кредитов. В отличие от нефтегазового комплекса, в инвестиционном сотрудничестве в энергетике Вьетнама у России немало конкурентов, она не обладает опытом участия в тендерах и лоббирования своих интересов. На строительство ГЭС “Плейкронг” и ГЭС “Сесан-3” Россия предоставила кредит в сумме 100 млн. долл., который использован к 2004 г. на 60%. Остаток средств предполагается направить на расширение ГЭС “Куангчи”. Россия выразила желание сотрудничать в сооружении ГЭС Шонла, самой крупной среди всех электростанций в ЮВА. Объем инвестиций на строительство ГЭС Шонла должен составить 5 млрд. долл. Строительство ГЭС Шонла предполагает проведение международного тендера. Пока что российское участие выразится в поставках на строительство ГЭС Шонла силового оборудования. Кроме указанных электростанций Россия и Вьетнам выразили заинтересованность по сооружению ГЭС “На ханг”, ГЭС “Сесан-ЗА”, ТЭС “Хай фон”, на которые претендуют другие страны.

По заверениям российского руководства, Россия будет стремиться сохранить свое экономическое присутствие в названных ключевых отраслях экономики Вьетнама, как приоритетных формах межгосударственного двустороннего сотрудничества на среднесрочную перспективу. Решимость укреплять сотрудничество по ряду ключевых отраслей вьетнамской экономики (в добыче нефти, энергетике), а также в сельском хозяйстве, в области науки и техники вновь была подтверждена во время официального визита в Москву в мае 2004 г. президента СРВ Чан Дык Лыонга. В эксклюзивном интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС Чан Дык Лыонг подчеркнул, что московская встреча является продолжением политического диалога на высшем уровне между Вьетнамом и Россией, а также то, что укрепление партнерства Вьетнама и России играет важную роль в АТР.

“Итоги состоявшихся переговоров вновь подтвердили, что наши страны твердо настроены продолжать открытый и доверительный диалог”, — сказал Владимир Путин по завершении переговоров в Кремле с Чан Дык Лыонгом. По его словам, две страны “находятся на подъеме, отношения развиваются активно”. Путин “уверен, что развитие отношений будет и дальше набирать темпы”.

Президент РФ назвал официальный визит в Россию президента Вьетнама “важным этапом в развитии двусторонних отношений, традиционно дружественных, взаимовыгодных и весьма перспективных”. Переговоры же, по его мнению, позволят улучшить сотрудничество двух стран.

Одной из центральных тем встречи Путин назвал российско-вьетнамское экономическое сотрудничество. По его словам, на переговорах речь шла о кооперации в топливно-энергетическом комплексе. “Здесь лидером, безусловно, остается совместное предприятие “Вьетсовпетро”, — сказал Путин.

Путин отметил также большие перспективы в машиностроении, агроиндустрии, строительстве и связи. “Большое значение придаем развитию отношений в сфере высоких технологий и подготовки кадров”, — сказал президент России.

Лидеры РФ и Вьетнама обменялись также мнениями по основным международным проблемам. “В ходе сегодняшней встречи мы с президентом Вьетнама обменялись мнениями по основным проблемам международной политики”, — заявил Путин. Среди обсуждавшихся проблем российский президент назвал укрепление стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом, борьбу с терроризмом и другие темы.

Путин отметил, что позиции России и Вьетнама по большинству обсуждавшихся вопросов близки или полностью совпадают. “Мы полностью удовлетворены высокой степенью взаимодействия и взаимопонимания по решению международных проблем”, — заявил он.

В свою очередь Чан Дык Лыонг отметил, что Вьетнам придает большое значение сотрудничеству с Россией как традиционным, крупным и важным стратегическим партнером Вьетнама.

Чан Дык Лыонг высказался за необходимость усиления сотрудничества по наращиванию торгово-экономических связей. Он заявил, что в ходе переговоров с Владимиром Путиным рассматривалась возможность работы по крупным совместным проектам, и выразил уверенность, что у этих проектов есть хорошие перспективы. Опыт пореформенной России показал, что она не может обеспечить весомое присутствие в зарубежных странах, опираясь только на средства государства. Необходимо подключение заинтересованных в инвестиционном сотрудничестве с Вьетнамом негосударственных российских структур.

Этим целям соответствовало подписанное в Ханое в ноябре 2000 г. соглашение о торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве между Союзом промышленников и предпринимателей РФ и Торгово-промышлен-

ной палатой СРВ. Оно позволяло расширить обмен опытом и необходимой информацией бизнесменов, проводить совместные бизнес-семинары и различные выставки, что важно для понимания инвестиционного климата, законодательства и экономического положения наших стран.

Но пока что эту функцию взяли на себя частные вьетнамские предприниматели, работающие в России. Они довольно успешно начали поставлять из России в свою страну разнообразную продукцию — от наукоемкой до различных видов машинно-технических изделий: запчасти к нефтеоборудованию, автомашины, продукцию гражданской авиации и пр., а также топливно-сырьевые товары. Работая в России, они проникали на рынки других стран СНГ, создав хорошо информированную сеть малого вьетнамского бизнеса. Во многом успех был обеспечен “человеческим фактором”: длительное время обучаясь или работая в России, вьетнамцы освоили русский язык, обычаи, русский менталитет, а также хорошо знают возможности предприятий российской промышленности в удовлетворении заявок из Вьетнама.⁵

В то же время вьетнамцы испытывают на себе влияние факторов, которые являются общими для всякого малого бизнеса в России: постоянно растущие цены, транспортные тарифы, пошлины, невозможность пользования кредитами в российских банках из-за очень высоких процентных ставок и т.д.

Многие сделки рассыпаются. Это снижает доверие вьетнамских предприятий к получению продукции из России. С другой стороны, и вьетнамцы часто нарушают выполнение условий по контракту. Сделав заказ на предприятии, они вдруг отказываются от покупки продукции. Это снижает доверие российских производителей к вьетнамским “купцам”. Необязательность в бизнесе, пожалуй, самый большой порок в деятельности вьетнамских предпринимателей в России.

Необходимость координирующего негосударственного органа (а именно таким может стать СПП России и ТПП СРВ) связана в первую очередь с общей вялой активностью участия России в инвестициях во Вьетнаме. Среди 13-ти наиболее крупных зарубежных инвесторов, разместивших в 1988-2002 гг. свои капиталы в СРВ, Россия занимает 9-ое место (1,5 млрд. долл. США, из которых было использовано 670 млн. долл. (см. табл.1).

Таблица 1

Распределение ПИИ по странам в 1988-2002 гг., млн. долл. США

Страны и территории	Число проектов	Инвестиции всего	Использовано
Сингапур	266	7 245	2 626
Тайвань	935	5 178	4 773
Япония	375	4 308	3 276
РК	484	3 664	2 105
Гонконг	262	2 875	1 752
Франция	127	2 099	884
Острова Британской Вирджинии	157	1 795	903
Голландия	45	1 685	1 055
РФ	40	1 507*	670
Англия	49	1 218	894
Таиланд	109	1 159	537
США	157	1 113	546
Малайзия	117	1 110	893

* Без учета инвестиций СП “Вьетсовпетро”.

Источник: *Vietnam Economic Review*, 2003, N1, p.22.

Несмотря на довольно скромное место России в общих иностранных ПИИ во Вьетнаме (2% к общему количеству проектов и 4% к общей сумме объявленного капитала), она в 2002 г. была включена в клуб "13 ведущих инвесторов во Вьетнаме", чей зарегистрированный капитал превышает 1 млрд.долл. США, а их общая доля в ПИИ достигла 85,65%.

Вьетнам, в отличие от других стран ЮВА и Китая, слабо вывозит свой капитал за границу, но среди прочих стран лидерство держит Россия. Так, например, вьетнамские инвестиции, вложенные в экономику России, составили в 1988-2002 гг. по 10 проектам 17,6 млн. долл. из 52 млн. долл. общего зарубежного инвестирования Вьетнама.⁶

Со второй половины 90-х гг. имел место хотя и небольшой, но стабильный рост российско-вьетнамской торговли; с 271,2 млн. долл. в 1996 г. она возросла до 690 млн. долл. в 2002 г. Этот рост в определенной степени был связан с закупками у России машин и оборудования для реализации инвестиционных проектов. По предварительным данным в 2003 г. торговля должна была возрасти до 750 млн. долл., что составило бы 2% общей суммы внешней торговли СРВ в 2003 г.⁷ (См.табл.2).

Таблица 2

Торговля России с Вьетнамом в 1996-2003 гг., млн. долл. США

	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003 (данные за 9 месяцев)
Оборот	271,2	278,9	357,4	353,5	363,1	571,3	690	485
Экспорт	186,5	159,1	224,8	239,0	240,6	376,8	500	370
Импорт	84,7	119,8	132,6	114,5	122,5	194,5	190	115

Источник: Внешняя торговля России. Статистические справочники за соответствующие годы. М.

Помимо межгосударственной торговли между странами бойко идет, так называемая, неорганизованная торговля, которая, по разным оценкам, составляет от 13 до 15 млн.долл. в год.

Россия и Вьетнам заинтересованы в продолжении научно-технического сотрудничества, учитывая прошлый богатый опыт. В конце 90-х годов несколько оживились научно-технические связи, возобновились российские полевые исследования во Вьетнаме, включая изучение и исследование природных ресурсов, климата, общества, народов и языков Вьетнама. Налаживается сотрудничество в организации симпозиумов, по подготовке совместных трудов по языкознанию, истории, этнографии, географии, экономике Вьетнама. Более слабо представлен эквивалентный обмен учеными по линии Академий наук из-за финансовых трудностей у обеих сторон. В 90-х гг. в работе находилось 20 проектов и 50 тем по естественным наукам в области высоких технологий, окружающей среды, а также по общественно-гуманитарным наукам. Соглашение о сотрудничестве в области высшего образования, подписанный министерствами образования двух стран, открыло ряд новых направлений, куда входят профессиональное совершенствование научных кадров, повышение квалификации преподавателей русского языка, развитие образования в области общественно-гуманитарных, естественно-технических наук, использование новых методологий в области образования и профессиональной подготовки, создание банков данных, информационно-поисковых систем и т.д. В настоящее время определены российские высшие учебные заведения, перечень специальностей и пр.

Обучение вьетнамских студентов в вузах России в настоящее время осуществляется по трем направлениям: за счет оплаты обучения из бюджетных средств Вьетнама, по линии использования средств, выделенных Вьетна-

мом в счет погашения государственного долга России. На эти цели обучения ежегодно выделяется 0,25% от общих процентных отчислений, или 3 млн. долл. Этот вид обучения нашел подкрепление в Соглашении об обучении вьетнамских граждан в вузах России от 9 июля 2002 г. Технический порядок расчетов за обучение осуществляют Внешэкономбанк РФ и Вьеткомбанк СРВ. Третья форма — заключение контрактов, или платное обучение студентов и аспирантов за их счет. Около 2,4 тыс. молодых вьетнамцев обучались в 2003 г. в учебных и научно-исследовательских институтах России на контрактной основе.

Развивается и такая новая форма, как подготовка кадров по договорам, заключенным между крупными вьетнамскими фирмами и российскими вузами, к примеру, — между Государственной нефтегазовой компанией “ПетроВьетнам” и Московской Академией нефти и газа имени И.М.Губкина,⁸ между АО “ВьетнамАэролайн” и Академией гражданской авиации в Санкт-Петербурге.

В сферу профессиональной подготовки кадров для Вьетнама втягиваются такие закрытые ранее сферы сотрудничества, как военно-техническое. Большая часть военной техники была поставлена во Вьетнам в разное время из Советского Союза, затем из России, поэтому есть возможности развивать сотрудничество, связанное с ее модернизацией и качественным обслуживанием непосредственно вьетнамским персоналом.

Прорабатывается вопрос о создании при российском содействии первого в СРВ учебного центра по подготовке кадров для национальной службы спасения, что было отражено в “Меморандуме о понимании между спасательными службами России и Вьетнама”, в т.ч. о сотрудничестве на плановой основе по обмену опытом, подготовке вьетнамских специалистов. Готовить вьетнамские кадры МЧС предполагается в Российской Академии гражданской защиты МЧС и центре подготовки спасателей в г.Ногинске. Те, кто пройдет подготовку в России, станут инструкторами учебного центра в самом Вьетнаме. Такой центр может сыграть важную роль не только для СРВ, но и всего региона, где часто происходят стихийные бедствия. По мнению российских специалистов, использование бывшей ВМБ “Камрань”, имеющей взлетно-посадочную полосу, ангары и другие сооружения, позволило бы сократить расходы на создание центра по подготовке кадров МЧС.

2. Резервы и возможности для развития российско-вьетнамских отношений

Итак, опыт второй половины 90-х гг. показал наличие заинтересованности и России, и Вьетнама в сотрудничестве по приоритетным отраслям и направлениям. Кроме ТЭК, к ним можно отнести военно-техническое сотрудничество. В военно-техническом сотрудничестве координатором являются государственные структуры, по линии которых осуществляются массированные поставки российской военной техники во Вьетнам, по западным оценкам, примерно на 500 млн. долл. Здесь имеются хорошие перспективы и надежды на стабильность, исходя из окрепшего ВПК России. В 2003 г. экспорт вооружений и военной техники из России в страны мира впервые превысил 5,1 млрд.долл. США против 3,2 млрд. долл. в 2001 г., прирост в основном был получен за счет стран Азии, в ЮВА — это Малайзия, Индонезия и Вьетнам.⁹ Безусловно, прекращение работы российской военно-морской базы “Камрань”, якобы связанное с финансовыми трудностями по обслуживанию аренды, ударило по престижу России, которая потеряла свой самый важный внешний форпост в регионе, где усиливают свое военное и торгово-экономическое влияние США.

Вьетнам не возражает против захода иностранных военных кораблей, включая американские, в торговые порты страны, однако бывшая российская

военная база Камрань будет закрыта для таких посещений. Об этом заявил западным журналистам министр национальной обороны СРВ Фам Ван Ча 11 ноября 2002 г.: “Мы приветствуем дружественные визиты кораблей ВМС иностранных государств, однако их заход в Камрань, где в настоящее время размещается вьетнамская военная база, не будет разрешен”.¹⁰

Военные корабли Соединенных Штатов не посещали вьетнамские порты со времени окончания войны между двумя странами в 1975 году. Сейчас Вашингтон проявляет большой интерес к возможности использования базы “Камрань” для захода своих кораблей с целью пополнения запасов горючего и отдыха экипажей. США при этом предлагают Ханю объявить “Камрань” открытым портом, где могли бы бросать якорь военные корабли любых государств. В использовании этой вьетнамской базы с глубоководной гаванью также весьма заинтересован Китай.

Вашингтон и Пекин стали активно зондировать почву для использования своими военными кораблями базы “Камрань”, после того как в мае 2002 г. оттуда был выведен российский военный персонал, и этот объект был передан вьетнамской стороне.

Технически, в отличие от других стран ЮВА, давних партнеров США, обороноспособность Вьетнама базируется пока на использовании советско-российского оружия. В 1998 г. было подписано соглашение о военно-техническом сотрудничестве двух стран, в котором отмечалось, что расширение военно-технического сотрудничества будет осуществляться по линии модернизации военно-морских, военно-воздушных сил, по системам противоракетной обороны, а также расширения “Тропцентра” — уникального испытательного полигона для работы российской техники в тропических условиях.

Тропический центр был основан в марте 1987 г. в соответствии с соглашением между правительствами бывшего СССР и СРВ как многоотраслевое научное учреждение Академии наук СССР и Госкомитета (ныне министерства) СРВ по науке, технологии и окружающей среде.

Одним из ведущих направлений работы этой организации стало изучение последствий химической войны — массированного использования во Вьетнаме армией США токсичных дефолиантов во время американской военной кампании в Индокитае. За годы войны американские самолеты распылили около 72 млн. литров дефолиантов, с которыми на территорию Вьетнама оказалось выброшено 170 кг диоксина. Если бы он был выделен в чистом виде, то его хватило бы, чтобы отравить все население Вьетнама. Диоксин обладает длительным периодом распада (около десяти лет) и имеет свойство накапливаться в человеческом организме, поэтому ученые Тропцентра ведут работы по созданию технологий его уничтожения. Тропический центр к настоящему времени завершил программу по изучению влияния диоксина на окружающую среду и человеческий организм.

Российские и вьетнамские ученые совместными усилиями проводят исследования биологического разнообразия и современного состояния наземных и водных тропических экосистем. В центре также осуществляется активный обмен знаниями, технологиями, готовятся специалисты высшей квалификации.

Важной частью деятельности Тропцентра является изучение тропикостойкости различных машин и механизмов, включая спецтехнику. Эта тема весьма актуальна в свете желания российских предприятий ВПК выйти на перспективные рынки ЮВА.

До распада СССР Тропцентр на девять десятых финансировался за счет его средств. Здесь трудились свыше 700 научных работников, к исследованиям привлекались специалисты из более чем 60 организаций. Центром бы-

ло опубликовано много научной литературы. Теперь финансирование Трощен-тра производится на паритетных началах.

Россия увеличивает контингент подготовки военных специалистов Вьетнама: общая численность вьетнамских военных кадров, получивших образование в СССР и России, составляет 13 тыс. человек.¹¹

Из научно-технических сфер сотрудничества перспективны совместные разработки космических исследований, мирного использования атомной энергии (соглашение о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии и гидрометеорологии было подписано в Ханое в марте 2002 г.), информационных технологий и других новых областей научного прогресса. В сентябре 2003 г. состоялось открытие здания Российского дома науки и культуры в Ханое.

Внешняя торговля является одной из главных составляющих внешне-экономических связей, но для ее развития требуются новые подходы и ясное понимание российских возможностей в удовлетворении импортных потребностей Вьетнама. Упадок российской промышленности в 1990-е годы отразился на сокращении экспорта машин и оборудования во Вьетнам. Наполнение экспорта должно происходить за счет наращивания поставок из России во Вьетнам традиционной гражданской техники (транспортных средств, энергооборудования, запчастей), сырья и материалов (в первую очередь экспорта качественных видов стали). У России появились резервы. По выводам российских экономистов, хорошая перспектива выхода на внешние рынки с учетом мирового спроса (добавим от себя — и импортных потребностей Вьетнама) у российской авиакосмической промышленности, средств программирования, оборудования для ядерной энергетики и высоких технологий.¹² Сохранился экспортный потенциал в других отраслях машиностроения: судостроении и электронной промышленности в поставках за рубеж комплектного оборудования энергетического и металлургического машиностроения.

Что касается удовлетворения импортных потребностей России за счет Вьетнама, то Вьетнам мог бы стать одним из перспективных поставщиков плодовоовощной продукции. По имеющимся прогнозам, прирост российского импорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья в первое десятилетие XXI века может кратко увеличиться по сравнению с концом 90-х гг. XX столетия.

Для оживления российско-вьетнамской торговли важна не только товарная составляющая, но и корректировка механизма, прежде всего таможенной политики России для создания некоторых привилегий для Вьетнама, о чем, в частности, говорил М.Касьянов во время визита во Вьетнам в марте 2002 г. Он подчеркнул, что Россия, возможно, снизит уровень таможенных пошлин на товары, импортируемые из Вьетнама, чтобы облегчить доступ вьетнамских товаров на российский рынок. Российский премьер заверил также, что "могут предоставляться экспортные кредиты, чтобы объем экспорта в Россию из Вьетнама мог увеличиться в короткий срок". Принято решение о проведени тендеров на поставку вьетнамских товаров в Россию в счет погашения остатка государственного долга Вьетнама.¹³

Для развития торговли российским премьером было предложено проводить торговые сделки путем создания российско-вьетнамской компании по реализации нефтепродуктов и природного газа, полученных с шельфа на зарубежных рынках. В торговле энергоносителей могут принять участие СП "Вьетсовпетро" и ОАО "Газпром".

Торговля начала развиваться на уровне регионов. Между Москвой и Хошиминем достигнута договоренность о строительстве в г. Москве крупных торговых центров по продаже вьетнамских товаров. В строительстве примут участие в основном частные фирмы, а объем инвестиций может составить

40 млн. долл. США, из которых Москва возьмет на себя 40%, включая оплату стоимости земельной аренды.

Помимо торговых центров могут получить развитие выставочно-ярмочные мероприятия, а также Информационные бизнес-центры в Москве, Ханое и Хошимине. В июне 2003 г. в Москве прошла национальная выставка вьетнамских экспортных товаров во время работы 8-ой ярмарки "Регионы России".

Перспективы развития взаимной торговли в немалой степени зависят также от вьетнамского экспорта. Общий объем экспорта СРВ в 2003 г. достиг наивысшей отметки в 23 млрд. долл., из них на сумму 3 млрд. долл. было экспортировано текстиля, одежды, сырой нефти. По 17 товарам объем продаж каждого составил 100 млн. долл.⁴ Но сохранились проблемы, одной из них является дефицит торгового баланса у СРВ в торговле с Россией, который возрос с 80 млн. долл. в 1995 г. до более чем 310 млн. долл. в 2002 г. По мнению вьетнамской стороны, это объясняется не столько узостью экспортной базы у Вьетнама, сколько высокими импортными пошлинами России, в т.ч. на закупки у СРВ риса, птицы, свинины и пр. продовольствия, которые делают убыточным для вьетнамских производителей вывоз продукции в Россию. Другая причина состоит в слабом участии в торговых операциях крупного торгового капитала, торгуют в основном представители мелкого бизнеса, который не выдерживает жестких условий предоставления банковских аккредитивов. Поэтому на последнем заседании межправкомиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству в феврале 2004 г. в Ханое была достигнута договоренность ускорить открытие Вьеткомбанком кредитной линии на Московский международный банк в целях активизации межбанковской деятельности и оказания помощи вьетнамским экспортерам.

Есть резервы для продолжения *инвестиционного сотрудничества* между Россией и Вьетнамом.

К новым перспективным сферам для российских инвесторов можно отнести машиностроение, атомную энергетику, информационные технологии, транспорт, туризм. В качестве примера сотрудничества в машиностроении можно привести сборку на территории СРВ грузовых автомобилей "КамАЗ" в рамках контракта ВК Камаз России и ГК "Винакоул" Вьетнама. ОАО "Русский Алюминий" высказало заинтересованность в области разработки бокситов на территории СРВ. В атомной энергетике продолжена модернизация ядерного реактора путем замены системы управления и усиления защиты реактора в г.Далат. Россия подтвердила заинтересованность своего участия в тендере на строительство АЭС: речь шла в основном о подготовке кадров и составлении ТЭО.

Первую атомную электростанцию вьетнамские власти намерены построить в провинции Фуиен в ближайшие 15 лет. Необходимость ввода в эксплуатацию объектов атомной энергетики обусловлена тем, что совокупная мощность всех электростанций составляет 11 млрд.кВт. Стоимость атомного проекта составит, по предварительным оценкам, 3 млрд. долл., которые Ханой планирует привлечь за счет прямых иностранных инвестиций и льготных кредитов. Предложения о сотрудничестве в создании АЭС поступали и от ряда других стран, включая Японию, Китай, Индию, Южную Корею и ФРГ.

Открылись новые возможности для сотрудничества в области *транспорта*. Вьетнам рассматривает возможность создания системы, так называемого, легкого метро в Хошимине. В этом деле весьма полезным для СРВ мог бы быть богатый опыт российских метростроителей. Россия могла бы участвовать также в крупнейшем транспортно-инвестиционном проекте города Хоши-

мин, который привлек внимание таких крупных инвесторов, как США, Германия, Япония, Франция и Китай.

Речь идет о создании совершенно новой системы транспортной инфраструктуры, включающей электрички, скоростные поезда, трамваи и монорельсовые железнодорожные пути. Все это сможет удовлетворить жителей города в транспортных связях, новая система свяжет мегаполис с промышленными районами и густонаселенными пригородами. Ориентировочная стоимость транспортного проекта в г.Хошимине составляет 2,1 млрд.долл. Согласно проекту, в Хошимине вначале будет построена монорельсовая железная дорога. В целом в стране проблема общественного транспорта — одно из “больших мест”. Например, в г.Хошимине индивидуальный транспорт способен перевезти около 3,5 тыс. пассажиров в час, что составляет 3% от требуемого количества.

Началась работа в области сотрудничества в сфере *мобильной и спутниковой* связи по линии Министерства связи России и Министерством почт и телекоммуникаций Вьетнама. Поступили предложения по проекту строительства и эксплуатации системы мобильной связи стандарта GSM со стороны российской компании “Мегафон” на территории Вьетнама.

Что касается *туризма*, то к традиционным турмаршрутам, уже хорошо известным жителям российского Дальнего Востока, вьетнамская сторона предлагает организацию деловых поездок в СРВ руководителей и представителей российских компаний. С такой инициативой выступила в августе 2003 г. вьетнамская национальная авиакомпания “Вьетнамэйрлайн”, которая будет оказывать большой ассортимент туристических услуг.

Развитие российско-вьетнамского сотрудничества в начале нынешнего века проходит в условиях глобализации и усиления региональной интеграции в Юго-Восточной Азии. США всячески вовлекают Вьетнам в глобальные процессы. Страны АСЕАН и Китай (последний как будущий член формирующейся к 2010 свободной зоны “АСЕАН+Китай”) — в региональную экономику, но без прямого участия в СЭЗ России. Должен быть найден ответ на вопрос: к кому будет тяготеть Вьетнам? В большей степени — к США, АСЕАН с их открытыми зонами (СЭЗ АСЕАН+Китай, в перспективе Большой СЭЗ АСЕАН + Китай + Япония + Республика Корея). Существует ли опасность, что в этих условиях Вьетнам вынужден будет дистанцироваться от России?

По нашему мнению, чтобы этого не допустить, требуются новые подходы к Вьетнаму с политических позиций — ведь Вьетнам на сегодняшний день для России самый надежный союзник в Азии, и с внешнеэкономических. Нужна практическая реализация уже подписанных ранее с Россией соглашений по инвестиционному сотрудничеству, включая развитие ТЭК Вьетнама с привлечением крупного российского бизнеса. На межправительственном уровне с привлечением российской и вьетнамской науки, представителей бизнеса должна начаться работа над концепцией сотрудничества на перспективу, включая время путинского президентства (до 2008 г.). Тем более, что президент В.В.Путин дал во время своего визита в Ханой в 2001 г. ряд заверений: укрепить экономически стратегическое партнерство. Для этого, по-видимому, кроме продолжения коммерческих контрактов, с российской стороны потребуются вполне определенные уступки для Вьетнама, подобно тем, которые он получил от США после подписания торгового соглашения в 2000 г.¹⁵ Российской стороне целесообразно изучить содержание подписанных с Вьетнамом межгосударственных документов с Японией, ЕС, но особый интерес представляет Соглашение о торговле между США и Вьетнамом, в котором четко были прописаны правила, привилегии и гарантии американской стороны для СРВ. Нельзя не видеть, что американский фактор уже проявил себя на деле, а США проводят

агрессивную внешнеполитическую стратегию, подкрепляя ее экономическими привилегиями.

Кабинет министров СРВ в январе 2003 г. утвердил программу, призванную ускорить реализацию ряда положений торгового соглашения с США.

Как сообщил министр торговли СРВ Ву Кхоан, в соответствии с этой программой для сотрудников различных вьетнамских ведомств, представителей органов власти и деловых кругов будут организованы специальные лекции и семинары, которые познакомят их с американским законодательством и международной торговой практикой. Помимо этого, по словам Ву Кхоана, в США предполагается направить вьетнамские делегации для изучения на месте возможностей и потребностей американского рынка и открытия торговых представительств СРВ в нескольких крупных городах США.

В октябре 2003 г. США и Вьетнам подписали соглашение об оказании содействия в подготовке вьетнамских кадров. Документ имеет длинное название — «Соглашение о принципах сотрудничества совета управляющих Вьетнамского образовательного фонда и Консалтинговой компании Вьетнама в деле реализации программ Фонда». Под Фондом подразумевается организация, созданная в США с одобрения конгресса. Ее целью станет финансирование программ образования вьетнамских специалистов в США. Планируется, что благодаря Фонду ежегодно около 100 вьетнамских граждан будут получать стипендии для обучения в вузах США по естественным наукам, математике, медицине, экологии по программам бакалавров, магистров и выше. Кроме того, за счет Фонда во Вьетнам будут приезжать американские профессора, чтобы вести педагогическую и исследовательскую работу во вьетнамских вузах и НИИ. Помимо этого Фонд поможет трем вьетнамским вузам подключиться к программам американских вузов по информатике, агрономии и санитарии. Правительство США решило выделить на деятельность фонда 140 млн. долл. Программы рассчитаны до 2016 года. Учеба в США предполагает обязательное знание английского языка. По правилам Фонда, в США могут выехать из Вьетнама только те, кто сдал языковой экзамен формата TDEFL и GRE.

Льготы и преференции, предоставленные США Вьетнаму в торговле, позволили резко увеличить двусторонний товарооборот. В 2002 г. экспорт СРВ в США составил 2,5 млрд. долл. импорт 580 млн. долл., а торговля с США в целом в 4,3 раза была выше, чем торговля Вьетнама с Россией. По предварительным данным, в 2003 г. торговля между СРВ и США возросла до 4,5 млрд. долл., что составляет 10% торговли Вьетнама со всеми странами.¹⁶

США в силу осуществления наступательной стратегии на Вьетнам содействуют ускорению его вступления в ВТО, несмотря на признание страны с «нерыночной экономикой» и принятием в июле 2003 г. палатой представителей конгресса США, так называемого, закона «о правах человека во Вьетнаме», который вызвал резко негативную реакцию в СРВ. Но это, тем не менее, не помешало дальнейшему развитию не только торгово-экономических, но и военных контактов Ханоя с Вашингтоном, о чем свидетельствует визит министра национальной обороны СРВ Фам Ван Ча в октябре 2003 г. в США в ответ на официальное приглашение со стороны министра обороны США Дональда Рамсфелда.¹⁷

1. Азия-2003: Восточноазиатский вектор и Россия. М., 2004. С. 111-112.

2. За весь период СП добыто 130 млн. т. нефти.

3. По заявлениям вьетнамских руководителей, экспорт сырой нефти почти не дает Вьетнаму тех преимуществ, которые получает Россия с учетом высоких мировых

- цен на нефть, поскольку примерно на ту же сумму вынужден импортировать нефтепродукты.
4. ИТАР-ТАСС. 2004. 19 мая.
 5. 600 тысяч вьетнамцев живут и работают в СНГ и странах ЦВЕ, в том числе непосредственно 100 тысяч в России, где функционируют около 300 вьетнамских фирм со 100% участием отечественного капитала или в форме совместных предприятий под юрисдикцией РФ. Вьетнамские компании подчиняются Ассоциации предпринимателей Вьетнама (ВИНАЕНТРАССО).
 6. Среди других стран некрупный вьетнамский капитал в 1988-2002 гг. был вывезен в Лаос (20 проектов на 13 млн. долл.), Камбоджу (5 проектов на 10 млн. долл.), в Сингапур (6 проектов на 2,9 млн. долл.), в США (4 проекта на 1,7 млн. долл.).
 7. Данные Торгпредства СРВ в РФ.
 8. Рассматривается возможность создания отделения этой Академии на территории Вьетнама.
 9. Данные ФГУП "Рособоронэкспорт", январь 2004.
 10. ИТАР-ТАСС. 2002.13 января.
 11. Вьетнам. Сегодня и завтра. М., 2002. С. 16.
 12. Барковский А.Н., Алабян С.С. Прогноз внешней торговли Российской Федерации на период до 2050 г. // Внешнеэкономический бюллетень. 2003. № 12. С. 36,39.
 13. После подписания соглашения в 2000 г., два раза осуществлялись конверсионно-обменные операции по вьетнамской задолженности на общую сумму 1 млрд. долл. США. На 300 долл. США были осуществлены поставки товаров. По информации министерства финансов СРВ, остаток долга на начало 2004 г. не превышал 650 млн. долл. США.
 14. Нян зан. 2003. 12 января.
 15. Двустороннее торговое соглашение, подготовку к заключению которого стороны начали почти сразу же после восстановления дипотношений в августе 1995 г., было подписано в 2000 г. В 2002 г. документ обрел законную силу после ратификации парламентами и президентами двух стран.
 16. Для сравнения: торговля СРВ с США в 1995 г. составляла 300 млн. долл., в 2000 г. — более 1 млрд. долл. В 2003 г. вьетнамо-американская торговля превзошла объем торговли с ЕС: в 2000 г. он составлял 4,1 млрд. долл.
 17. Электронное издание Эйша Таймс. 2003.23.10.

История

О "территориальных претензиях" и "неравноправных договорах" в российско- китайских отношениях: мифы и реальность*

© 2004

С. Гончаров, Ли Даньхуэй

Высшие руководители России и Китая неоднократно отмечали особое значение, которое имеет для двусторонних отношений Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. Так, например, в Совместной декларации, подписанной Президентом России В.В.Путинным и Председателем КНР Ху Цзиньтао 2 декабря 2002 г. говорится, что этот Договор "...имеет историческое и важное практическое значение, является прочным фундаментом для здорового и стабильного развития добрососедских и дружественных отношений между двумя государствами. Договор — это программный документ, обладающий огромной жизнеутверждающей силой, нацеленный на непрерывное углубление двусторонних отношений, который открывает новые горизонты для наращивания стратегического взаимодействия двух стран на всех без исключения направлениях." Не менее высокая оценка дана Договору главами государств и в Совместной декларации от 28 мая 2003 г.

40 лет назад, в феврале 1964 г., в Пекине начались советско-китайские переговоры о границе. Таким образом было положено начало длительному и сложному процессу, который к настоящему моменту привел к практически полному урегулированию пограничных вопросов. Публикуя эту статью, мы хотели бы обратить внимание читателей на события сорокалетней давности, которые имеют достаточно важное значение и для современности — в том числе и для правильного понимания смысла некоторых важных положений Договора от 16 июля 2001 г.

В статье 6 подписанного 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой отмечается "отсутствие взаимных территориальных претензий"¹. Учитывая непростую, порой драматичную историю двусторонних связей,

Гончаров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, советник-посланник Посольства России в Китае;

Ли Даньхуэй, профессор Пекинского университета.

* Материал получен по каналам МИД РФ

следует признать, что такая формула и политически и психологически крайне важна для отношений между Москвой и Пекином, создает основу для новой идеологии их развития. Председатель КНР Цзян Цзэминь удачно охарактеризовал такую идеологию выражением: “Навеки друзья и никогда — враги”. Не взирая на конструктивный дух Договора, и с китайской, и с российской стороны в адрес этой его статьи стали раздаваться критические замечания.

Некоторые представители зарубежных китайцев в статьях, опубликованных в Гонконге, но явно рассчитанных на аудиторию внутри КНР, обвиняют Цзян Цзэминя, подписавшего Договор, в забвении национальных интересов страны. Утверждается, что практически все пограничные договоры, подписанные в XIX веке царской Россией с дряхлеющей династией Цин, были силой навязаны китайской стороне и являются неравноправными. Благодаря этим договорам Россия, якобы, “отторгла у Китая полтора миллиона квадратных километров территории”. По мнению этих китайских критиков Договора от 16 июля 2001г., такие китайские руководители, как Мао Цзэдун никогда не признавали законности “неравноправных договоров”, требовали от Советского Союза вернуть утраченные в XIX веке земли. На этом фоне, утверждают подобные деятели, Цзян Цзэминь совершил непростительную ошибку, порвав с курсом предшественников и согласившись на включение в текст Договора положения об “отсутствии взаимных территориальных претензий”. Эти авторы призывают к пересмотру и Договора от 16 июля 2001г., и действующих российско-китайских соглашений о границе².

Среди российских критиков “пограничной” статьи Договора популярно мнение о неких “замороженных” или “отложенных” территориальных претензиях к Советскому Союзу (а затем — к России) со стороны Китая. Они пишут, что китайское руководство и в прежние времена и ныне исходило и исходит из необходимости возратить земли, “отторгнутые” Россией в царские времена на основе “неравноправных договоров”. Такие российские критики подчеркивают, что, по мнению китайцев, подобное “возвращение утраченного” нужно воспринимать как восстановление исторической справедливости, а отнюдь не как “территориальные претензии”. Отсюда делается вывод, что положения Договора о нерушимости границ и территориальной целостности на деле мало чего стоят и что, подписавшись под тезисом об отсутствии территориальных претензий, китайская сторона на самом-то деле по-прежнему строит планы возратить “отторгнутые Россией” полтора миллиона квадратных километров³.

Подобные суждения, к сожалению, подчас тиражируются в российских и китайских СМИ, зачастую приобретая в облегченном бульварном изложении совершенно одиозные, уродливые формы. Они, эти мнения, прямо или косвенно в определенной степени воздействуют на общественное мнение двух стран, работа на создание атмосферы взаимного недоверия и отчужденности. Все это делает важной и актуальной задачу спокойно, непредвзято и нелицеприятно разобраться в том, как же на самом деле высказывались о “неравноправных договорах” и “территориальных претензиях” китайские руководители, чем были обусловлены их заявления в каждый данный момент. Выполнение этой задачи облегчается обнародованием многих важных материалов, ранее недоступных исследователям.

В конечном счете, и для российских и для китайских приверженцев “теории территориальных претензий” главным основанием является содержание состоявшейся 10 июля 1964 г. беседы Мао Цзэдуна с председателем японской социалистической партии Коцзо Сасаки, парламентариями Тосио Курода и Каненуцу Хососеко, а также зам. председателя ассоциации японо-китайской дружбы Тетцуо Ара. Приведем перевод “пограничной” части этого диалога в

наиболее аутентичной версии⁴ (эта беседа не была опубликована ни в одном из официальных изданий собраний произведений Мао).

"Тетцуо Ара: У меня есть один вопрос. Вы говорили, что две великие державы стремятся контролировать весь мир. В настоящее время в Японии существует своеобразная ситуация, когда японские архипелаги Окинава и Рюккю оккупированы американцами. Однако же на севере, недалеко от Хоккайдо, где я живу, имеются Курильские острова, которые оккупированы Советским Союзом. С нашей точки зрения, они именно оккупированы. Говорят, что Курильские острова были переданы Советскому Союзу на основании Потсдамской декларации⁵, в которой мы не участвовали. Мы в течение длительного времени обращаемся к Советскому Союзу с требованиями о возвращении, но никаких результатов нет. Очень хотел бы узнать мнение председателя Мао по данному вопросу.

Мао Цзэдун: Советский Союз захватил слишком много земель. На Ялтинской конференции Монголии номинально предоставили независимость, номинально отрезали ее от Китая. Фактически же она находится под контролем Советского Союза. Территория Внешней Монголии намного превосходит ваши Курильские острова. Мы в свое время ставили вопрос о том, нельзя ли вернуть Монголию Китаю. Они нам отказали. Я ставил вопрос об этом еще в 1954 году, когда Хрущев и Булганин приезжали в Китай⁶. А еще они отрезали от Румынии кусок, называемый Бесарабией, отрезали от Германии кусок Восточной Германии. Они выгнали на Запад всех немцев из Восточной части Германии. Они отрезали кусок от Польши и передали его Белоруссии. Затем они отхватили еще кусок от Германии и передали его Польше, дабы компенсировать передачу польских земель Белоруссии. Они еще отрезали кусок и от Финляндии⁷. Они отрезали все, что можно было отрезать. Некоторые говорят, что в придачу они хотят отрезать еще китайские Синьцзян и Хэйлунцзян. Они нарастили военную мощь на границе с нами. Я считаю, что все это не нужно было отрезать. У Советского Союза и без того территория уже слишком большая, более 20 миллионов квадратных километров. Население же составляет лишь 200 миллионов. У вас, японцев, население составляет более 100 миллионов, а площадь территории — лишь 370 тысяч квадратных километров. Более 100 лет назад они отрезали земли к востоку от Байкала, включая и Боли⁸ и Хайшэньвэй⁹ и полуостров Камчатка. Этот счет не погашен, мы еще не рассчитались с ними по этому счету. Поэтому, что касается ваших Курильских островов, то для нас нет никакой проблемы с тем, чтобы вернуть их вам."

Следует иметь в виду, что эти высказывания были сделаны китайским руководителем в момент крайнего обострения советско-китайской полемики, когда Мао чрезвычайно нуждался в союзниках на международной арене. В ходе этой беседы он сделал все возможное, дабы понравиться японцам и даже, в свойственной ему парадоксальной манере, заявил, что японская агрессия против Китая была "благим делом". Высказывания Мао по территориальному вопросу отнюдь не назовешь подобного рода парадоксом, своеобразной шуткой. Их смысл кажется весьма зловещим. Они прямо противоречат заявленному тогда же китайским премьером Чжоу Эньлаем официальному подходу Китая к пограничным переговорам с СССР, которые начались в Пекине в феврале 1964 года.

6 октября 1964 года Чжоу Эньлай следующим образом изложил китайские оценки хода переговоров в беседе с румынским премьер — министром Й.Г.Маурером: "Переговоры шли полгода. Мы выдвинули три принципиальных подхода к пограничным переговорам. Затем еще выдвинули три конкретных предложения. Три наших принципа были следующие: 1. Подписанный с царской Россией до XIX века Нерчинский договор¹⁰, исходя из тогдашних обстоятельств, нельзя считать неравноправным договором. Те договоры, которые цар-

ская Россия после середины XIX века навязала китайской династии Цин, являются неравноправными договорами. Что касается границы, определенной этими договорами, то не требуем ее изменять. Мы также не выдвигаем территориальных претензий (*подчеркнуто авторами*). 2. Принцип проведения пограничных переговоров должен состоять в том, чтобы, взяв за основу первоначально имевшиеся договоры, посмотреть, в каких местах та или иная сторона вышла за пределы, линии границы, определенной этими договорами, и дополнительно заняли некоторые участки. В таких случаях придется возвратить земли. Если проводить пограничную линию в соответствии с таким принципом, то обеим сторонам придется что-то отдать и что-то приобрести, придется провести упорядочение. 3. Основываясь на неравноправных договорах прошлого, нужно полностью демаркировать всю протяженность пограничной линии. После внесения некоторых надлежащих изменений, необходимо заключить новый договор на замену старым договорам. Таким образом, эти неравноправные договоры более не будут существовать"¹¹. Как видим, Чжоу Эньлай ни словом не упоминает о "территориальном счете", о котором говорил Мао. Факты свидетельствуют, что именно такого подхода придерживались китайские переговорщики во время бесед с советскими коллегами.

Причину явной нестыковки между июльским высказыванием Мао Цзэдуна и октябрьским заявлением Чжоу Эньлая можно понять, если принять во внимание два важных фактора.

Прежде всего, немалое значение имеет то, что к июлю 1964 г. на советско-китайских пограничных переговорах были достигнуты серьезные результаты. Удалось согласовать прохождение государственной границы практически на всем протяжении ее Восточной части за исключением участка под Хабаровском (тогда договорились о 4200 км. из 4280 км). После этого переговоры зашли в тупик. Одной из главных причин было то, что советские представители отказывались согласиться на китайское требование о признании "неравноправными" всех договоров о границе, заключенных между царской Россией и Китаем в XIX веке¹².

Кроме того, нужно иметь в виду, что Мао, когда попадал в затруднительное положение, часто применял следующую древнекитайскую стратегию: по собственной инициативе обострял ситуацию, выводил контрагента из равновесия, заставлял его напрягаться, а затем, взяв в свои руки инициативу, дозированно снижал давление, постепенно ведя дело к нужной для себя развязке. Именно так Мао поступил, например, когда поставил целью создать канал прямого дипломатического общения с США. В сентябре 1954 г. НОАК приступила к обстрелу контролируемых Тайванем прибрежных островов; это породило необходимость в переговорах с США для урегулирования возникшего кризиса и, наконец, 1 августа 1955 г. начал функционировать механизм китайско-американских консультаций на уровне послов в Варшаве, который просуществовал долгие годы.

Как продемонстрировало последующее развитие событий, "пограничная часть" заявления Мао Цзэдуна от 10 июля 1964 г. была тактическим ходом, призванным сдвинуть пограничные переговоры с мертвой точки с тем, чтобы, по крайней мере, зафиксировать документально уже достигнутые договоренности. Реально позиция Мао не отличалась от позиции Чжоу и он не собирался требовать от СССР возврата полутора миллионов квадратных километров территории. Мао Цзэдун стремился оказать давление на российскую сторону, поставив ее перед суровым выбором: или результативное завершение шедших тогда переговоров о границе, или пугающая перспектива в будущем "получить к оплате" счет на полтора миллиона квадратных километров. Мы можем сей-

час достоверно установить, каковы были на деле планы китайского лидера именно благодаря тому, что им не суждено было осуществиться.

12 июля японские социалисты, проводившие вышеупомянутую беседу с Мао, прибыли в Гонконг и дали первые интервью прессе. В тот же день в японских газетах появились краткие сообщения о том, что китайский руководитель поддержал японскую позицию по Курилам¹². Через несколько дней было опубликовано более подробное изложение содержания этой беседы, где упоминалось уже не только о Курилах, но и о территориальных проблемах между Китаем и СССР¹⁴. Посольство СССР в Пекине обратилось за разъяснениями по поводу всех этих сообщений в МИД КНР. Заместитель министра иностранных дел Ван Биннань в ответ заявил, что "если Мао Цзэдун так говорил, то он (т.е. Ван Биннань) с ним согласен"¹⁵.

1 августа в газете "Асахи" было опубликовано содержание беседы Чжоу Эньлая с очередной делегацией японских социалистов¹⁶. Китайский премьер заявил, что поддержка по Курилам, выраженная Мао во время беседы с японцами 10 июля является не тактическим приемом, а последовательной политикой КНР. Кроме того, Чжоу Эньлай вспомнил, как в январе 1957 г. указал Хрущеву на ошибки, допущенные СССР в урегулировании территориальных вопросов с Японией, Китаем, странами Восточной и Северной Европы. Для советского руководства это заявление Чжоу послужило важным косвенным подтверждением того, что 10 июля Мао в разговоре с японцами действительно поддержал их притязания на Курилы, предъявил "территориальный счет" Советскому Союзу. Наконец, 11 августа полный текст беседы, состоявшейся 10 июля, был опубликован в еженедельнике "Секай суюхо", издаваемом информационным агентством Киодо Цусин¹⁷.

Получив всю эту информацию, советская сторона, однако же, против ожиданий Мао, не пошла на уступки, но еще более ужесточила свою позицию на переговорах в Пекине. С конца июля там не удалось сделать ни шагу вперед. 15 августа состоялось последнее пленарное заседание. 21 августа 1964 г. глава советской делегации заявил своему китайскому коллеге, что на следующий день вылетает в Москву. Таким образом не оправдался расчет Мао на то, что его заявление от 10 июля катализирует продвижение переговорного процесса.

Между тем поступали все новые свидетельства, что эта беседа Мао Цзэдуна с японскими социалистами привела к ужесточению позиции СССР. 2 сентября 1964 г. "Правда" опубликовала огромную (на целую полосу) редакционную статью "По поводу беседы Мао Цзэдуна с группой японских социалистов". В ней в весьма жесткой форме опровергались основные тезисы, высказанные китайским руководителем 10 июля. В советской печати развернулась серьезная кампания, направленная на осуждение заявленной Мао позиции¹⁸. Все это стало вызывать определенное беспокойство в мире. Мао пришлось в таких условиях занять не наступательную, а скорее оборонительную позицию, разъясняя истинный смысл высказываний, прозвучавших 10 июля.

10 сентября 1964 г. Мао Цзэдун встретился в Пекине с руководством французской технической выставки. Состоялся следующий весьма любопытный диалог:

"Директор французской выставки: Кажется, здесь был некий парламентарий от японской соцпартии, который говорил, что народный Китай проводит с Советским Союзом переговоры по пограничным и территориальным вопросам; говорилось также, что существует территориальная проблема в отношении 1 миллиона 500 тысяч квадратных километров. Так ли это?"

Мао Цзэдун: А, опять этот вопрос. Дело было так. Один японский парламентарий поставил вопрос о Курильских островах. Они хотят возвратить Курильские острова. Еще до этой беседы я узнал, что Советский Союз отпра-

вил делегацию в Японию для переговоров. Там представители Советского Союза не говорили категорично, что не могут возвратить острова Японии. Это была как раз та самая делегация Микояна¹⁹. Так вот и начали разговор об этом вопросе. Я ведь не говорил, что более миллиона квадратных километров непременно нужно возвратить Китаю. Я только сказал, что было такое дело. Это были неравноправные договоры, принятие которых было навязано Китаю. А еще была Монголия, в отношении которой Китай также заставили принять решение. Я еще много говорил о подобных проблемах ... Наш друг и товарищ Хрущев очень любит заниматься чужими проблемами. Он заявил: почему Китай не испытывает интереса к возвращению Макао и Гонконга? Я в ответ заявил, что вопросы у нас есть не только по Макао и Гонконгу, у вас там тоже имеются²⁰. Уже много лет назад наш премьер разговаривал с Хрущевым²¹ и сказал: "Вы нехорошо решили территориальный вопрос, хотите ли подтверждений?"²².

Несмотря на сохранившийся полемический задор, в этих словах китайского руководителя имеются по крайней мере два серьезных отличия от его заявления от 10 июля:

- Во-первых, теперь Мао Цзэдун преподносит вопрос о "более чем миллионе квадратных километров" не как политический, а как сугубо исторический. Он прямо заявляет, что не имел в виду требовать возвращения этих земель. В этом отношении позиция Мао Цзэдуна приближается к официальной позиции КНР, изложенной в вышеприведенном высказывании Чжоу Эньлая.

- Во-вторых, на сей раз Мао Цзэдун подчеркивает, что поддержал позицию Японии по Курилам в частности по той причине, что против подобной позиции, якобы, не слишком возражал Микоян во время переговоров в Токио.

Эти заверения Мао оказались явно недостаточными, дабы рассеять опасения советского руководства. 15 сентября Н.С.Хрущев принял делегацию японских парламентариев во главе с видным деятелем либерально-демократической партии Кэндзи Фукунага. Советский руководитель воспользовался этим случаем, дабы дать развернутый ответ на заявления, сделанные Мао 10 июля²³.

Формулировки, использованные Н.С.Хрущевым не могли не вызвать у Мао Цзэдуна самые серьезные размышления. Внимание привлекают следующие, например, тезисы:

Хрущев с беспрецедентной резкостью и откровенностью отверг попытки обосновывать территориальные притязания ссылками на историю. При этом он не пощадил ни русских царей, ни китайских императоров. Он заявил: "Мао Цзэдун намекает на то, что Советский Союз слишком большая страна. В Пекине любят подчеркивать, что царское правительство России приобрело слишком много территорий и включило их в свои границы. Мы не хотим защищать русских царей. Они, как и другие цари, были грабителями, вели грабительские войны и старались прихватить чужое добро и приумножить свои владения. Ко всем захватчикам прошлого — и к русским царям и к китайским императорам — должно быть одинаковое отношение. Русские цари вели завоевательные войны. А чем занимались китайские императоры? Такими же завоевательными войнами, тем же грабежом, что и цари России. Китайские императоры завоевывали Корею, захватили Монголию, Тибет, Синьцзян. Возьмем, к примеру, Синьцзян. Разве там искони жили китайцы? Коренное население Синьцзяна резко отличается от китайцев в этническом, языковом и других отношениях. Это — уйгуры, казахи, киргизы и другие народы. Китайские императоры в прошлом покорили их, лишили их самостоятельности. Таким образом, если обратиться к истории, вспомнить, как складывались государства, то мы увидим, что во всех государствах, малых и больших, цари занимались грабежом. Раз-

ница только в том, что грабитель посильнее отхватывал побольше, а послабее — поменьше."

Весьма многозначительно высказался Н.С.Хрущев и о возможных шагах, которые способен предпринять СССР в ответ на посягательства на его территорию: "...Конечно же, если нам войну навяжут, мы будем сражаться всеми своими силами и всеми средствами. А средствами войны мы располагаем достаточно мощными, я бы сказал неограниченными. И если агрессоры развяжут войну, то они в ней погибнут.

Я вынужден был вчерашний день потратить на осмотр новых видов оружия. Целый день я находился среди военных, ученых, инженеров, которые работают в этой области. Мне пришлось этим заниматься потому, что пока в мире есть еще волки, надо обязательно иметь средства для того, чтобы защищаться от этих волков. Поэтому мы и создаем самые современные средства защиты своего государства, своего народа, средства защиты мира между народами.

Мы хорошо знаем всю разрушительную силу этого ужасного оружия и не хотели бы никогда применять его...

...Мы не хотим войны, мы защищаем мир. Но если на нас нападут, границы свои мы будем защищать всеми имеющимися средствами. Границы Советского Союза — священны и тот, кто посмеет их нарушить, встретит самый решительный отпор со стороны народов Советского Союза."

В ходе этой же беседы Хрущев с теплотой говорил о симпатиях к великому китайскому народу, желал ему успехов в социалистическом строительстве. Это, однако, вряд ли могло изменить общее впечатление Мао Цзэдуна о позиции, занятой советским руководителем.

После ознакомления с сентябрьскими высказываниями Н.С.Хрущева Мао стал небезосновательно полагать: его суждения от 10 июля возымели противоположный планировавшемуся результат, побудив советского лидера к такому жесточайшему позиции, пределы которого Мао Цзэдуну были неясны. 7 октября 1964 г. Мао Цзэдун беседовал с делегацией КНДР во главе с Цой Ен Генем, 9 октября он встречался с делегацией, возглавляемой албанским министром обороны Балуку. И в том, и в другом случае китайский руководитель неоднократно возвращался к теме возможной войны с СССР, с явной тревогой спрашивая собеседников: "Может ли Хрущев пойти войной на нас?" "Может ли СССР "отправить войска для того, чтобы занять Синьцзян, Хэйлуцзян, вторгнуться во Внутреннюю Монголию?" "Существует или нет возможность войны" с Советским Союзом?"²⁴

В этот "момент истины" Мао Цзэдун вынужден был предельно откровенно разъяснить Цой Ен Гену и Балуку подлинную подоплеку своих высказываний от 10 июля (возможно, не без надежды на то, что его слова, в конечном счете, дойдут до Н.С.Хрущева.) Эти заявления Мао Цзэдуна являются крайне важными и заслуживают того, чтобы привести их полностью. Беседа с Цой Ен Генем 7 октября 1964 г.

"Мао Цзэдун: "Разве он не говорил о мирном решении пограничного вопроса?" (Общий смех). Мы сейчас предприняли наступление и говорим некоторые пустые слова. Говорим, что правительство царской России отрезало у нас 1 миллион 500 тысяч квадратных километров, что во время Ялтинской конференции за спиной Китая отрезали Внешнюю Монголию (1 миллион 540 тысяч квадратных километров). А есть ведь еще Танну — Урянхай²⁵. Безо всякого договора наскоро превратили ее в автономную республику Советского Союза. Хотим ли мы требовать возвращения этих районов? Мы и не думаем требовать этого, только произносим пустые слова. И Маркс, и Энгельс, и Ленин говорили, что Китай подвергался агрессии. Эти наши слова — такого же рода...

Цель состояла в том, чтобы привести их²⁷ в напряженное состояние и благодаря этому добиться сравнительно рационального договора о границе. Это — тайна, вы на это обратите внимание. (*Общий смех*)”.

Беседа с Балуку, 10 октября 1964 г.

“Мао Цзэдун: “...Мы произносим некоторые пустые слова, производим некоторые холостые выстрелы. Говоря пустые слова, мы стремились к тому, чтобы на пограничных переговорах находиться в наступлении. Цель состояла в том, чтобы добиться рационального положения на границе, заключения договора о границе. Возможно, вы считаете, что мы и вправду хотим возвратить 1 миллион 540 тысяч квадратных километров земель, захваченных царями. Мы отнюдь этого не хотим. Это и называется производением холостых выстрелов, приведением их в напряжение. Такой вот здесь смысл. Хрущев такой человек, что если ты в него не произведешь несколько холостых выстрелов, то будет чувствовать себя нездоровым. (*Общий смех*). Поскольку мы произвели холостой залп, то последовал залп и с его стороны. Он сообщил делегации японских парламентариев, что у него есть такое оружие, которое способно уничтожить все человечество, а прежде всего наш Китай с его 650 миллионов человек...”²⁸ Такие пустые слова мы намерены говорить и впоследствии, как раз к этому готовимся. В Советском Союзе отнюдь не верят таким, как Хрущев. Там считают, что он разносит сплетни. Мою беседу с японской социалистической партией наши газеты не опубликовали, это японцы ее опубликовали. После этого наш премьер подготовил один документ. Хочет пригласить советского посла и поговорить об этом вопросе.

Чжоу Эньлай: Сейчас подготовили один документ, поговорю с ним.

Мао Цзэдун: И также готовимся открыто опубликовать. Хотим, чтобы Хрущев подпрыгнул на несколько “чжанов”²⁹ вверх от земли. Это — тайна, сейчас этот документ еще до конца не подготовили. Однако на самом-то деле нам не нужны 1 миллион 540 тысяч квадратных километров, не нужны и более 100 с лишним тысяч квадратных километров в Танну — Урянхае...”

Думается, что эти цитаты не требуют особых пояснений и позволяют предельно четко понять, как следует оценивать и трактовать печально знаменитые высказывания Мао Цзэдуна от 10 июля 1964 г. Самое главное: Мао не имел в виду выдвигать какие-либо территориальные претензии к СССР или “предъявлять исторические счета”. В этом плане можно полностью согласиться с известным российским исследователем Ю.М.Галеновичем: то, что широкой общественности России и Китая долгие десятилетия ничего не было известно о содержании вышеупомянутой беседы между Мао Цзэдуном и Балуку, самым негативным образом влияло на атмосферу двусторонних связей³⁰.

16 мая 1989 г. состоялась историческая встреча между М.С.Горбачевым и Дэн Сяопином, ознаменовавшая полную нормализацию отношений между СССР и КНР. Дэн Сяопин подробно остановился на тех притеснениях, которым подвергся Китай сначала от царской России, а затем от Советского Союза. Дэн затронул проблемы “неравноправных договоров” и “полутора миллионов квадратных километров”. Остановился китайский руководитель и на “военной угрозе” со стороны СССР.

Завершил свой исторический экскурс Дэн Сяопин пассажем, имеющим глубокое значение: “Мои пространные рассуждения насчет того, чтобы “поставить точку на прошлом” преследуют цель дать возможность советским товарищам представить себе, как мы понимаем это прошлое и что имеем в виду. **Исторические счета предъявлены** (подчеркнуто мной — С.Г.), и все эти проблемы канули в небытие. И в этом заключается один из результатов нашей нынешней встречи. Об этом было сказано, и с этим покончено — на прошлом поставлена точка”³¹.

Можно только восхищаться государственной мудростью, содержащейся в этих словах китайского руководителя. Дэн Сяопин справедливо исходил из того, что сделанное Мао Цзэдуном 10 июля 1964 г. заявление о "еще не предъявленном счете" в полтора миллиона квадратных километров хорошо известно в Китае и в мире. О других высказываниях, где раскрывался истинный смысл позиции Мао Цзэдуна, было известно только самому узкому кругу высших руководителей КНР. В этих условиях Дэн, в понятной для китайского читателя манере, заявил о том, что уже "предъявил" тот исторический счет, который Мао считал "непогашенным", и потому навеки закрывает этот исторический этап, аннулирует все сказанное 10 июля 1964 г. Именно исходя из такого понимания проблемы, Цзян Цзэминь имел все основания поставить подпись под Договором, в котором содержался тезис об отсутствии взаимных территориальных претензий.

Наиболее весомым материальным подтверждением действительности такого решения Дэн Сяопина стало подписание между двумя государствами Соглашения по Восточному участку границы от 16 мая 1991 г. и Соглашения по Западному участку границы от 3 сентября 1994 г. Оба эти документа носят бессрочный, т.е. вечный характер и не содержат упоминаний о "неравноправных договорах"³².

С подписанием этих международно-правовых актов, а затем и Договора от 16 июля 2001 г. проведена четкая грань между политическими и историческими аспектами пограничного вопроса. Отныне никакие суждения ученых об истории отношений никак не могут влиять на выполнение уже заключенных и подготавливаемых сторонами документов о границе. Тем самым открывается уникальная возможность для научного исследования имеющих здесь интереснейших вопросов, для дискуссий и сотрудничества историков двух стран.

1. Полностью эта часть статьи 6 Договора выглядит так: "Договаривающиеся Стороны, с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия. Договаривающиеся Стороны руководствуются международно-правовыми принципами территориальной неприкосновенности и нерушимости государственных границ, неукоснительно соблюдают государственную границу между ними". Текст Договора см. на вебсайте Посольства России в Китае, russia.org.cn.
2. Янь Цзяци. Российско-китайскую пограничную проблему нужно вновь обсудить // Дунсян. Сянган, 2002. С. 35-37.
3. Галенович Ю.М. Подводные камни договора // Азия и Африка сегодня. 2002. № 5. С. 47-49.
4. Текст записи этой беседы приводится по :Архив провинции Гуанси, оп. XI, д. 35, п. 116, с. 37-46.
5. Здесь Тетцуо Ара допускает ошибку. Речь явно идет о Ялтинских соглашениях, которые были достигнуты в феврале 1945 г.
6. Эти переговоры состоялись в октябре 1954 г., когда советская делегация приняла участие в праздновании 5-летия КНР. Личный переводчик Мао Цзэдуна следующим образом описал этот эпизод: "Во время государственных празднований было немало представлений, все они были прекрасными. Делегация Монгольской Народной Республики привезла с собой группу деятелей культуры, которые также дали великолепное представление. Во время просмотра их представления я сидел слева от Лю Шаоци, слева от меня сидел Булганин, а слева от Булганина — Хрущев. Наблюдая за номерами, Булганин бормотал, обращаясь ко мне, что, мол когда летел в самолете над Монголией, то увидел, что там — сплошная пустыня, ничего там нет, экономику монголам развивать очень трудно и лучше уж возратить их Китаю. Хрущев весьма чутко спросил — что говорит Булганин? Булганин рассказал ему, и Хрущев сказал, что не нужно такого говорить. Лю Шаоци также понял — что-то происходит и спро-

- сил меня: "О чем они говорят?" Я рассказал ему. Лю Шаоци немедленно доложил об этих словах Мао Цзэдуну. Во время переговоров высших руководителей двух стран Мао Цзэдун заявил Хрущеву: "Слышал, что вы хотите вернуть Монголию Китаю. Мы это приветствуем. Просим Вас поговорить об этом с монгольскими товарищами." Хрущев немедленно ответил: "Нет, не было ничего такого. Мы не обсуждали это с Монголией." Повернувшись, он с гневом сказал Булганину: "Все из-за того, что ты много болтаешь!" См.: Ши Чжэ. Моя жизнь. Пекин, 2002. С. 447-448.
7. Чжоу Эньлай поставил все эти вопросы перед Н.С. Хрущевым во время переговоров в Москве в январе 1957 г. Позднее, во время переговоров в Пекине с Мао Цзэдуну 3 августа 1958 г., Хрущев не без обиды так вспоминал об этих беседах с Чжоу Эньлаем: "...Когда произошли события в Венгрии, к нам приехал товарищ Чжоу Эньлай и прочел нам лекцию. Он обвинил нас и за Бесарабию, и за Балтийские государства. Мы получили этот урок. Получается, что вы можете критиковать нас, но мы не можем критиковать вас". См.: Cold War International History Project Bulletin. Washington, 2001.
 8. Хабаровск.
 9. Владивосток.
 10. Нерчинский договор между Россией и Китаем был подписан 7 сентября 1689 г. Он стал первым двусторонним договором о границе. См.: Китайский дипломатический словарь. Под редакцией Тан Цзясюаня. Пекин, 2000. С. 449-450.
 11. Хроника жизни Чжоу Эньлая, 1949-1976. Пекин, 1997. Т. 2. С. 673.
 12. Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке : граница. М., 2001. С. 88-114; 50 лет дипломатии нового Китая. Пекин, 1999. Т. 2. С. 912-915.
 13. Асахи симбун. 1964. 12 июля.
 14. Асахи симбун. 1964. 14 июля.
 15. Правда. 1964. 2 сентября.
 16. Асахи симбун. 1964. 1 августа.
 17. Именно эта версия беседы была опубликована в советской прессе. См.: Правда. 1964. 2 сентября.
 18. См. напр.: Авантюризм китайских руководителей. Мировая общественность комментирует редакционную статью газеты "Правда" // Правда. 1964. 4 сентября; Ф.Н.Петров, член КПСС с 1896 года, Герой Социалистического Труда. "Решительно осуждаем провокационные действия пекинских раскольников"; В.Е.Быховский, академик. "Неприкрытый шовинизм" // Правда. 1964. 5 сентября; А.Аллилуев, член КПСС с 1917 года, начальник комбината "Приморскуголь", Герой Социалистического Труда. "Гневный протест дальневосточников"; Ш.Чокин. Президент Академии Наук Казахской ССР. "Наглый шовинизм"; Вилли Мон, член Политбюро ЦК СЕПГ. "Опасный курс китайских руководителей" // Правда, 1964. 6 сентября; "Темные замыслы китайских руководителей"(Заявление Монгольского телеграфного агентства) // Правда. 1964. 10 сентября.
 19. Эта делегация прибыла в Японию 14 мая 1964 года.
 20. В декабре 1963 г., выступая в Верховном Совете СССР Н.С.Хрущев обвинил китайское руководство в двурушничестве. Он, в частности, задал следующий вопрос: почему КНР не испытывает интереса к возвращению в свое лоно Макао и Гонконга, попавших под контроль Португалии и Великобритании в результате империалистических войн и неравноправных договоров, но одновременно затевает территориальную вражду на границе с Индией?
 21. Речь здесь идет об уже упоминавшихся переговорах января 1957 г.
 22. Запись беседы Мао Цзэдуна с Ж.Пике и другими. 10 сентября 1964 г.
 23. Прием Н.С.Хрущевым парламентской делегации Японии // Правда. 16 сентября. 1964; Беседа товарища Н.С.Хрущева с парламентской делегацией Японии 15 сентября 1964 г. // Правда. 1964. 20 сентября.
 24. Запись беседы Мао Цзэдуна с Цой Ен Геном, 7 октября 1964 г.; Запись Беседы Мао Цзэдуна с Балуку, 9 октября 1964 г.
 25. 31 декабря 1963 года Н.С.Хрущев обратился к главам государств мира с предложением отныне решать пограничные вопросы исключительно мирными средствами.
 26. Тува.
 27. Т.е. советскую сторону.

28. Имеются в виду заявления, сделанные Н.С.Хрущевым 15 сентября 1964 г. во время беседы с японскими парламентариями.
29. Один "чжан" равен 3.33м.
30. Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. С. 102-105
31. Дэн Сяопин. Поставить точку на прошлом, открыть будущее (16 мая 1989 г.) // Дэн Сяопин. Избранное (на русском языке). Т. III(1982-1992). Пекин, 1994. С. 367-371.
32. См.: Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части. Подписано в Москве 16 мая 1991 г. Министром иностранных дел СССР А.А.Бессмертных и Министром иностранных дел КНР Цянь Цичэнем. Ратифицировано Верховным Советом России 13 февраля 1992 г. Ратифицировано Председателем КНР 25 февраля 1992 г. Обмен ратификационными грамотами произведен в Пекине 16 марта 1992 г. Вступило в силу 16 марта 1992 г. Бессрочно // Сборник российско-китайских договоров, 1949-1999. М., 1999. С. 117-125; Соглашение между Российской Федерацией и и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Западной части. Подписано в Москве 3 сентября 1994 г. Министром иностранных дел России А.В.Козыревым и Министром иностранных дел КНР Цянь Цичэнем. Ратифицировано Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 23 июня 1995 г., одобрено Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 5 июля 1995 г. Федеральный закон подписан Президентом Российской Федерации 15 июля 1995 г. Ратифицирован Председателем КНР в соответствии с постановлением ПК ВСНП от 29 декабря 1994 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Пекине 17 октября 1995 г. Вступило в силу 17 октября 1995 г. Бессрочно. Там же. С. 275-277.

Редакция "ПДВ" обратилась с просьбой прокомментировать публикуемую статью к академику С.Л.Титвинскому, непосредственному участнику переговоров по пограничному урегулированию 1963-1965 гг., Чрезвычайному и Полномочному Послу в отставке, советнику президиума РАН, главному научному сотруднику ИДВ РАН. Ниже мы публикуем его комментарии.

Авторы публикуемой совместной статьи, основываясь на недавно преданных в КНР гласности документах, разоблачают запущенный в оборот Мао Цзэдуном летом 1964 г. миф о якобы имеющихся у Китая территориальных претензиях к России на 1,5 млн кв. км. К сожалению, этот миф время от времени реанимируется, причем главным образом извне.

За последнее время многие китайские собеседники, с которыми мне довелось встречаться в Москве, выражали удивление в связи с распространенностью в России, особенно на Дальнем Востоке, убеждения в наличии угрозы территориальной целостности России со стороны КНР. Одновременно российские туристы, в большом количестве посещающие пограничный китайский город Хэйхэ, откровенно недоумевают, почему в местном краеведческом музее развернута специальная экспозиция, трактующая всю прошлую историю российско-китайских отношений отнюдь не в духе добрососедства, а как непрерывную цепь агрессивных актов России, направленных на захват китайских земель. В школах Хэйхэ детей обучают по учебникам истории, в которых дается аналогичная необъективная трактовка истории отношений между странами-соседями.

Все это не может не вызывать определенной обеспокоенности. В этой связи привлекает к себе внимание статья С.Э. Приходько — советника Президента РФ, который признает, что "на протяжении веков отношения между обоими государствами складывались отнюдь не просто, да и в относительно недавнем прошлом они пережили периоды обострений и даже открытой конфронтации"¹. "...Нельзя сказать, что в России сформировался общенациональ-

ный консенсус в оценке нынешнего характера и будущего развития отношений с Китаем. Причиной тому — не только периодические волны публикаций в СМИ с чуть ли не апокалиптическими прогнозами о неотвратимой “угрозе” нашей стране, ее военной и экономической безопасности. Мы просто мало знакомы с повседневной жизнью современного Китая”².

Впервые в КНР территориальные претензии к России публично высказал никто иной, как Мао Цзэдун в беседе с делегацией социалистической партии Японии 10 июля 1964 г. (В этой беседе он также поддержал территориальные претензии Японии к России и охарактеризовал военную политику России и Советского Союза как непрерывную цепь агрессивных действий в Азии и в Европе.) Предъявленный Мао территориальный “счет” к нашей стране был моментально растиражирован в китайских, западных и японских СМИ и породил целую серию исторических “изысканий”, развивавших брошенный Мао тезис об извечной агрессивности России.

Надо признать, что почва для такого заявления Мао Цзэдуна была давно подготовлена как гоминьдановской пропагандой, так и политикой в отношении СССР правительства Соединенных Штатов Америки. Сразу после капитуляции Японии США стали прилагать усилия к ослаблению позиций Советского Союза в Китае, перебрасывать в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию), освобожденный советскими войсками от японской квантунской армии, отборные гоминьдановские войска, подготовленные и вооруженные американцами в Бирме в годы войны на Тихом океане.

Уже через три с небольшим месяца после провозглашения КНР, 12 января 1950 г. госсекретарь США Ачесон в речи в Национальном клубе печати США обвинил Советский Союз в том, что он “отделяет северные районы Китая от Китая и присоединяет их к Советскому Союзу. Этот процесс завершен во Внешней Монголии. Он почти завершен в Маньчжурии, и я уверен, что из Внутренней Монголии и Синьцзяна советские агенты шлют в Москву очень благоприятные донесения. Это то, что происходит. Это — отделение целых районов, обширных районов, населенных китайцами, отделение этих районов от Китая и присоединение их к Советскому Союзу”.

Подобного рода провокационные высказывания американских политиков и выступления в прессе, направленные против дружеского сближения КНР с Советским Союзом заметно усилились после сенсационного заявления Мао Цзэдуна о наличии у КНР территориальных претензий к Советскому Союзу и стали принимать откровенно подстрекательский характер. После кровавой провокации против советских пограничников в марте 1969 г. на льду Уссури у острова Даманский (по недавней информации китайских СМИ — организованной по личному распоряжению Мао Цзэдуна), в США была опубликована книга известного обозревателя “Нью-Йорк Таймс” Гаррисона Солсбери под провокационным названием “Война между Россией и Китаем”. Аналогичную пропагандистскую линию в то время осуществлял и обозреватель лондонской газеты “Таймс” Невиль Максвелл.

В Москве беседа Мао Цзэдуна с японскими социалистами была воспринята весьма серьезно. Н.С. Хрущев распорядился отозвать из Пекина делегацию, которая вела переговоры о линии прохождения границы между обеими странами. Газета “Правда” 2 сентября 1964 г. прямо обвинила китайское руководство в подготовке экспансионистских планов против Советского Союза. В октябре того же года известный советский академик, специалист в области истории международных отношений В.М.Хвостов выступил с подробной статьей “Китайский счет по реестру и правда истории” в МИДовском офицозе “Международная жизнь”, опровергавшей территориальные притязания Мао Цзэдуна³. В 1972 г. он же, в содружестве с д.и.н. Л.Г.Бескровным и чл.-корр. АН

СССР С.Л.Тихвинским опубликовал пространную статью "К истории формирования русско-китайской границы"⁴. С китайской стороны к обоснованию выдвинутых Мао Цзэдуном территориальных притязаний подключилась большая группа историков, и в ходе проходившей в КНР с 1966 по 1976 гг. "культурной революции" во враждебную Советскому Союзу кампанию было вовлечено большое число китайских ученых, издавалась обширная литература, призванная обосновать "реестр" Мао Цзэдуна.

Полагал бы важным продолжить начатое авторами данной статьи совместные исследования российских и китайских историков, раскрывающие объективную картину российско-китайских отношений, на самом деле имеющих 400-летнюю историю добрососедства. На наш взгляд, этому делу могла бы успешно служить совместная публикация архивных документов по истории двусторонних отношений. В одностороннем порядке российские китаеведы — сотрудники академических институтов и архивисты ведут такую работу еще с начала 60-х годов прошлого столетия и за эти годы опубликовали семь объемных томов документов и материалов по истории российско-китайских отношений в XVII — XX вв.⁵ В работе находятся еще несколько томов. На документальной основе, руководствуясь принципом научной объективности и историзма, в духе доброжелательства и добрососедства, российские и китайские ученые могли бы воссоздать подлинную картину отношений между странами-соседами.

Авторами совместной статьи российского и китайского историка принята первая попытка объективно разобраться в том, был ли действительно у Мао Цзэдуна готовый к предъявлению Советскому Союзу какой-то реальный реестр с указанием территорий, на которые претендовал Китай. На официальном уровне ни в переписке, ни при официальных встречах китайской и советской правительственных делегаций, начавших свою работу 19 октября 1969 г. в Пекине (автор данных комментариев был членом советской правительственной делегации на этих переговорах), такого рода "реестр" никогда не предъявлялся.

В статье приведены недавно рассекреченные в Китае свидетельства самого Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая о том, что такого "реестра" вообще не существовало, и что, попросту говоря, Мао Цзэдун блефовал.

Авторы статьи поставили перед собой задачу спокойно и непредвзято разобраться в мотивах, которыми руководствовались китайские руководители, чем были обусловлены их заявления о "неравноправных договорах" и "территориальных претензиях". К сожалению, в статье не говорится о тех пагубных последствиях, которые этот блеф повлек за собой для китайского и советского народов. Советский Союз был вынужден в спешном порядке направить огромные средства на укрепление границы с Китаем и на усиление дислоцированных в приграничных районах своих вооруженных сил в ущерб планам экономического развития страны. Что касается Китая, то для него последствия этого блефа Мао Цзэдуна были не менее тяжелыми.

На наш взгляд, высказывания Мао Цзэдуна в беседе с японскими социалистами не могут быть объяснены просто желанием "припугнуть Хрущева", "заставить его подпрыгнуть". В свете последующего развития внутривосточных событий в Китае и отношения Мао Цзэдуна к Советскому Союзу можно утверждать, что с его стороны это была глубоко продуманная долговременная акция, направленная на борьбу против сложившейся к тому времени в руководстве КПК оппозиции его авантюристическому внутреннему курсу ("большой скачок", "народные коммуны") и враждебной СССР внешней политике (обвинение КПСС в оппортунизме, отказе от борьбы с империализмом и соглашательстве с США), которая должна была открыть дорогу к переориентированию страны на сотрудничество с США.

1. Сергей Приходько. Москва — Пекин: мы нужны друг другу // Россия в глобальной политике. Т. 2. № 2. 2004. С. 167.
2. Там же. С. 168-169.
3. Хвостов В.М. Китайский счёт по реестру и правда истории // Международная жизнь. 1964. № 10.
4. Академик Хвостов В.М., чл.-корр. АН СССР Тихвинский С. Л., д.и.н. Бескровный Л.Г. К истории формирования русско-китайской границы // Международная жизнь. 1972. № 6.
5. Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы в двух томах. Том 1. 1608-1683. 613 с.; Том 2. 1686-1691. 835 с. / Составители Демидова И.Ф., Мясников В.С. Отв. ред. чл.-корр. АН СССР Тихвинский С. Л., ред. д.и.н. Думан Л.И. М.: Вост. лит. РАН, 1969-1972.

В последние годы было опубликовано два тома "Российско-китайские отношения в XVIII в.". Том 1. 1700-1725. 703 с.; Том 2. 1725-1727. 669 с.; Том "Русско-китайские отношения в XIX в. 1803-1807". 1021 с.; "Советско-китайские отношения. Документы и материалы. 1937-1945" (в двух книгах общим объёмом 1754 с.).

Философия

В чём специфика китайской культуры?

© 2004

Лян Шумин

От переводчика

Лян Шумин (1893-1988) принадлежит к числу наиболее известных китайских философов XX в. Он был одним из основателей так называемого современного неоконфуцианства, создателем новой для истории китайской мысли концепции исторического развития отдельных культур и их типологии. Лян Шумин впервые рассмотрел китайскую культуру в контексте истории всего человечества. Его типология культур представляет собой результат взаимодействия традиционной китайской мысли с западноевропейской философией.

В философии Лян Шумина история рассматривается как последовательное преобладание одной из трех культур, имеющих разные доминанты. Для западноевропейской культуры наиболее важно интеллектуальное постижение закономерностей материального мира и покорение природы. Китайская культура опиралась в своем развитии на "разум" (у Лян Шумина это понятие, если его интерпретировать в терминах европейской философии, ближе к нравственной интуиции или практическому разуму). В рамках индийской культуры, по Лян Шумину, преобладал поиск неподвижной изначальной основы бытия.

Почти всю свою жизнь Лян Шумин был ревностным апологетом конфуцианства (а в прошлом столетии оно действительно нуждалось в защите, начиная со времен "движения за новую культуру"). Этот императив сочетался с патриотическими устремлениями, которые нашли отражение в его видении смысла истории. Задача обоснования самостоятельной ценности китайской культуры и ее особой исторической миссии решалась им посредством сопоставления культур Китая и стран Западной Европы. Историческая концепция Лян Шумина построена на основе трехчленной прогрессивной модели истории. Центральным ее уровнем является период природной и социальной гармонии, соотношенный с распространением влияния китайской культуры.

В 30—40-е годы XX в. мыслитель интенсивно разрабатывал историко-культурологическую концепцию, нашедшую свое завершение в работе "Основы китайской культуры" (вышла в ноябре 1949 г.). Лекция "В чем специфика китайской культуры?" впервые была прочитана Лян Шумином в Университете Сунь Ятсена (Гуанчжоу) весной 1935 г. Перевод, представленный с некоторыми сокращениями (опущены преимущественно характерные для

устного изложения риторические обороты и повторы), выполнен по тексту, данному в пятом томе Полного собрания сочинений (Лян Шумин цюань цзи. Т. 1-8. Цзинань: Шаньдун жэньминь чубаньшэ, 1989—1993).

В чем специфика китайской культуры? В том, что в ней преждевременно раскрылся человеческий разум. В этом полностью заключено отличие свойств китайской культуры от западной и индийской. Я уже говорил, что китайская культура имеет две особенности. Во-первых, в Китае давно не стало религии, и впоследствии она тоже не была развита — религия в культуре Китая действительно занимает несущественное место. Во-вторых, за последние две тысячи с лишним лет структура китайского общества была совершенно неизменна, культура была цикличной и замкнутой...

Что касается отношения разных цивилизаций ко всей человеческой культуре в целом, то и древняя цивилизация Индии, и современная западная цивилизация внесли в нее большой вклад. Сходным образом древняя цивилизация Китая также внесла большой вклад в культуру человечества. Здесь следует обратить внимание на то, что понятия культуры и цивилизации кое в чем не совпадают. Многие смешивают их. По отношению друг к другу они представляют собой следующее: уже сложившееся образование называют цивилизацией, этот термин несколько конкретнее, а культура обычно обозначает абстрактную модель. Тем не менее, каждая из этих трех цивилизаций обладает своей особой окраской: например, особенность индийской цивилизации — это гипертрофированное развитие религии. Религия в Индии развита больше, чем что-либо другое: можно утверждать, что в прошлом индусы были религиозной нацией. Особенность современной западной цивилизации состоит в том, что она наделена силой покорения природы и в этой области достигла многого. Особенность старой цивилизации Китая состоит в том, что общественное устройство Китая, по-видимому... в большинстве случаев опиралось на собственные силы общества, а не на высшие или внешние по отношению к нему силы. В Китае людям не казалось, что в этом есть что-либо особенное, а на Западе это, напротив, могло показаться удивительным. Скажу еще яснее: опора общественного устройства Китая на собственные силы, а не на чьи-либо другие, подразумевает то, что его основой была система обрядов и обычаев, а не религия, церковь или государственное право. В китайском обществе религия, церковь или государственное право не обладали большим влиянием — в действительности сильнее всего в нем были обряды и обычаи. Причина этого кроется в своеобразии организационной структуры китайского общества. Только из-за нее возникло такое явление, как опора общества на собственные силы.

Присмотримся: вплоть до сегодняшнего дня в человеческом обществе постоянно присутствует классовое господство, общественное устройство всегда опирается на механистические методы — в сущности, оно опирается на классовое насилие. Найти в человеческом обществе то, что может поддерживать общественное устройство без насильственного контроля, поистине трудно. Общественное устройство, опирающееся на насилие, представляет собой механистическую структуру, которая развивается исподволь... Общественное устройство, не опирающееся на классовое насилие, сможет возникнуть лишь в будущем, но Китай в прошлом как будто был близок к этому, вот что самое поразительное (обратите внимание на слова "как будто был близок": я не хочу сказать, что такое общественное устройство там уже было). Однако если в Китае в прошлом и добились существования общественного устройства, не нуждавшегося в классовом господстве, это случилось из-за пассивности общества. Если тщательно рассмотреть способы поддержания общественного устройства в Китае прошлого, станет видно, что оно все же не было тем устройством, которое появится в человеческом обществе лишь в будущем.

Опора китайского общества на обряды, обычаи и просвещение — лежащее на поверхности явление, глубинная его причина — исключительно преждевременное развитие разума. Содержание обрядов, обычаев и просвещения (просвещение — совсем не религия, но и не образование; тем не менее, оно близко к общественному образованию!) — это именно разум. Содержание того, что я назвал “собственными силами”, — это тоже разум. В таком случае, что называется разумом? Что называется *преждевременным развитием*? Смысл этих слов нельзя оставить без пояснения. Разум — *это спокойное чувственное постижение, он отличен от интеллекта*. Интеллект — это инструмент жизни человека, обладающий функцией разграничения абстракций и выведения умозаключений. Интеллект не содержит эмоций. Разум же — это суть человеческой жизни.

В процессе эволюции живых существ позвоночные животные — от рыб, птиц, млекопитающих, человекообразных обезьян и вплоть до человека, — постепенно входили в сферу интеллекта и отдалялись от инстинкта. То, что позвоночные стали жить, опираясь на интеллект, в отношении образа жизни само по себе было прогрессом. Это означало обретение так называемого рассудка или научение творчеству. Однако из-за этого прогресса человеческая жизнь претерпела сущностное изменение. Превосходство людей над другими животными состоит в том, что они обладают преимуществом в области интеллекта и в том, что у людей из интеллекта развивается разум... Разум включает в себя интеллект. Лишь человек наделен способностью к абстрактному познанию; животные могут действовать только исходя из конкретного познания. Такое конкретное познание изначально присуще человеку, а специфической особенностью человеческого познания на деле является способность к абстрактному познанию. Перед действием человек способен обдумать его. При помощи этой способности человек может познать законы вселенной — это тоже так называемый разум.

Можно выделить две разновидности законов вселенной: одна — это закономерности событий и объектов, проще — вещественные закономерности; другая — это закономерности человеческих эмоций, проще — закономерности эмоций. Человек может познать как первые, так и вторые. Однако пути человечества неизбежно расходятся в разные стороны. При чтении китайских и иностранных книг вы обнаружите, что среди западных подавляющее большинство составляют труды, посвященные вещественным закономерностям, а в китайской классике особенно много говорится о закономерностях эмоций. В прошлом в Китае часто говорили: “при чтении книг постигают закономерности”, имея в виду именно закономерности эмоциональные, а не вещественные. Интеллект и разум различны, способность к познанию вещественных закономерностей — это интеллект, а способность к познанию закономерностей эмоций — разум. Интеллект — это способность к исследованиям в области естественных и общественных наук. При усилении и обострении интеллекта в человеке чувства тут же подавляются. Распространенное выражение “холодная голова” означает усиление действия интеллекта и затишье чувств. Напротив, взволнованные и бурные чувства заставляют интеллект отступать. Если мы во власти любого из наших чувств — гнева, возмущения, печали или радости, мы больше не можем вычислять, проводить элементарный анализ или анатомировать. Можно видеть, что интеллект никоим образом не включает в себя чувства, а для разума они являются главным элементом, поэтому при его помощи и можно познать закономерности эмоций. Интеллект же может обнаруживать только вещественные закономерности. Человечество изначально обладает преимуществом в области интеллекта, но нам следует обращать внимание не только на интеллект, но и — еще в большей степени — на разум человечества. Разум — поистине то, что дороже всего для человечества, то, чего лишены животные. С точки зрения разума мы можем увидеть специфику человеческой жизни. Раз-

витие разума может уничтожить дух невежества и насилия. Если человечество вступит на этап господства разума, можно будет избежать множества бедствий; поэтому мы не можем не обратить на него еще большее внимание.

Ныне все, вероятно, задаются вопросом: почему в Китае нет религии? На это больше всего повлиял Конфуций. Все предшественники или последователи Конфуция старались развить в людях разум, что привело к тому, что религия в китайском обществе не смогла преуспеть. Разум побуждает идти по направлению к просвещению, требует иметь собственные суждения. Религия же всегда побуждает верить в нечто внешнее, в иное. Религия всегда устанавливает общие для всех объекты веры — такими объектами, например, могут быть духи, Бог и т.п.; а школа Конфуция всегда требует от человека “изучать себя”, “спрашивать себя”, “искать в себе”, требует от человека обращения к разуму, самостоятельного его использования. Если выразиться еще яснее, сторонники этой школы требуют от человека веры в себя, а не во что-то иное, требуют установить критерии суждения в своем разуме. В этом поистине их самое большое расхождение с религией.

Мы знаем, что в каждую эпоху и в каждом обществе без исключения в отношении человеческих поступков всегда существовал необходимый критерий ценностных суждений о том, что является правдой, а что ложью, что хорошо, а что дурно. В других странах и обществах этот критерий часто исходил от религии, там при помощи ее догм или непререкаемых распоряжений главы церкви судили, хорош или дурен данный человеческий поступок; критерий всегда был внешним. В Китае Конфуций учил не так; уже очень рано конфуцианство потребовало от китайцев иметь собственные ценностные суждения о том, что является правдой, а что ложью, что хорошо, а что дурно. В прошлом в Китае ни религия, ни закон не занимали важного положения. Можно также сказать: следует признать, что мораль возникла и развилась у китайцев раньше, чем во всем мире. Мы видим, что в древнекитайской классике мало суеверий и мифов. В древних классических книгах других стран, пожалуй, не встретишь такой просвещенности, как в китайских. Учение повсеместно известного в китайском обществе “Четверокнижие” носит на себе явственную печать просвещенности, в чем с ним не могут сравниться другие древние классические книги. Все учение “Четверокнижия” направлено на выявление разума в человеке. О чем бы ни шла речь, почти всегда спрашивается: “Каково это на твой взгляд?” Например, в “Лунь юе” Цзай Во спрашивает о трехлетнем трауре:

Учитель сказал: “Ты будешь спокоен, если будешь есть рис и одеваться в шелка?” Он ответил: “Да”. “Ты будешь спокоен, — так делай это! Когда благородный муж в трауре, еда ему не сладка, при звуках музыки он не радуется, дома он все беспокоится, и поэтому он не делает этого. Если же ты будешь спокоен, — делай это”².

В древнем китайском обществе соблюдение трехлетнего траура было важной нормой поведения, а не чем-то незначительным. Но Конфуций все же, не опираясь на суеверия, поручал суждение об этом собственному разуму человека. Продолжателем Конфуция, который смог развить его установки, стал Мэн-цзы. Он говорил:

“Сознание правды и лжи есть у всех людей”³.

“Правда и долг радуют мое сердце, как овощи и мясо радуют мой вкус”⁴.

Все эти слова направлены на выявление разума. Путь конфуцианства — это именно путь его выявления. Продолжателями Мэн-цзы, развившими его установки, были Лу Сяншань и Ван Янмин⁵. Совершенно очевидно, что оба они придавали особое значение требованию обращения к своему разуму.

Разум китайцев действительно раскрылся преждевременно. Этим же объясняется неуспех религии в Китае и слабость общественной консолидации.

Конфуций преждевременно начал пробуждение разума. В этом и кроется корень слабой консолидации общества. Конфуций требовал от каждого человека самостоятельных суждений о правде и лжи, хорошем и дурном, требовательности в первую очередь к себе, а не внимания к требованиям других. Поэтому религия в Китае не могла процветать. На Западе в древности религия обладала особым влиянием, религиозные верования связывали психологию масс, церковь была центром общества — религия способствовала становлению коллективных форм социальной жизни... То, что в китайском обществе не было коллективизма, является следствием того, что в Китае не было религии.

Я только что говорил, что во всяком обществе есть свои ценностные суждения. Если сравнить западное и китайское общество в прошлом, окажется, что ценностные суждения западного общества пришли из религии, а китайского — из морали. Мораль ведет к требовательности к себе, религия — к опоре на требования других; основа морали — разум. Поскольку конфуцианство давно начало пробуждение разума китайцев, в Китае особенно сильна мораль, а религия естественным образом не имеет успеха. Это и ослабило консолидацию общества. Западная мораль не отделена от религии, а в Китае четче всего разделены религия и мораль, вина со счастьем и правда с ложью; представления о правде и лжи у китайцев очень развиты, мерилom их поступков служат долг и истина, а жители Запада определяют поступки через вину и счастье. Сомнения в религии ни в коей мере не вызывали сомнений в морали у китайцев. Сунские и минские конфуцианцы по большей части были атеистами; а ведь они известны по преимуществу своими разработками в области морали. По словам Рассела, “в Китае сомнения в религии не вызывали соответствующих “сомнений в морали”, которые обычны в таких случаях в Европе”.

Эти слова свидетельствуют, что на Западе сомнения в религии могут вызвать сомнения в морали. Однако наверняка найдутся те, кто скажут: неужели в Китае не было религии? Неужели ислам, буддизм и — впоследствии — христианство, а также многочисленные суеверия — ничто из них не может считаться религией? Здесь я отвечаю им: такие суеверия низшего уровня, как вера в духов и фетишизм, бывают в любом обществе, и Китай не будет исключением. Однако существовала ли в Китае вся система религиозных верований, масштабные действия, продиктованные религией, религиозная деятельность, образующая государственный строй или организующая общество? Самой влиятельной в китайском обществе была ни в коем случае не религия, а мораль. Китайцы любят говорить: “Религий много, а истина одна”; даже смешно, насколько смутно и общо и это выражение. Однако данная фраза показывает, что китайцы непосредственно верят истине, учению же они верят опосредованно. С точки зрения китайцев, все религии исходят из единой истины. Японский ученый Горай Кинсо много лет провел в Европе, кроме того, он был хорошо знаком с конфуцианством. Он говорил, что видит в китайском конфуцианстве победу разума. Китайские конфуцианцы не поклоняются духам, Богу, Небу, не ценят власти монархии или большинства, для них выше всего разум. Когда конфуцианцы ставят выше всего волю Бога, монарха или большинства, она непременно представляет собой выражение разума. Конфуцианцы считают, что человек должен во всем подчиняться разуму. О правде, лжи, о хорошем, дурном, правильном и неправильном, — обо всем он должен судить самостоятельно. Для них ничто не превышает разума, он и есть “правильное”. Поэтому Горай Кинсо считает, что конфуцианство — доктрина, выше всего ставящая разум. По-моему, это очень верный подход.

На Западе средние века были эпохой религии, разум совсем не был развит. Процветали суеверия и косность, был низок уровень культуры и силен дух жестокости. Хотя можно сказать, что современная западная цивилизация в своей творческой деятельности вышла на высокий уровень, в ней по-прежнему развит интеллект, а не разум. В Новое время наука на Западе процветает

ла, в покорении природы Запад добился небывалых успехов. Все это — результаты развития интеллекта. Что касается разума, то его, тем не менее, с развитием интеллекта не прибавилось. Интеллект, развившись, освободился от религиозной закоснелости, однако разум так и не получил развития, — в общих чертах, таково положение западной культуры в Новое время.

Ныне западная цивилизация подошла к весьма критической фазе! Она полна противоречий и конфликтов, классовых бедствий и противостояния классов, ее разделяют серьезные государственные и межгосударственные барьеры; себе она обязана и существованием острой классовой и национальной борьбы... Что является причиной тому? То, что у людей Запада особенно развит интеллект, но по мере его развития разум не пробуждался и не эволюционировал. Развивались науки об эксплуатации природы, но учения о человеческих взаимоотношениях не могли сравняться с их уровнем. Поэтому блага, производимые естественными науками, не могли принести людям счастья, но, напротив, обращались для них бедствиями. Сегодня причина беспощадности, с которой люди убивают друг друга, и жестокости войн — именно в недостаточном развитии разума и невозможности контролировать и правильно использовать плоды интеллекта и науки. Сказанное выше признают и многие современные западные ученые.

Причина бедствий человечества (кроме природных катаклизмов) — это невежество и жестокость. В Китае древние создали ритуал и музыку⁶ и осуществляли просвещающее воспитание для того, чтобы избавить человечество от невежества и жестокости. Содержанием ритуала, музыки и просвещающего воспитания был именно разум. Поэтому человечеству, чтобы спастись, необходимо опереться на него...

Особенности китайской культуры проистекают от преждевременного раскрытия разума; любая ее особенность происходит именно от этого. Мы можем выделить две таких особенности: первая — история Китая длительна, земли обширны, население многочисленно, он неоднократно был покорен и неоднократно возрождался; вторая — общественный уклад Китая в основном опирался на обряды и обычаи, организационная структура общества долго оставалась неизменной, культура была циклически замкнутой. Сначала обсудим первую особенность. На наш взгляд, наций, обладающих независимой культурой, созданной ими самими, в мире почти не осталось, а среди тех, что еще существуют, многие не способны к независимости. Единственная страна в мире, издревле обладающая независимой культурой, созданной ею самой, и все еще способная существовать независимо — это Китай. Китайская культура существует длительное время, государство долговечно; кроме того, пространство ее влияния тоже очень обширно. Причина этого — в том, что основа китайской культуры — это человеческий разум, т.е. основа китайской культуры коренится в глубинах жизни...

На протяжении истории китайская нация иногда бывала покорена иноплеменниками военной силой. Хотя она на время и утрачивала политическую самостоятельность, но благодаря своему культурному превосходству в конце концов обретала возможность возродиться. Китай поддерживает свою национальную жизнь при помощи своей культуры, независимой и созданной им самим, обладающей мощной ассимиляционной способностью. Еще ничто не могло прервать его историю во времени; а в пространстве границы Китая постоянно раздвигаются, его население постоянно растет, — не вследствие войн, а благодаря его культуре. Хотя при помощи войн и можно раздвинуть границы, нельзя добиться долговечности завоеваний, поскольку при покорении людей силой они не в состоянии вытерпеть это и вскоре восстают. Китай обладает обширной территорией и многочисленным населением благодаря культурной экспансии и постоянному расширению культурного пространства. Именно это называется "покорением при помощи добродетели". Китай может ассимилировать

другие народы при посредстве своей культуры. Он может сделать так, чтобы покоренные не ощущали себя покоренными. При длительном контакте с Китаем другие нации чувствовали, что его путь лучше, в душе восхищались им и незаметно для себя сворачивали на дорогу китайской культуры. У них не вызывало протеста, когда они ощущали, что утратили все свое и китаизировались. Причина этого в том, что китайцы прежде всего овладевали основной культуры, лежащей в глубинах человеческой жизни, и поэтому окружающие не могли не следовать за ними, так как и сами они принадлежали к человечеству. Территория Китая обширна, а население многочисленно не из-за того, что оно было покорено мощной военной силой, а из-за культурного превосходства, т.е. из-за человеческого разума.

Теперь поговорим о второй особенности: в китайской истории мы видим только смену порядка и хаоса, в ней нет революций, в корне преобразующих организацию общества. Это объясняется тем, что организационная структура китайского общества проявлялась в обрядах и обычаях, на которых зиждилось общественное устройство Китая... До настоящего времени во всех государствах существует классовое господство, классовое общество, где противостоят друг другу правящий и управляемый классы. Выход из противостояния видится только в эксплуатации или свержении другого класса, и всегда используется сила, — военное или другое насилие. Поэтому преобразование классового общества не может быть успешным без применения насильственной революции, без коренного ниспровержения общественного устройства и его повторного возведения. Те, кто говорит, что революция — это и есть классовая борьба, не так уж ошибаются; как раз таковы европейские революции.

Почему же в истории Китая не было таких революций? Именно из-за специфики организационной структуры китайского общества. Его структуре были свойственны приоритет морали и сословное деление. Нравственные отношения связывали всех членов общества взаимной привязанностью, они заботились друг о друге и стремились к взаимному согласию... В экономической структуре сословного общества шансы всех людей равны, у каждого есть перспектива, нельзя найти никого, кто мешал бы этому; так зачем были революции? К тому же организационная структура китайского общества проявлялась в обрядах и обычаях (организационная структура любого общества, проявляясь вовне, образует свое законодательство, свои обряды и обычаи, что и является общественным устройством), и поэтому Китай поддерживал существование своего общественного устройства... не опираясь на силу. Если невозможно найти объект для революции, ее трудно осуществить. Общественное устройство Китая опиралось на общепризнанные обряды и обычаи, а не на закон, что также не благоприятствовало революциям. Закон — это применение внешней силы к массам, он поверхностно влияет на человека. Обряды и обычаи же по мере постепенной эволюции общества становятся общепризнанными и привычными для масс, они оказывают на человека глубокое влияние... Поскольку общественное устройство в Китае в большой степени опиралось на обряды и обычаи, а организационная структура общества также проявлялась в них, в истории Китая не было революций. Поскольку не было революций, не было и ниспровержений или перестройки, и структура китайского общества долго оставалась неизменной.

Но хотя в истории Китая и не было революций, сейчас китайское общество как раз находится в состоянии революции. Долго остававшаяся неизменной структура китайского общества сейчас уже почти разрушена и распалась... Революция по сути своей — переход к новой структуре общества... Однако китайскую революцию очень трудно завершить, поскольку китайское общественное устройство в прошлом в большой степени опиралось на обряды и обычаи и в малой — на закон. Только что я говорил, что обряды и обычаи естественным образом постепенно эволюционируют в обществе и глубоко влияют

на человека. Закон же представляет собой применение внешней силы к массам и влияет на человека поверхностно. Однажды изменив закон, можно изменить и старые взгляды; обряды же и обычаи нельзя немедленно реформировать и создавать. Теперь в новой организационной структуре китайского общества также нельзя будет отказаться от обрядов и обычаев, заменив их законом. Она по-прежнему должна будет строиться на их основе. Отличие будет состоять только в том, что это будут новые обряды и обычаи. Это — необходимость, определенная всем полем китайской истории, по-другому просто не может быть. Что касается цикличности и замкнутости китайской культуры, это происходит тоже от раннего раскрытия разума в Китае...

Раннее раскрытие разума — это причина специфических достоинств китайской культуры, и у него есть два признака, происхождение которых связано с разумом.

1. Мораль. В старом обществе Китая приоритет принадлежал не отдельному человеку и не обществу, а морали. Китай — государство, составленное из семей, на человека там смотрят как на принадлежащего к некоторой семье, в противоположность западному обществу, где на человека раньше смотрели как на члена церкви, а впоследствии — как на подданного государства. Социальные отношения китайцев были моральными, в общении нормой были взаимные симпатия и уважение. Для китайцев семейные отношения и родственная привязанность серьезнее всего, все они любят своих родственников, уважают старших, заботятся о младших и ожидают друг от друга помощи, а не отчуждения⁷. Это совсем не похоже на нравы западного общества. В жизни китайцев важнейшее место занимали семья и род; родные и односельчане тоже были очень важны. Все другие отношения, например, между учителем и учеником, хозяином и слугой или между друзьями, имели своим критерием то, что было принято для семьи и родных, их сравнивали с отношениями старшего и младшего братьев или отца с сыном. Тем большую роль в китайском обществе играли человеческие привязанности.

На Западе общественные обычаи и государственные законы постоянно исходят из того, что одни люди сильнее других. В Китае же все они определяются взаимной привязанностью людей... Это является одним из преимуществ человеческой жизни, возникших благодаря преждевременному раскрытию разума в китайской культуре. В будущем бедствия человечества исчезнут, покой и счастье в жизни и прогрессивная общественная структура должны будут строиться на основе отношений, проникнутых взаимоуважением и симпатией; другого выхода, пожалуй, нет.

2. Стремление к лучшему в человеческой жизни. Индийцы отрицают этот мир — их религия отрицает этот мир; по их мнению, человеческая жизнь неправильна и грешна. В современном западном обществе признают этот мир, признают желания и стремятся к реальному счастью. Китайцы находятся как раз посередине между индийцами и жителями Запада. Китайцы признают человеческую жизнь, но не считают, будто ее суть лежит в области желаний. Китайцы — не аскеты, в них мало стремления к религиозному аскетизму; но в то же время они не признают полную желаний жизнь современных людей Запада и опасаются ее. С точки зрения китайцев две эти крайности — это как раз и не жизнь, не в них смысл и ценность человеческой жизни.

Требования китайцев к жизни — “правильность” и “истина”. Это выражено, в частности, в словах Конфуция: “Когда не возвращают добродетель, не наставляют в учении, видят долг, но не следуют ему, не исправляют дурное, — это вызывает у меня печаль”⁸; “тот, кто не стремится к насыщению при еде, не стремится к удобству жилища, прозорлив в делах и осторожен в речах, сближается с обладающими дао и исправляется”⁹. Вот что китайцы принимали близко к сердцу, вот что было средоточием их усилий. В Китае издревле серьезно относились к разделению долга и выгоды, борьбе истины и желаний, и в

противовес удовлетворению желаний стремились к разумности человеческой жизни. Древние китайцы кое-что знали о человечестве и стремились раскрыть человеческую стремленность к лучшему. Они непрерывно расширяли человеческие возможности, углубляясь в поиски истины... Мораль и стремление к лучшему исходят из разума. Содержание разума также составляют мораль и стремление к лучшему. У человечества есть еще более высокие и великие требования, и их объекты не похожи на объекты страстей. Специфические достоинства китайцев — в их национальном духе. А национальный дух — это две упомянутые выше особенности, и ничто иное.

Я сказал так много, и все как будто только о достоинствах китайской культуры... На самом деле я совсем не отрицаю ее недостатков... Недостатки китайской культуры определяются ее достоинствами. Я часто говорю, что китайская культура — это преждевременно созревшая культура человечества. Можно сказать, что этой фразой исчерпываются все ее достоинства и недостатки.

Перед человечеством изначально стояли две проблемы: первая — это отношения человека с природой, а вторая — это отношения человека с человеком. Следуя естественному закону, человечество сначала должно было завершить первый период культуры, т.е. найти решение проблемы отношений человека с вещным миром, и только тогда начать второй период. Китай, не решив полностью проблему отношений человечества с вещным миром, вступил во второй период — период решения проблем, касающихся межчеловеческих отношений. Это случилось из-за преждевременного раскрытия разума человечества (то, что я называю преждевременным раскрытием разума, подразумевает несоответствие степени покорения человечеством природы уровню раскрытия разума). Ведь разум в человеке раскрывается постепенно, независимо от того, идет речь о жизни индивида или о жизни общества; что касается жизни индивида, то разум может раскрыться только на определенной стадии физиологического формирования; что касается жизни общества, то для раскрытия разума необходимы соответствующее развитие техники производства и прогресс общественной экономики. В Китае же условий для раскрытия разума было еще недостаточно...

Приведем подходящее сравнение: формирование психики человека, по сути, должно соответствовать формированию его тела, а Китай в этом смысле похож на умного ребенка, который еще не полностью сформировался физически, но умен не по годам. Однако преждевременность его умственного развития препятствует физическому развитию; и, опять-таки, из-за незавершенности физического развития его ум не может развиваться полностью, и поэтому его называют преждевременно созревшим. Вот в чем смысл высказанного ранее утверждения о том, что китайская культура после Цинь¹⁰ практически оказалась в ситуации циклической замкнутости.

Недостатки китайской культуры заключаются в слабости консолидации общества, в пассивности и бессилии культуры. Это тоже объясняется преждевременным раскрытием разума. Разум раскрылся, но проблема отношения к природе не была разрешена в полной мере, не существовало соответствующей материальной базы... Причина слабой консолидации и пассивности китайского общества — это недостаточная творческая активность китайцев по отношению к природе. Кроме этого, существует еще один недостаток — дряхлость и закоснелость китайской культуры. Это — еще больший недостаток, чем предыдущие. В китайской культуре, где разум раскрылся преждевременно, изначально было мало механистичности. Однако из-за того, что она долгое время не изменялась, по мере длительного транслирования она клонилась к механистичной косности и дряхлению, теряла ранее присущий ей дух. Поэтому очень непросто обнаружить таящийся в ней красочный и значимый, полный жизненного смысла разум и восхититься им.

Китайская культура стала косной таким образом: вещи, обладавшие собственным смыслом, путем спонтанного выбора начинали использоваться как утилитарные средства. Пример тому — сыновняя почтительность. Почтительность детей к родителям — достойное дело, им легко восхититься... Но, поскольку у общества существует спонтанный выбор, оно чувствует достоинства сыновней почтительности и требует от всех детей скромности, стремясь к тому, чтобы не возникали семейные проблемы, — оно выбирает сыновнюю почтительность в качестве средства для этого. Тогда все начинают хвалить сыновнюю почтительность, всячески ее поощряют и отвергают непочтительность. Когда же общество становится косным и механистичным, быть непочтительным сыном уже никто не смеет. Сыновняя почтительность становится эффективным инструментом консервации общества. Дух же, составляющий собственную ценность сыновней почтительности, полностью утрачен; источник жизни для сыновней почтительности — разум — пересох.

После Четвертого мая¹¹ многие стали рассматривать сыновнюю почтительность как людоедскую догму; на деле же некогда в китайской культуре не было и речи о догмах, о нормах морали. Введенные позже нормы морали кое в чем напоминали религию, кое в чём — закон, но были еще сильнее и авторитетнее их, и это явилось результатом окостенения китайской культуры... Когда возникли жесткие механистические установки, это естественным образом вызвало неприятие. За последние несколько десятков лет под влиянием внешних стимулов и нового просвещения китайская молодежь вновь пробудила Китай к жизни. Молодежь стала тяготить старая культура, и неудивительно, что, тяготясь этой культурой и отвергая ее, она ее разрушила... Те, кто за последние несколько десятков лет вновь пробуждал Китай, захотели отказаться от исконно присущей ему культуры и начать все сначала. Современная китайская революция является движением, возникшим в результате неприятия старой китайской культуры. На мой взгляд, то, что некогда эта культура не вызывала неприятия, тоже плохо.

На протяжении последних нескольких веков китайская культура терпела поражения по причине пассивности и слабой консолидации китайского общества, своей дряхлости и бессилия, недостатка способности вписаться в новую окружающую среду. Сегодня китайское общество день ото дня идет к упадку, опускается, и это — результат заболевания его культуры... Только когда все явления, связанные с механистичностью и закостенелостью китайской культуры... исчезнут, будет обнаружен незыблемый истинный дух китайской культуры — разум. Сейчас китайскую культуру необходимо преобразовать, Китай должен создать новую культуру. То, что я называю созданием новой культуры Китая, есть всего лишь новое развитие духа присущей Китаю культуры разума. При преобразовании китайского общества ничего нельзя будет создать без помощи разума.

По моим наблюдениям, ближайшая перспектива человечества — это гипертрофированное развитие интеллекта. При его чрезмерном развитии и отсутствии соответствующего развития разума человечество окажется ввергнутым в спровоцированные им самим бедствия, и ничто не сможет его спасти. В худшем случае человечество погибнет. Но... по-моему, так случиться не может, и человечество в конце концов спасется. По моим расчетам, сначала спасутся китайцы, поскольку в том, что касается разума, Китай находится в авангарде человечества. Чтобы человечество спаслось, Китай теперь, как и прежде, должен развивать человеческий разум для создания нового общества; в ходе наших усилий в этой великой работе мы при помощи разума сможем возглавить человечество и спасти его. Люди могут не поверить этому, счесть это чрезмерным преувеличением и несбыточными грезами, но в действительности все не так. Основания, которые позволят китайцам спастись самыми первыми и спасти человечество, очень просты: первое — раннее раскрытие человеческого ра-

зума в Китае; второе — раннее обнаружение китайской культурой собственных недостатков.

Китайская культура потерпела поражение раньше, чем западная; китайская культура самобытна и представляет собой самостоятельный тип, и ее недостатки проявились ранее всего. Чьи недостатки проявились раньше, тот первым и найдет выход...

Две вещи, которых недостает китайской культуре, — коллективная организация и [развитие] науки и техники, — это именно то, что создали и внесли в человеческую культуру современные люди Запада. Сейчас нам как раз нужно воспринять *достоинства* западной культуры, восполнив *недостатки и пробелы китайской культуры*. Мы должны, развивая присущий китайской культуре дух, воссоздать коллективную организацию и науку с техникой на основе *разума*, сформировав нормальный *цивилизационный* тип.

Китайскую культуру нужно дополнить в области метода и интеллекта, западной же культуре необходимо стремление к дальнейшему познанию сущности человеческой жизни; ее нужно дополнить в области разума. Человечество может обрести спасение, только следуя разуму, это не подлежит никакому сомнению...

На мой взгляд, к *самому последнему* прозрению сути национального самоспасения ведут две ступени.

Первая — это осознание важности деревни: поиск выхода должен начинаться с нее. Сейчас в Китае приходят к осознанию этой истины.

Вторая — понимание специфики национального китайского духа и истинной ценности присущей Китаю культуры. Лишь когда мы, китайцы, осмыслим специфику нашего национального духа и ценность китайской культуры, мы сможем по-настоящему ощутить себя нацией. Только поняв это, можно будет найти истинный путь к национальному самоспасению.

© 2004

Перевод с китайского языка А. Калкаевой

1. Словом “просвещение” передан двуслог *цзяо хуа* (букв. “воспитание и изменение”) — традиционное для конфуцианства обозначение воздействия “совершенномудрого” человека на народ. — Пер.
2. Лунь юй [Беседы и суждения]. 17,12.
3. Мэн-цзы. 11, 6.
4. Там же. 11, 7.
5. Лу Сяншань (Лу Цзююань, 1139-1193) и Ван Янмин (Ван Шоужэнь, 1472-1529) — главные представители течения в неоконфуцианстве, известного как “учение о сердце-сознании” (*синь сюэ*).
6. “Ритуал и музыка” — традиционное для конфуцианства обозначение главных факторов облагораживающего воздействия на человеческую природу.
7. Нарисованная здесь картина живо напоминает конфуцианскую утопию о древнем обществе “Великого единения” — *Да тун*, изложенную в “Ли юнь” [Распространение ритуала], одной из глав конфуцианского канона “Ли цзи” [Записки о ритуале]. Лян Шумин переносит признаки “золотого века” на действительность императорского Китая.
8. Лунь юй. 7, 3.
9. Там же. 1, 14.
10. Династия Цинь, впервые объединившая Китай в централизованную империю, правила в 221-207 гг. до н.э.
11. Политическое движение, начавшееся с патриотических антияпонских студенческих выступлений 4 мая 1919 г. Его продолжением явилось просветительское “движение за новую культуру”, лейтмотивом которого стали поиски китайской интеллигенцией перспектив спасения и дальнейшего развития страны. Многие участники движения активно выступали против конфуцианства.

Энциклопедия "Духовная культура Китая"

Педагогическая мысль в контексте китайской культуры

© 2004

Н. Боревская

От редакции: Продолжаем публикацию материалов энциклопедии "Духовная культура Китая", подготовленной к изданию в ИДВ РАН. Предлагаем читателям вводную статью и отрывки из раздела "Педагогическая мысль и образование", который даст читателям возможность ознакомиться с представлениями ведущих философских школ о воспитании и природе человека, идеале личности и целях обучения, социальных функциях образования, специфике педагогического процесса и образовательных институтах традиционного Китая, а также с педагогическими концепциями и модернизацией образования в новое и новейшее время.

В цивилизационном пространстве традиционного Китая образование, грамотность и книги занимали особое место, а ученые-чиновники образовали своего рода касту, не менее почитаемую, чем жрецы в иных культурах и цивилизациях. "Известно, что даже император не зовет учителя (а приглашает). Владетели больших княжеств искали дружбы с учеными", писал Мэн-цзы. Причин подобного преклонения несколько — это особенности древнекитайской религии с отсутствием в ней могущественных жрецов; специфика иероглифической письменности, делающая процесс овладения ею столь длительным и сложным, что образованный человек выглядел полубогом в глазах простолюдинов; уникальная система отбора на высшие государственные посты посредством экзаменов на знание конфуцианских канонических книг, которая позволила интеллектуальной элите сконцентрировать власть и на тысячелетия сделать образованность синонимом преуспевания.

Китайская педагогическая мысль, связанная с воспитанием личности, была неразрывной частью древней философии. В данном разделе она вычленена и высвечена под определенным углом зрения. Педагоги древности принадлежали к различным философским течениям — конфуцианству, моизму, даосизму, легизму. Однако педагогическая доктрина и практика конфуцианцев были наиболее влиятельными, оптимально встроенными в государственную си-

стему и теоретически законченными, поэтому в истории китайского образования они сыграли ведущую роль. В своем развитии конфуцианство прошло несколько этапов, различавшихся философским содержанием, но принципиальные подходы к воспитанию оставались неизменными. Конфуцианство также интегрировало некоторые легистские и моистские концепции воспитания. В то же время для становления китайской педагогической мысли не прошли бесследно и идеи даосских философов, в отдельные эпохи влиявших на постановку школьного дела, и некоторые новаторские для своего времени еретические философские построения самих конфуцианцев.

Поскольку конфуцианство было прежде всего этическим учением, то практически все его представители на протяжении веков (начиная с Конфуция) являлись не только философами и политическими фигурами, но и вели активную педагогическую деятельность. Философы-сторонники небесной предопределенности человеческой природы были, тем не менее, убеждены в *решающей роли воспитательного воздействия*, которое способно либо культивировать врожденные духовные качества человека (Мэн-цзы) либо преодолеть негативность природного материала (Сюнь-цзы) в зависимости от того, какой представлялась им человеческая природа. Многие философы обосновывали эту концепцию нейтральностью изначальной природы человека (*син*), которую воспитанием-воздействием можно "окрасить" в любые цвета (Мо-цзы, Дун Чжуншу).

Для осознания эволюции педагогических воззрений важно проследить, как на протяжении столетий модифицировались раннеконфуцианские представления о трех категориях людей и однотипности природы человека, согласно которым воспитание ставилось все в более тесную зависимость от индивидуальных свойств человека. Уже на заре новой эры в устах Ван Чуна прозвучал тезис о том, что каждый способен изменяться и переходить из одной категории в другую. В последовавшие за тем несколько веков философы утверждались в мысли, что "по природным данным люди отличаются [друг от друга] во сто крат" (Ван Фу, II-III вв.). А в конце первого тысячелетия Хань Юй провозгласил, что природа человека изменяема в рамках изначально заданных категорий и именно обучение позволяет ему переходить из одной категории в другую. Дальнейшее развитие эти положения получили в трудах Ван Янмина (XIV в.), который четко сформулировал мысль о том, что "умственные способности людей неодинаковы", соответственно и методы обучения должны быть индивидуализированы, в том числе и в зависимости от возрастных особенностей. В XVII в. Ван Чуаньшань, переосмыслив тезис Конфуция о равенстве людей от природы, сделал вывод: "Различие в природе рождает различие в привычках и поведении" людей, а последнее "рождает различие в их знаниях и поступках".

Таким образом, философско-педагогическая мысль вплоть до нового времени эволюционировала от концепции неизменности человеческой природы — к ее потенциальному развитию в зависимости от ряда факторов: от изначально заложенных этических категорий -- у ранних конфуцианцев (к этим категориям относилась и активность в усвоении знаний) к разнообразию мыслительных способностей, определяемых физическим здоровьем человека (Ван Чун) до трех составляющих успешного обучения у неоконфуцианцев (врожденные данные, волевые усилия и целеустремленность у Чжан Цзая) и этического учения Ван Чуаньшаня в XVII, в основу которого легла новаторская и крайне важная для педагогики мысль о постоянном и постепенном развитии и изменении природы человека с детства, ее "обогащении" под влиянием окружающей среды, обучения и воспитания. Тем самым расширялись и дифференцировались возможности воспитательного воздействия.

Поскольку в древности и средневековье личность типизировалась, а не индивидуализировалась, то педагогический процесс был обращен к абстрактной человеческой модели, которая однако рассматривалась в аспекте “едино-телесной” природы как космо-социальный феномен. Подобная концепция имела и негативный аспект, ибо препятствовала вычленению личности из тьмы ей подобных и воспитанию у нее чувства самоценности и автономности. Некоторые философы стремились к возвышению человека как высшего среди всех существ в силу его “способности познавать и к тому же обладающего чувством долга” (Сюнь-цзы, III в. до н.э.) и “мудростью” (Ван Чун, I в. н.э.). Однако подобная линия рассуждений не стала господствующей в конфуцианстве.

Весьма существенным в становлении педагогической теории в традиционном Китае был подход к соотношению рационального и чувственного в человеке, от решения которого зависела вся методика передачи знаний и воспитательного воздействия. В отличие от афинской демократии, создавшей систему политического воспитания, которая основывалась на стимулировании индивидуальных особенностей и принципах состязательности, личность в Китае того же периода была зажата в тисках патронимии. Педагогические воззрения ранних конфуцианцев (см. Сюнь-цзы) были созвучны идеям Платона и Сократа, которые полагали, что разум есть суть человека и придти к добру он может, только научившись делать “желания разумными”. Акцентирование негативных сторон человеческой чувственности, пренебрежение проявлениями удовольствия и радости, осуждение любого вида эгоистичной выгоды прочно и надолго закрепились в конфуцианской философской и культурной традиции. В педагогической мысли и практике эта тенденция обернулась культом рационального знания, отсутствием эмоциональных элементов в дидактике, недооценкой обучающегося как индивида с его неповторимым миром стремлений и желаний. И в средние века неоконфуцианцы сводили задачи образования к “сохранению небесного принципа и уничтожению человеческих страстей” (Чэн Хао, Чэн И, Чжан Цзай, Чжу Си). Выступления в защиту чувственной природы человека представляли исключения и не стали определяющими в китайской философии и педагогике: Мо Ди, современник Демокрита, считал стремление людей к счастью и благополучию естественным; поэт и мыслитель эпохи даосского ренессанса III-V вв. Цзи Кан утверждал, что “истинной натурой” человека является его “естественная биологическая природа” и представлял обучение как обретение и реализацию своего естества, свободного от жесткой социальной регламентации; во втором тысячелетии Ван Аньши, Ван Янмин, Ван Чуаньшань и Янь Юань, продолжая линию Цзи Кана, утверждали, что имманентная суть человека и его “материальная природа” не противоречат друг другу.

Конфуцианство явилось одним из первых учений, где был четко определен идеал личности — “благородный муж” (*цзюнь цзы*), на первом месте у которого стоит нравственное совершенствование (*сю шэнь*), а затем следует развитие практических навыков. В соответствии с этим идеалом Конфуций включал в систему обучения разностороннее, в т.ч. и физическое воспитание, основой которого в древнем Китае (как и в других древних цивилизациях) были воинские спортивные искусства. По сравнению с узко специализированным обучением в Древнем Египте, Месопотамии и Индии, обучение в древнем Китае было более разносторонним. Китайский образ “благородного мужа” схож с платоновским идеалом “всесторонне развитого” человека, а также с идеалом эллинской афинской школы, воспитывавшей гармоничную личность и прививавшей, наряду с тренировкой тела, также культуру досуга. Однако, в отличие от древнегреческого, китайский идеал личности никогда не включал в себя красоту тела и физическое совершенство. Хотя, как элемент воспитательного воздействия, тренировка тела присутствовала уже в период Западного Чжоу,

она считалась необходимой для “становления внутренней воли и выправления тела” и служила свидетельством прежде всего нравственных характеристик. Стрельба из лука являлась единственным из полученных в обучении навыков, в котором конфуцианская школа допускала состязательность. В целом же принципиальная позиция Конфуция состояла в том, что “благородный муж ни в чем не соперничает”. Отсутствие соревновательности стало еще одной характерной особенностью идеальной личности, как и всей системы обучения, древнего Китая и ее отличием от европейской.

Подходы китайских философов и педагогов разных школ к целям образования не отличались полным единодушием, тем не менее в их взглядах есть нечто общее, основывающееся на представлениях об идеальной личности. На протяжении веков для китайца-конфуцианца образование означало познание *дао* и *дэ* путем овладения книжными знаниями, т.е. гуманитарное образование. Совершенствованию личности во имя достижения статуса мудрецов отводилась приоритетная позиция, поэтому приобретение практических естественно-научных знаний считалось второсортным, менее престижным видом образования. И все же по мере вовлечения в процесс обучения людей незнатных и принадлежащих к более широким социальным кругам, перед школами ставились задачи воспитывать “мужей и добродетельных, и умелых” (ранние легисты — Хань Фэй); эта линия стала ведущей у реформаторов средних веков (Ван Аньши в обозначении конечного продукта образовательного процесса отошел от традиционного термина *ши*, обозначающего чиновничье сословие, и использовал термин *жэнь цай* — носитель практических знаний). Особенно остро встал вопрос о связи обучения с профессиональной деятельностью в XVII вв. под влиянием проникавших в то время в Китай европейских естественных и прикладных наук.

Поскольку стержнем конфуцианства является этическое учение, то внутри этой системы ценностей логичным стал акцент на социальной функции образования. Вплоть до нового времени ученые и педагоги как неоконфуцианцы, так и их противники единодушно оценивали систему образования как важнейшую часть системы управления обществом. Обучение народа считалось самым надежным путем к процветанию государства. Образование как *функция правительства* и школа как *правительственное учреждение* характеризуют китайскую педагогическую теорию и практику с древности, чему противостояла теория даосской школы.

В разделе подробно излагается процесс становления образовательных институтов в Китае. Формирование письменности как важное условие возникновения школ, произошло в Китае в III-II тыс. до н.э. и по времени совпадало с процессом зарождения древних цивилизаций Иудеи, Египта, Месопотамии Индии. Как часть *общественной системы* учебные заведения появились в эпоху Западного Чжоу (ближе к VIII в. до н.э.) и уже тогда подразделялись на столичные (*го сюэ*), имевшие низшую и высшую ступени, а также местные волостные, опередив тем самым Древнюю Грецию, где до VI в. существовало лишь индивидуальное состязательное обучение. Процесс обучения в Китае был организован достаточно четко, можно отметить рудименты учебных программ и расписания, хотя термины, обозначающие типы и ступени учебных заведений, были еще неустойчивы.

История государственных классических учебных заведений демонстрирует их эволюцию от системы воспитательных учреждений для правящей элиты с жестко обозначенным сословным характером, обучение в которых не было связано с дальнейшей карьерой, к школам и вузам для более широких слоев населения. Становление с VII в. н.э. профессиональных учебных заведений сыграло значительную роль в развитии медицинских и естественно-научных зна-

ний. Возникновение в V–III вв. до н.э. в ответ на новые требования землевладельцев и служилого люда к образованию частных центров получения знаний определило их характер как *демократических институтов*. Это отличает древний Китай от античной Греции, где процесс имел обратное направление: коллективное государственное обучение там возникло как демократический противовес индивидуальному, частному аристократическому образованию. Таким образом, особенностью системы образования в Китае с древности являлось то, что высшая школа заключала в себе два в равной степени важных, взаимодействующих и противоборствующих полюса культуры: культуру “интеллектуального авторитаризма и научной монополии”, являвшую собой отражение имперской системы подготовки кадров, и культуру неформальных академий “*шю-юань*”, представлявшую хрупкую местную автономию и интеллектуальную свободу.

В разделе достаточно полно представлена не только система государственных экзаменов на получение степени для занятия чиновничьей должности *кэцзюй*, которой посвящен отдельный подраздел, но и ее связь со сложившейся еще во II в. до н.э. в период создания централизованной империи Хань *государственной системой учебных заведений*. Усилия реформаторов XI в., в частности Ван Аньши, были направлены на то, чтобы непосредственно подключить учебные заведения к подготовке сановников, дать их выпускникам право на занятие должностей без последующего дополнительного участия в государственных экзаменах. С XIV в. две экзаменационные системы — внутри учебных заведений и *кэцзюй* — вновь сблизились и стали неотделимы одна от другой. В результате учебные заведения превращались в придаток *кэцзюй* и ориентировали весь учебный процесс на подготовку к ним, что превращало классическое образование в более престижное, чем профессиональное. Власть в Китае на протяжении всех веков осуществляла контроль над учебными заведениями и через механизм оказания им финансовой поддержки.

Исследование китайской педагогики немыслимо без анализа содержания обучения, которое по ряду причин ограничивается в разделе классическими учебными заведениями. Программы обучения в них вплоть до Нового времени прошли путь от совершенно произвольных до относительно устойчивых и фиксированных. Исторически менялось и содержание обучения — от универсального в древности к догматизированному комплексу конфуцианских этических, исторических и поэтических сочинений, а в позднее средневековье — к гуманитарным программам с ограниченным набором медицинских, юридических и естественнонаучных знаний. Сильной стороной было широкое и разностороннее содержание гуманитарного образовательного цикла. Обучение, помимо того, что оно давало знания, должно было выковать у учащихся определенные качества: закалять волю, развивать навыки общения, умения логически мыслить и рассуждать, твердость в вере. По мере укрепления системы *кэцзюй*, конфуцианские каноны занимали все более обширное место в учебных программах, хотя в высших школах изучались также поэзия и стихосложение, право, каллиграфия, медицина и математика. Под влиянием проникновения в Китай “западных учений” со второй половины XVIII в. в высших учебных заведениях были открыты “классы изучения прикладных знаний”.

Дидактические методы китайской педагогики основываются на сочетании руководящей роли учителя и усилий учащегося, связи научения с изучением, единстве знания и действия, слова и поступка, приоритете рационального познания. Принципы передачи знаний традиционно увязывались с ответными усилиями учащихся. Обучать в зависимости от отклика, развивать и направлять, заставляя ученика самостоятельно мыслить; сочетать заучивание с размышлением, добиваться широты знаний и последовательно продвигаться в

овладении материалом; сосредоточенность и “очищение сердца” как выражение непредвзятости подходов; умение сконцентрироваться на главном, сотворение нового и почитание Учителя — вот неполный перечень китайской традиционной дидактики.

История педагогики нового времени ведет свое начало с середины XIX в., т.е. с момента “открытия” Китая и последовавшей модернизации страны. В сфере образования процесс модернизации ознаменовался возникновением нескольких течений педагогической мысли. Часть из них зародилась в официальных политических кругах, другие — в умах педагогов и философов, третьи принадлежали оппозиционным деятелям. Соответственно их адепты обращались к разным ценностным пластам китайской и западной цивилизаций. Почвой для появления модернистских педагогических теорий послужили внутренние импульсы — архаичность системы образования, острая потребность в его демократизации, а катализатором — знакомство китайских интеллектуалов с достижениями мировой педагогики, деятельность западных миссионеров-педагогов внутри страны. Именно в этом ключе в разделе представлены концепции узко-технократически толкуемой модернизации образования сторонников умеренно-реформаторского крыла второй половины XIX в., которые более всего опасались интервенции в китайскую культуру западной системы ценностей и потому стремились придать изучению “западных наук” чисто прикладной характер. Свое развитие эти идеи получили в начале XX в. в трудах просветителей буржуазно-либерального толка и сторонников революционного преобразования общества. И те, и другие расценивали трансформацию образовательного процесса как рычаг изменения политической системы. Просветители впервые заговорили о необходимости усвоения духовной культуры Запада, о воспитание людей нового типа для создания гражданского общества, в основу их педагогической теории были положены принципы “демократичности” и “научности” (профессиональной ориентации образования). Особенно велик вклад просветителей второй волны — педагогов-реформаторов, практиков и теоретиков Цай Юаньпэя, Хуан Яньпэя, Тао Синчжи, Чэнь Хэциня и Янь Янчу, творчески переработавших американскую философию прагматизма, содействовавших соединению обучения с жизнью и теоретической разработке новой индивидуально-ориентированной методики преподавания. Воплощению их идей в жизнь способствовали свержение монархии и установление Республики в 1911 г. Подготовленные ими реформы первой четверти XX в., хотя и копировали японскую и американскую модели, тем не менее позволили Китаю сделать первый шаг к созданию единой современной массовой государственной системы образования и ликвидации кэцзюй.

Важную роль в модернизации системы образования Китая первой половины XX в. сыграло и родившееся в революционных кругах “новодемократическое образование” как попытка создания национальной марксистской педагогики. Теоретики революционных преобразований привнесли в Китай марксистскую теорию классового характера образования (Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Ян Сяньцзян). Ее практическое воплощение частично осуществилось в первой половине 30-х гг. в нескольких контролируемых коммунистами “советских районах”, где, несмотря на блокадные условия, предпринимались попытки создать единую школу, осуществить всеобщее бесплатное 10-летнее обучение в масштабах, возможных в условиях гражданской войны. Свое теоретическое обоснование “новодемократическое образование” получило в 40-50-е гг. (Мао Цзэдун). С провозглашением республики в 1949 г. характер просвещения и культуры КНР были определены как “новодемократические”. В теоретической концепции “новодемократического образования” можно выделить три идейных пласта: влияние традиционной китайской школы, идей буржуазных демокра-

тов, опиравшихся на американский прагматизм, и марксистско-ленинскую педагогику, заимствованную из СССР. Значение этой концепции для модернизации образования в Китае неоднозначно, так, тезис о национальном характере “новodemократического образования” привел к созданию “закрытой” от мира образовательной системы (за исключением краткого периода “учебы у СССР” в 50-е годы).

Разрабатываемая с 80-х гг. концепция “социалистической системы образования с китайской спецификой” ориентирована на перспективы построения демократии и социалистической рыночной экономики. Она разработана с учетом глобальных вызовов, мировых педагогических течений и под очевидным воздействием идей китайских демократов-просветителей 20-30-х гг. Была пересмотрена роль образования в процессе модернизации: за ним признавалась роль не только объекта, но и субъекта модернизации, рычага и внутреннего ресурса современного постиндустриального общества, обеспечена его приоритетная роль в общественном прогрессе. В конце 90-х гг. Китай приступил к реализации полномасштабной программы перехода от трудоемких методов обучения к капиталоемким и техноемким, ускоренному внедрению новых технологий, способных высвободить производительные и творческие силы педагогов и учащихся и в кратчайшие сроки воспитать кадры, отвечающие международным требованиям информационной конкуренции. Эволюция концепции модернизации двигалась от ее чисто технократического прочтения к внедрению в общественное сознание гуманистической парадигмы.

Культура

Россия и Япония: некоторые аспекты культурного обмена в эпоху глобализации

© 2004

О. Железняк

Около 90 лет назад, в 1916 г., индийский поэт и общественный деятель Рабиндранат Тагор после посещения Японии написал: "Каждая нация обязана самовыразиться перед миром. Если же ей нечего дать миру, это следует рассматривать как национальное преступление, это хуже смерти и не прощается человеческой историей. Нация обязана сделать всеобщим достоянием то лучшее, что есть у нее..."¹. Сегодня, в условиях новой эпохи, эпохи глобализации, это высказывание становится как никогда актуальным.

Характерной особенностью нынешнего времени является стремительно идущий во всех основных сферах общественной жизни (экономике, политике, культуре) процесс глобализации. Взаимообусловленность и взаимосвязь всего существующего в мире становится все более очевидной. Необходимость решения глобальных проблем (экологических, ресурсных, духовно-культурных), стоящих сегодня перед человечеством, требует от народов всех стран поисков взаимопонимания.

Особенно быстро идет процесс культурной глобализации, который выражается в проникновении элементов одних культур в другие культуры. Взаимопроникновением элементов культур характеризуются также отношения между Россией и Японией. Учитывая вызовы современности, обе страны стремятся активно развивать культурный обмен.

Россия и Япония — страны-соседи. История их культурных связей насчитывает несколько столетий. В эпоху глобализации процесс взаимодействий становится все более интенсивным, многоплановым и глубоким. Год от года растет обмен между двумя странами, имеющими богатое культурное наследие, с которым они стремятся познакомить друг друга.

Очередным этапом в развитии обмена между Японией и Россией в сфере культуры стала разработка совместного "Российско-японского плана действий". "Развитие культурных связей и обменов между гражданами двух стран: в интересах углубления взаимопонимания и дружбы" было выделено в нем особым пунктом. Там, в частности, говорится, что "Россия и Япония, исходя из того, что расширение культурных и гуманитарных обменов способствует развитию межгосударственных связей, укреплению дружбы и взаимопонимания,

Железняк Оксана Николаевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

последовательно развивали связи в этой области, основанные на глубоком интересе российского и японского народов к культуре друг друга. В июле 2002 года вступило в силу двустороннее Соглашение о культурных связях².

Итогами уже проведенной работы по культурному обмену между двумя странами стало то, что «к настоящему времени 1396 человек приняли участие в программах молодежных обменов, что способствовало углублению взаимопонимания между народами России и Японии.

В мае 2001 года и в мае 2002 года были проведены российско-японские форумы на тему «Российско-японские отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе в условиях глобализации».

В октябре 2002 года между консульскими властями России и Японии были проведены консультации, итоги которых способствовали дальнейшему расширению обменов между гражданами двух стран³.

Если говорить о дальнейших перспективах развития культурных связей между Японией и Россией, то в этом же документе сказано, что «стремясь к углублению двусторонних отношений на основе развития дружбы и взаимопонимания между двумя народами, Российская Федерация и Япония будут:

- осуществлять сотрудничество на основе Соглашения о культурных связях. В ближайшем будущем состоится первое заседание Российско-японского Комитета по культурным обменам, созданного в соответствии с Соглашением;
- укреплять сотрудничество, направленное на успешное проведение представляющего российскому народу японские традиции и культуру «Фестиваля японской культуры в России — 2003», а также аналогичных российских мероприятий, знакомящих японцев с культурными ценностями России;
- стремиться к совершенствованию молодежных обменов, а также поощрять продвижение контактов между студентами, молодежными организациями и представителями общественных организаций, включая НПО;
- поощрять проведение совместных форумов, семинаров и других мероприятий; по линии научно-исследовательских организаций и учреждений, в частности, взаимодействовать в вопросах, связанных с проведением третьего Российско-Японского Форума «Российско-японские отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе в условиях глобализации» по линии российского центра стратегических разработок и японского Национального института стратегических разработок (NIRA);
- оказывать поддержку контактам по линии «Российского комитета XXI века» и «Форума японо-российской дружбы XXI»;
- предпринимать шаги по продвижению переводческого и издательского дела, подготовке и распространению материалов, представляющих народам двух стран информацию о России и Японии;
- вести поиск возможностей дальнейшего расширения культурно-просветительских обменов между Россией и Японией, включая контакты между художественными галереями, музеями и библиотеками;
- развивать спортивные обмены;
- содействовать укреплению контактов на региональном уровне, включая рассмотрение вопросов совершенствования связей между субъектами Российской Федерации и префектурами Японии, а также между городами обеих стран;
- вести по линии консульских служб обеих стран рассмотрение возможностей для дальнейшего упрощения визовых режимов в целях создания условий для максимально широкого общения между россиянами и японцами.

Министерства иностранных дел Российской Федерации и Японии будут осуществлять регулярное рассмотрение вопросов, связанных с реализацией сотрудничества, осуществляемого на основе настоящего Плана действий⁴.

Давая оценку “Российско-японскому плану действий” в своей статье “Лощманская карта российско-японских отношений” старший научный сотрудник ЦИЯ ИДВ РАН, кандидат исторических наук В.Н. Павлятенко пишет: “Поставленные в Плане задачи по расширению сотрудничества не носят новаторского характера и представляют собой расширенную программу взаимоотношений в данной области. Однако именно это обстоятельство свидетельствует об оптимальном содержании уже осуществляемого российско-японского сотрудничества”⁵.

Особо следует отметить усилия по знакомству россиян с японской культурой со стороны “Российского комитета XXI века”, деятельность которого является весомой составляющей в Российско-японском плане действий. Так, только в 2003 г. комитетом был проведен целый ряд мероприятий. Назовем лишь некоторые из них. Это — организация участия детской футбольной команды г. Москвы “Спартак” в международном турнире по футболу в г. Хиросиме. Международный турнир по футболу среди детей “Космо-6” в г. Хиросима состоялся 18-19 января 2003 года. За звание чемпиона боролись 24 команды дальневосточного региона. Россию на этом турнире представляла одна из лучших футбольных детских команд Москвы “Спартак”, которая заняла 1 место.

Вторым важным событием стало вручение призов победителям конкурса юных журналистов. “Российский комитет XXI века” в 2002 г. провел конкурс среди московских школ с изучением японского языка на лучшую журналистскую работу на тему “Что мы знаем о Японии”. В конкурсе приняли участие 25 работ. В состав жюри вошли ректор МГУ В.А. Садовничий, проректор МГУ, декан философского факультета В.В. Миронов, декан факультета журналистики МГУ профессор Я.Н. Засурский, директор Института стран Азии и Африки профессор М.С. Мейер, журналист-востоковед В.В. Овчинников, главный редактор журнала “Япония сегодня” В.О. Перфильев, генеральный директор “Российского комитета XXI века” И.Б. Титов. 17 февраля 2003 г. на очередном заседании Президиума Комитета состоялось награждение победителя и лауреатов конкурса дипломами и ценными подарками. Работы победителей были опубликованы в “Российской газете”, в журнале “Япония сегодня”, газете “Известия”.

Интересным шагом в развитии японо-российских отношений стала встреча руководства “Российского комитета XXI века” с делегацией Японской автономной православной церкви. 26 февраля 2003 г. состоялась встреча первого заместителя Председателя “Российского комитета XXI века” Г.В. Бооса делегацией Японской автономной православной церкви, возглавляемой Епископом Сендайским Серафимом, и представителями Московского Патриархата, на которой обсуждались вопросы возможного сотрудничества с “Российским комитетом XXI века”.

Комитет выступил организатором “Российско-японского вечера дружбы” в школе № 862 г. Москвы. Вечере, проведенном 18 апреля 2003 г., приняли участие японские студенты, стажирующиеся в МГУ им. М.В. Ломоносова, журналистка радио “Голос России” Т. Яагами, атташе по культуре информационного отдела Посольства Японии в Москве Е. Саканоуэ. С лекцией о культуре, традициях и обычаях Японии выступил член-корреспондент РАН, известный ученый-японец А.А. Искандеров.

Кроме того, следует сказать о выставке под названием “Хиросима и Нагасаки: трагедия не должна повториться”, прошедшей в Москве в Государственном выставочном зале “На Солянке” с 11 по 30 июня 2003 г. Там были представлены рисунки московских школьников на тему мира и фотодокументы о последствиях ядерной бомбардировки японских городов в 1945 г. В ходе выставки проходил отборочный этап конкурса детского рисунка на тему мира

среди московских школьников. Лучшие работы будут направлены в Хиросиму на Международный конкурс детского рисунка, который ежегодно проводится мэрией японского города.

Совместно с Департаментом международных связей Правительства Москвы "Российский Комитет XXI века" стал организатором российско-японского турнира по футболу среди детских команд. В турнире, который прошел в г. Москве с 1 по 6 августа 2003г. на стадионе клуба ЦСКА "Песчаное", приняли участие команды из Токио, Хиросимы и три столичные команды — ЦСКА, "Динамо", "Спартак".

Совместно с Ассоциацией японоведов России и обществом "Япония-Россия", "Российский комитет XXI века" 10-11 сентября 2003 г. обеспечил проведение симпозиума "Россия и Япония: диалог культур и народов" в г. Москве, посвященного проблемам культурного взаимодействия и развития контактов между двумя странами. В работе симпозиума приняли участие ученые-японоведы России и специалисты из Японии, члены Общества "Япония-Россия". 25 сентября "Российский комитет XXI века" совместно с Японской молодежной палатой, являющейся одной из влиятельных предпринимательских и молодежных организаций Японии, в рамках Российско-японского форума мира и дружбы провел семинар, на котором были рассмотрены вопросы развития российско-японских отношений в области политики, экономики и культуры. Этот список можно было бы продолжить, но уже то, что сказано, позволяет судить, в каких направлениях идет развитие российско-японских культурных связей.

В последние годы в России проявляют особенно большой интерес к японской культуре и ее традиционным ценностям. Близкое знакомство с культурой Японии стало возможным во многом благодаря активной деятельности Японского фонда, который был создан в Японии в 1971 г. при министерстве иностранных дел. Согласно 1-й статье закона о Японском фонде, основная цель этой организации состоит в осуществлении эффективной деятельности по развитию международного культурного обмена, с тем чтобы внести вклад в мировую культуру и благосостояние человечества⁶.

Фонд пропагандирует различные аспекты японской культуры за рубежом. Географически сфера его деятельности чрезвычайно широка — ею охвачено более 190 стран, в том числе Россия. Кроме того, фонд знакомит японцев с культурой народов зарубежных стран, то есть осуществляет культурный обмен в рамках курса на интернационализацию.

Для достижения поставленной цели в фонде разработаны и осуществляются несколько программ: по обмену кадрами; участию японских ученых и специалистов в международных конференциях; сохранению и использованию японских национальных культурных ценностей, хранящихся за рубежом; спорту; приглашению иностранцев на стажировки в Японию; популяризации японского языка в мире; издательской деятельности; учреждению стипендий для молодых ученых из России и стран СНГ.

Программы включают как проведение собственной деятельности, так и участие фонда в мероприятиях других организаций, осуществляющих культурный обмен. В этом случае фонд может оказывать финансовую поддержку в форме предоставления грантов, субсидий, стипендий на конкретные цели.

С целью подготовки кадров, способных успешно работать в условиях рыночной экономики, в России при поддержке японского правительства организуется и проводятся семинары в японских центрах. Такие центры были открыты в Москве ("Мирбис", октябрь 1994 г.), Хабаровске (октябрь 1994 г.), Владивостоке (апрель 1996 г.), Южно-Сахалинске (сентябрь 1996 г.) Слушатели центров бесплатно приобретают знания и практические навыки, необходимые для работы в условиях рыночной экономики, в области финансов, ценных бу-

маг, менеджмента, маркетинга, торговли, бухгалтерского учета. Кроме того, они изучают японский язык. С момента создания японских центров в России по февралю 1999 г. курс обучения в них прошли в общей сложности 6808 человек, в том числе в Москве ("Мирбис") — 2060, Хабаровске — 1859, Южно-Сахалинске — 768, на базе МГУ им. М.В. Ломоносова — 391. Лучшие выпускники курсов японских центров в дальнейшем приглашаются в Японию для прохождения практики на частных японских предприятиях⁷.

По приглашению японского правительства на стажировке в Японии побывали также специалисты различных областей, представлявшие федеральное правительство, администрацию Дальнего Востока, отдельные российские предприятия. В свою очередь в Россию направлялись японские эксперты. Так, с 1991 по 1997 финансовые годы в Японии было принято 1407 стажеров (из них примерно половина из дальневосточного региона России), 690 японских специалистов были командированы в Россию (примерно половина — на Дальний Восток). В 1998 г. Япония принимала стажеров по программам подготовки управленческих кадров для российских предприятий и государственной службы. С апреля 1998 по февраль 1999 г. было принято 414 российских стажеров (200 — с Дальнего Востока), в Россию было направлено 174 японских специалиста (из них 109 — на Дальний Восток).

На протяжении многих лет под эгидой Японского фонда и Посольства Японии в РФ в России ежегодно проводится фестиваль японской культуры "Японская осень". Обычно фестиваль включает в себя ряд культурных мероприятий. Так, осенью и зимой 2002 г. в Москве проводилась выставка арт-экологических произведений И. Есиаки, были организованы танцевальные и музыкальные выступления, а также демонстрация восточной тренировочной практики "Кико" и многое другое. В сентябре того же года в Екатеринбурге прошли гастролы пользующейся популярностью группы барабанщиков "Титибу тайко групп". В Москве состоялся 4-й международный фестиваль японской музыки "Душа Японии". В его программу вошли исполнение японской классической музыки XVII–XX веков, концерты школы "Ханаки-кай", музыкальный спектакль "Предание о цветке стиля", концерт самурайских песнопений и танцев с мечами. В программу фестиваля были включены следующие мероприятия: лекция специального советника кабинета министров Японии Т. Сакаия, посвященная современной экономике Японии; показательные выступления профессора Накамура, представлявшего школу Икэнобо; выступление группы японских барабанщиков "Тогова"; серия лекций и дискуссий о проблемах образования детей-инвалидов; совместная российско-японская выставка оригами "Лети, мой журавлик, лети"; выставка старинных ремесел "Древности города Цуруока" (в рамках проведения выставки состоялся концерт японской музыки в исполнении японской оперной певицы В. Бан и ансамбля "Ва-он", концерты певицы прошли также в Саратове); гастролы молодых артистов японских театров; выставка икэбана "Ускользящий лик осени" школы Согэцу; фотовыставка "Снимаю красоты Японии"; 8-й турнир по игре го на Кубок посла Японии в РФ; международный лично-командный турнир по каратэ среди детей, юношей и девушек под лозунгом "Каратэ против наркотиков"; ежегодный фестиваль японского кино⁸.

Заветный ключик к пониманию любой культуры — знание иностранных языков. Именно владение языком другого народа дает возможность понимать его традиции и обычаи, особенности национального характера, проникнуть в образ мышления народа, узнать его традиции и обычаи, разглядеть специфику культуры.

В эпоху глобализации знание иностранных языков приобретает особое значение. Во взаимосвязанном и взаимозависимом мире народам разных стран

жизненно необходимо хорошо понимать друг друга, укреплять сотрудничество в самых различных сферах, учиться сосуществовать “в единстве и гармонии друг с другом”. Это только одна из многочисленных причин, почему русские учат японский язык, а японцы — русский.

В последнее время в России и странах СНГ изучение японского языка пользуется особой популярностью. Японский язык преподается в более чем 30 школах нашей страны и стран СНГ — от Москвы и Санкт-Петербурга и до Нижнего Новгорода, Екатеринбургa, Новосибирска, Иркутска, Хабаровска, Владивостока, Тбилиси (Грузия) и других. Японский язык изучают в более чем 70 вузах 25 городов России и стран СНГ. Для тех, кто закончил школу и институт и проявляет интерес к японской культуре, организованы курсы японского языка (около 30 в 10 городах России и стран СНГ)⁹.

В России постоянно издаются учебники японского языка. Одним из первых подарков российским студентам стал “Учебник японского языка” (для начинающих) в 2-х томах Л.Т. Нечаевой, а совсем недавно был издан новый начальный курс японского языка — “Увлекательный японский” Н. Ерофеевой. Среди последних учебных пособий — “Японский язык. Устный перевод” (2000) С.А. Быковой; “Читаем, пишем, говорим по-японски” (2000) Е.В. Струговой и Н.С. Шефтелевич; пособие-путеводитель “Москва — Санкт-Петербург” (2003); “Японский язык. Пособие по переводу документации” (2003) С.А. Быковой и М. Ямада; “Японский речевой этикет” (2003) Н.И. Васиной. Существенным вкладом в подготовку и разработку новых учебников и пособий по японскому языку являются также работы А.Ю. Данилова, В.Я. Серебрякова, А.Ф. Мушинского, Л.В. Пряжиной, А.А. Колесниковой, М.В. Розенкранц, Ю.Ф. Чинаревой, М.М. Судо, П.С. Тумаркина и др.

Число людей, изучающих японский язык в России, постоянно растет. Уже на протяжении нескольких лет проводятся конкурсы японского языка среди студентов и школьников, и каждый год их участники не перестают удивлять компетентное жюри высоким уровнем владения языком, целеустремленностью и артистизмом. В 2002 г. при поддержке Японского фонда состоялись уже 9-й конкурс японского языка среди детей и 15-й конкурс японского языка среди студентов стран СНГ. Организаторами конкурсов по традиции являются Посольство Японии в РФ и Ассоциация преподавателей японского языка стран СНГ. В 2002 г. победителем детского конкурса стал шестнадцатилетний А. Скрипаенко из города Пятигорска, а главный приз — поездку в Японию — в конкурсе среди студентов поделили между собой Чолпон Джолдошева (Бишкекский гуманитарный университет) и И. Карпкова (Новосибирский государственный университет)¹⁰.

Хорошей возможностью для знакомства с “живым” японским языком стал, организуемый под эгидой Японского фонда и посольства Японии в РФ в рамках фестиваля японской культуры “Японская осень”, показ японских недублированных фильмов, сопровождавшихся русскими титрами. В ноябре 2002 г. в России прошел уже 36-й по счету фестиваль японского кино, на котором зрителям были представлены четыре новые картины, получившие высокую оценку в Японии. В октябре этому предшествовал ретроспективный показ 19 фильмов известного японского кинорежиссера К. Мидзогути. Он прошел не только в Москве, но и в Санкт-Петербурге. Проведение подобных мероприятий дает возможность изучающим японский язык совершенствовать его разговорный аспект, знакомиться с реалиями современной японской жизни, помогает приблизиться к пониманию культуры японцев.

Особо следует сказать о переводах произведений японских писателей на русский язык в России и странах СНГ. Среди них шедевры японской классики “Кодзики” и “Манъёсю”, “Анналы Японии” в 2-х томах (перевод Л.М. Ер-

маковой и А.М. Мещерякова, 1997 г.), произведения авторов средневековья "Утаавасэ", поэтические турниры в средневековой Японии (IX—XIII вв.) в переводе И.А. Борониной (1998 г.), произведения авторов XIX — XX веков (Хирага Гэннай "Похождение весельчака Сидокэна", перевод А. Кабанова 1998 г.); японская лирика веселых кварталов "Алая камелия", перевод А. Долина, 1997 г. Среди переводимых на русский язык произведений современных японских авторов особо следует отметить романы известного японского писателя Х. Мураками, которые постоянно занимают одно из первых мест в рейтингах наиболее читаемых в нашей стране произведений зарубежных писателей.

В России регулярно появляются исследования в области японского языка: "Многоязычие в Японии" (2001 г.) и "Япония. Язык и общество" (2002 г.) В.М. Алпатов; "Графическая стилистика японского языка" (2000 г.) Е.В. Маевского; "Окуригана в современном японском языке" (2002 г.) Л.В. Пряжиной и др.

Большой популярностью среди поклонников Японии в России пользуются периодические издания, посвященные японской тематике, такие как "Ежегодник Япония", "Япония сегодня", "Знакомьтесь — Япония" и др. периодические издания.

Недавно вышли в свет два новых журнала, рассказывающих о Японии: "Восточная коллекция" и "Япония. Путь кисти и меча".

Журнал "Восточная коллекция" — научно-популярный журнал, издаваемый Российской государственной библиотекой. Его основные темы — культура, религия, история народов Востока, гуманитарные связи России с восточным миром, исследования ориенталистов. В журнале рассказывается об образах и символах Востока, старинных картах и современных путешествиях, духовных сообществах, их идеях, учениях, восточных редкостях из фондов музеев и библиотек, этнографических этюдах, восточном базаре, пище и напитках, одежде, забытых изданиях, забытых именах и т.д. Журнал хорошо иллюстрирован. Он интересен как для специалистов, так и для любителей Востока.

Статьи, публикуемые в журнале "Япония. Путь кисти и меча" также характеризуются широким тематическим разнообразием. Философия, религия, искусство, литература, восточные единоборства и даже быт, раскрывающие национальный характер японцев, — все это находит место на его страницах. В журнале перед читателем предстают как бы два лика Японии: эстетически утонченный мир художника и интеллектуала ("кисть") и суровый быт самурая ("меч"). Авторам статей интересна сама "картина мира" японцев, созданный ими глубокий научный анализ поднимаемых в журнале проблем, серьезные размышления о сфере интуитивных форм сознания и поведения японцев, о складе японской души позволяют его читателям расширить круг своих знаний о Японии, глубже понять эту страну и ее народ.¹¹

Важным событием для японоведов стал выход в свет в 2002 г. первого выпуска нового альманаха "Япония: язык и культура". Альманах посвящен актуальным проблемам японской филологии и истории культуры.

В сентябре 2002 г. при поддержке филиала Японского фонда в России и посольства Японии в РФ японская сторона участвовала в 15-й Московской международной книжной ярмарке. На стенде Посольства Японии были представлены российские издания о Японии и российско-японских отношениях, информационные материалы Посольства. На стенде Японского фонда и Японской ассоциации культурных обменов между издателями были собраны книги, дающие возможность получить представление о самых разных сферах жизни современной Японии. В ноябре того же года японская сторона приняла также участие в Московской международной книжной ярмарке Non-Fiction¹².

Интересной тенденцией стало использование в русском языке слов из японского языка. Например, некоторые японские слова, такие как *самурай*, *кимоно*, *икэбана*, *оригами* и т.д., уже прочно вошли в русский язык.

Все большую популярность в России приобретают японская живопись *укие-э*, боевые искусства, национальная борьба *сумо*, искусство аранжировки цветов *икэбана* и чайная церемония. Что касается *сумо*, то в России этот вид спорта особенно популярен у женщин. Русские сумоистки считаются самыми сильными в Европе. Так, на соревнованиях по *сумо*, проходивших в Польше в 2002 г. победила россиянка О. Коваленко.

Японцы также проявляют интерес к русской культуре, хотя круг интересующихся ею несколько уменьшился по сравнению с тем, что было в 60-х годах XX века. Если раньше особый интерес у японцев вызывали романы Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, то сейчас их место заняли Б. Акунин, В. Сорокин и А. Маринина. Если японская молодежь 60-х предпочитала слушать русскую классическую музыку, то сейчас ее привлекает российская эстрадная группа "Тату". Это говорит о том, как сейчас представлена русская культура в Японии. К сожалению, русская культура представлена неполно. Хочется надеяться, что и другие ее аспекты вызовут в Японии такой же интерес. И именно баланс между различными ее гранями даст возможность составить более или менее объективное представление о богатой и многогранной русской культуре.

Особым событием в сфере японо-российского культурного сотрудничества стало создание в Японии в 1994 г. филиала Дальневосточного государственного университета, (на данный момент пока единственного) — Хакодатской международной школы, которая готовит квалифицированных специалистов по России.

Все преподаватели в этой школе — из России, ежедневное общение с ними и их оригинальная методика преподавания позволяют слушателям за короткий срок овладеть русским языком. В этом учебном заведении готовят не только переводчиков русского языка, но и специалистов по России широкого профиля. В учебном плане есть такие предметы как экономика и география России, русская культура, история, этнография и т.д. Учебный план предусматривает также стажировку в России, в г. Владивостоке.

Японские студенты, изучающие русский язык, стремятся лучше узнать русскую культуру. Например, в Токийском университете Иностранных языков ежегодно проводится праздник культур разных стран, в том числе и России. Во время праздника можно послушать в исполнении японских студентов русские песни — "Катюшу" или "Подмосковные вечера", а также игру японских студентов на русских народных инструментах. Кроме того, участники праздника могут попробовать блины, пирожки, борщ, традиционные блюда русской кухни.

В 2002 г. силами студентов Токийского университета иностранных языков была осуществлена постановка пьесы А.П. Чехова "Чайка" на русском языке. Игра студентов, их умение почувствовать настрой чеховской пьесы поразили всех присутствующих.

Следует отметить важную роль в популяризации русского языка в Японии специальной телевизионной программы, посвященной его изучению, которая регулярно выходит в эфир утром в воскресенье и днем в пятницу на 3-м канале японской телевизионной компании NHK. Время от времени на японском телевидении появляются и другие программы о России, ее истории, спорте, искусстве, современной жизни и т.д.

Существует также специальная образовательная программа, посвященная русскому языку на одном из центральных каналов японского радио. Японцы любят изучать русский язык по русским сказкам и произведениям классики. Эти программы помогают японцам не только осваивать литературный рус-

ский язык, но и знакомят их с особенностями современного разговорного языка, а также позволяет приобрести новые знания о русской культуре.

В Японии регулярно появляются новые учебники и учебные пособия по русскому языку. Совсем недавно вышел в свет учебник русского языка под названием "Сирой Кин". Его авторы Х. Канадзава и А. Накорчевский в основу содержания учебника положили детективную историю, что позволяет сочетать обучающий и развлекательный элементы при изучении русского языка. Это первый в Японии учебник подобного рода, что делает его особенно ценным для всех, кто интересуется разговорным русским языком. Его особенностью также стало то, что это по сути одно из первых в Японии пособий по синтаксису русского языка.

Регулярно на гастроли в Японию приезжают российские театры с классическими постановками произведений А.П. Чехова, И. Тургенева, Ф.М. Достоевского. Особой популярностью у японцев пользуются выступления различных балетных трупп из России, гастроли которых также часто проходят в Японии.

Таким образом, мы видим, что в последние годы русские и японцы питают устойчивый взаимный интерес друг к другу, что проявляется в развитии культурного обмена между Россией и Японией. При этом, как пишет В.Н. Павлятенко¹³ "необходимо отметить и "неравнозначный" характер такого сотрудничества, в котором в последние годы и ведущую и вспомогательную "партию" в основном играет японская сторона". И далее, "за последние 10 лет сотрудничества в указанной области Япония в хорошем смысле осуществила "культурное наступление" в отношении России. Результатом этого "наступления" стало углубленное понимание российской общественностью основ и особенностей японской культуры, образа мышления японцев, их тонкого восприятия природы, их жизненной философии, т.е. тех субстанций, которые близки для понимания русского человека". "Особенность нынешнего этапа состоит в том, что японская культура в России перестала быть уделом специалистов и стала доступна широким массам. Это — главный результат, к которому должна стремиться российская сторона в плане осуществления ответного "культурного наступления" на Японию. Но сегодня приходится лишь сожалеть об отсутствии активной культурной политики России в отношении Японии. Вместе с тем, похоже, что План действий (речь о нем шла в начале статьи), ставит именно эту задачу перед российской стороной — проводить на японском направлении активную культурную политику, направленную на углубление двусторонних отношений на основе дружбы и взаимопонимания между двумя народами"¹⁴.

Хотелось бы также подчеркнуть, что развитие японо-российского культурного сотрудничества идет только по некоторым направлениям, главным образом это — разного рода образовательная деятельность (изучение японского языка, обмен студентами и специалистами и т.д.), знакомство лишь с некоторыми аспектами японской культуры, более того, оно носит достаточно лимитированный характер (кино, выставки японских художников, переводы литературы и т.д.). Хотелось бы, чтобы в России чаще проводились выставки современной живописи, выступления симфонических оркестров из Японии, трупп японского балета, выступления музыкантов, владеющих японскими народными инструментами. Хотелось бы более широко познакомиться с работами современных дизайнеров, кинорежиссеров и т.д. К сожалению, такая возможность в России пока предоставляется крайне редко. Таким образом, России и Японии следует всячески расширять горизонты культурного сотрудничества.

Возвращаясь к рассмотрению культурного аспекта процесса глобализации, подчеркнем, что в ходе культурного взаимопонимания практически не возникает ситуаций, ведущих к столкновению национальных интересов. Наоборот,

обмены в области культуры сглаживают противоречия в других областях, способствуя углублению взаимопонимания между народами и государствами.

В целом же, мероприятия, проводимые Россией и Японией в рамках культурного обмена, дают возможность народам двух стран лучше узнать и понять друг друга, создают ту необходимую почву, на которой можно строить качественно новые взаимоотношения между двумя странами. Изучая национальную культуру друг друга, русские и японцы делают очередной шаг к сближению, к укреплению взаимопонимания, сотрудничества и дружбы.

1. Григорьева Т.Н. Японская художественная традиция. М., 1979. С. 19.
2. Российско-японский план действий// Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2. С. 19.
3. Там же.
4. Там же. С. 19-20.
5. Павлятенко В.Н. Лоцманская карта российско-японских отношений// Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2. С. 28.
6. The Japan Foundation. Annual Report. Tokyo, 2001. P. 11.
7. Японское содействие России. <http://www.embjapan.ru/jrr/jr/fr.html>
8. Программа культурных мероприятий на осень-зиму 2002 г. <http://www.embjapan.ru/culture/aki2002/html>.
9. Образование <http://www.embjapan.ru/education/spschool/html>
10. <http://www.embjapan.ru/bulletins/bu141/html>
11. Главева Д.Г. Новый журнал в японской культуре// Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 5. С. 184—185.
12. Программа культурных мероприятий на осень — зиму 2002 г. <http://www.embjapan.ru/culture/aki2002.html>
13. Павлятенко В.Н. Указ. соч.
14. Там же.

Научная жизнь

Встреча с Президентом Академии наук Китая Лу Юнсяном

7 июля 2004 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась встреча с Президентом Академии наук КНР академиком Лу Юнсяном, находившимся в нашей стране по приглашению Российской Академии наук. Открывая встречу, директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко в своем кратком вступительном слове отметил значительные успехи китайской науки за последние годы и напомнил о ряде схожих проблем, стоящих перед коллективами РАН и АНК, о необходимости укрепления контактов между двумя академиями и отдельными академическими институтами России и Китая.

Доклад акад. Лу Юнсяна "О состоянии Академии наук Китая и проекте интенсификации инновационной деятельности" был посвящен истории создания Академии, основным этапам развития, современной деятельности АНК и программе стимулирования инновационной деятельности в ее подразделениях. В нем отмечалось, что с 1960-х гг. в Китае существует разделение на Академию наук Китая и Академию общественных наук, при этом в последние годы наблюдается процесс более тесного взаимодействия двух академий и активного участия АНК в обсуждении важных вопросов, касающихся стратегии социально-экономического развития страны.

В настоящее время в АН Китая работают 44 тыс. сотрудников, из которых около 30 тыс. — ученые и исследователи, 5 тыс. чел. заняты административной работой и 9 тыс. — прочими видами деятельности. В структуре Академии имеется 12 региональных отделений, насчитывается 91 НИИ, два вуза, семь центров технической поддержки, 16 производственных подразделений. В последние несколько лет была проведена масштабная работа по сокращению общей численности исследовательских подразделений, слиянию и упразднению ряда малоэффективных структур, акционированию некоторых институтов, занимающихся прикладными видами исследований. Одновременно с этим, откликаясь на новые тенденции в развитии науки, были созданы новые институты и центры, такие как НИИ экологии Земли, Государственный центр нанотехнологии, НИИ фотоэлектроники, НИИ по Цинхай-Тибетскому нагорью, Институт исследований в области генома и др.

Основные направления работы по совершенствованию организационной структуры и принципов деятельности Академии были намечены в принятом в июне 1998 г. Рабочей группой Госсовета КНР «Плане проведения эксперимента по развертыванию в Академии наук Китая проекта ускорения научных инноваций». Официально проект ускорения инновационной деятельности был запущен 1 января 2001 г. В настоящее время осуществляется второй этап реализации эксперимента. Начиная с 2006 г., предполагается перейти к третьему этапу — «скачкообразного ускорения и дальнейшего долговременного устойчивого развития процесса инноваций». В рамках указанного эксперимента уже вносятся и будут в дальнейшем вноситься существенные изменения в такие основополагающие аспекты работы Академии как перечень приоритетных научных исследований, система управления кадров, система распределения материальных ресурсов, механизм оценки эффективности исследований.

Общей стратегической задачей всех вышеуказанных усилий акад. Лу Юнсян считает превращение АНК к 2020 г. в научно-исследовательскую систему международного уровня, позволяющую Китаю постепенно выдвинуться на передовые рубежи по ключевым направлениям развития науки и техники в условиях обостряющейся мировой конкуренции в области фундаментальных исследований, высоких технологий и инноваций. В заключение своего выступления акад. Лу Юнсян выразил уверенность в необходимости дальнейших усилий по укреплению контактов с российскими учеными, в частности, с коллегами из ИДВ РАН.

© 2004

*А.Карнеев,
кандидат исторических наук*

Ху Аньган — Почетный доктор ИДВ РАН

18 июня 2004 г. на заседании Ученого совета Института Дальнего Востока РАН состоялась торжественная церемония вручения диплома Почетного доктора ИДВ РАН известному китайскому исследователю-обществоведу Ху Аньгану. У себя на родине ученый занимает пост директора Центра исследования национальной специфики Китая, созданного под эгидой Академии наук Китая и Университета Цинхуа. Одновременно он является профессором Школы общественного управления при Университете Цинхуа.

На торжественном заседании выступил директор ИДВ РАН, академик М.Л.Титаренко, огласивший решение Ученого совета ИДВ, принятое 26 мая 2004 г.: "Учитывая значительный научный вклад в изучение социально-экономических проблем развития современного Китая, а также активное содействие укреплению дружественных связей между учеными Китайской Народной Республикой и Российской Федерации, избрать профессора Ху Аньгана членом Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии с присвоением ему звания почетного доктора экономики Института Дальнего Востока". М.Л.Титаренко рассказал о научных достижениях нового члена исследовательского коллектива ИДВ и пожелал Ху Аньгану дальнейших творческих успехов в области изучения новых вызовов, встающих на пути китайских реформ. Присутствовавший на заседании глава Китайско-российского центра культурных исследований и обменов при Университете Цинхуа профессор Ху Сяньчжан выразил надежду на дальнейшее укрепление научных контактов между учеными двух стран.

Ху Аньган родился в 1953 г., он принадлежит к среднему поколению китайских ученых, начавших путь в науку уже после завершения "культурной революции". В 80-е годы Ху Аньган прошел путь от студента Таньшаньского технологического института до получения в 1998 г. степени доктора в Институте автоматике АН Китая. Еще в 1986 г. Ху Аньган стал членом исследовательской группы по изучению национальной специфики страны, созданной в АН Китая. Тогда ученый обратился к исследованию новых проблем, связанных с демографией, экономическим ростом и его социальными издержками.

Ху Аньган настойчиво стремится к тому, чтобы его аргументы получали максимально детальное и точное подтверждение цифрами статистики. Ему и его коллегам принадлежит целый ряд исследовательских докладов по стратегии экономического и социального развития Китая, востребованных властями КНР при выработке курса реформ в конце 1990-х — начале 2000-х годов. В

настоящее время Ху Аньган принадлежит к числу влиятельных и авторитетных советников китайского руководства.

За последние полтора десятилетия увидел свет целый ряд публикаций ученого, отразивших процесс поиска китайским экспертным сообществом оптимального пути развития страны. Перечислим лишь наиболее известные книги профессора Ху Аньгана: “Китай: движение в XXI век” (Пекин, 1991), “Доклад о национальной мощи Китая” (Шэньян, 1993 в соавторстве с Ван Шаогуаном), “Следующий шаг Китая” (Чэнду, 1995), “Перспективы развития Китая” (Пекин, 1999), “Политическая экономия неравномерного развития: пример Китая” (Нью-Йорк, 1999 в соавторстве с Ван Шаогуаном). В последние годы Ху Аньган выступил в роли главного редактора и одного из соавторов сборников статей, посвященных наиболее актуальным вопросам развития КНР — “Направление движения Китая” (Ханчжоу, 2000), “Стратегия великого государства” (Шэньян, 2000), “Китай: бросить вызов коррупции” (Ханчжоу, 2001), “Великая стратегия для Китая” (Ханчжоу, 2003).

В ходе выступления в ИДВ РАН Ху Аньган познакомил собравшихся со своей новой книгой “Китай: новый взгляд на развитие” (Ханчжоу, 2004).

Публикации профессора Ху Аньгана, посвященные проблемам социального и экономического развития современного Китая, получили широкую известность не только в КНР, но и среди зарубежных экспертов. Прозвучавшая на торжественном заседании Ученого совета ИДВ РАН похвала в адрес научных работ Ху Аньгана переросла в оживленную и содержательную дискуссию. И это естественно: ряд присутствовавших на церемонии российских ученых уже давно и весьма внимательно следит за публикациями китайского исследователя.

После завершения церемонии вручения диплома профессор Ху Аньган выступил с научным докладом на тему “Почему китайская экономика растет быстро?”. В своем выступлении ученый детально проанализировал социально-экономические проблемы, стоящие перед новым руководством КНР, представил свою характеристику нового периода китайских реформ и соответствующего запросам времени нового взгляда на развитие страны. Редакция ПДВ планирует опубликовать полный текст доклада в одном из ближайших номеров журнала.

На конференции в Дании по проблемам зарубежных китайцев

5-я конференция Международного общества по изучению зарубежных китайцев (ISSCO — по первым буквам английского названия International Society for Study of Chinese Overseas) состоялась в г. Эльсинор (входит в "Большой Копенгаген"), Дания, в период с 10 по 14 мая 2004 г. Тема конференции — "Новые китайские мигранты — Глобализация китайской зарубежной миграции". В работе конференции, организованной Департаментом азиатских исследований Копенгагенского университета и Скандинавским институтом азиатских исследований (Копенгаген), приняли участие свыше 100 ученых, в большинстве — граждан китайского происхождения буквально со всего мира. Особенно заметно были представлены Сингапур, Индонезия, Гонконг, Австралия, США. Несколько человек представляли различные организации КНР, а Тайвань — только один ученый из Тамканского университета.

На конференции были заслушаны два пленарных доклада (Ван Гунъю и Р. Скелдон) и около 80 докладов на секционных заседаниях. Как и вытекало из темы конференции, в большинстве выступлений рассматривались различные аспекты "новой" китайской миграции, охватывающей период с конца 70-х г. XX века по настоящее время. На наш взгляд, конференция позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время сформировались три ведущих направления, или "школы" изучения зарубежной китайской миграции, которое, кстати говоря, всерьез претендует на статус самостоятельной научной дисциплины.

Первое направление представлено учеными из КНР. Оно еще относительно молодо и, похоже, в какой-то мере "патронировается" официальными административными организациями, прежде всего Канцелярией Госсовета КНР по делам хуацяо. Ученые из КНР стремятся делать акцент на объективистский показ общей картины эмиграции (история, типология, количественная оценка), воздерживаясь — по крайней мере пока — от серьезного анализа как социально-экономических и тем более политических причин эмиграции китайцев из КНР, так и положения китайцев за рубежом. Определенное внимание уделяется оценкам эффективности преференциальной политики руководства страны в отношении китайцев, получивших образование за рубежом и вернувшихся на родину. Недавно Китайский институт по изучению хуацяо начал издавать журнал "Исследование истории китайских эмигрантов" ("Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю") периодичностью один раз в два месяца.

Заслуживает внимания общая оценка количества "новых китайских мигрантов" за последние 20-30 лет, приведенная в докладе г-жи Чэнь Сюжун (Институт географии и ресурсов АН КНР). По ее оценке, за этот период из КНР выехало за рубеж в общей сложности 1,7 млн. человек, в том числе 700

тысяч человек — в Европу, 500 тысяч — в США, 200 тысяч — в Канаду. Эмиграция из Гонконга составила 830 тысяч человек, из Тайваня — около 1 млн. человек, из “трех стран Индокитая” (речь идет о лицах китайского происхождения, эмигрировавших из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи) — 700 тысяч человек.

Доклад ученого из Фуцзяньской Академии общественных наук Хуан Иньху был посвящен характеристике эмиграции из пров. Фуцзянь, давшей в последнее десятилетие наибольшее количество эмигрантов среди провинций КНР (наряду с Чжэцзяном). Автор выделяет такие категории мигрантов, как студенты, рабочие, “белые воротнички”, торговцы, выходящие замуж “за границу” женщины, усыновляемые зарубежными гражданами сироты.

Второе, наиболее многочисленное, направление исследований представлено учеными китайского происхождения, проживающими вне пределов КНР. Если представители “новой миграции” уделяют основное внимание проблемам бытовой и культурной адаптации китайских мигрантов к условиям стран пребывания, то “старые мигранты” и ученые из Сингапура, для которых задача обретения нового законного и социо-культурного статуса либо давно решена, либо в принципе не стоит, явно тяготеют к академическим исследованиям широкого круга вопросов, в том числе экономической и культурной роли китайцев в том или ином регионе. Показательны в этом отношении названия монографий, изданных в последние годы Сингапурским институтом исследования проблем Юго-Восточной Азии: “Где Китай встречается с Юго-Восточной Азией: социальные и культурные изменения в пограничных регионах”; “Право и китайцы в Юго-Восточной Азии”; “Выдающиеся индонезийские китайцы”.

Наконец, третье направление сформировано не китайскими учеными, изучающими зарубежную китайскую диаспору. В их работах, в том числе в представленных на конференции докладах, прежде всего анализируются различные аспекты взаимоотношений китайских мигрантов с той или иной конкретной страной пребывания (количество и типология мигрантов, проблемы адаптации, взаимоотношения китайского и национального бизнеса и т.п.) В последнее время именно эта тематика активно разрабатывается европейскими китаеводами. Так, в 2003 г. были изданы два сборника статей (на французском и английском языках) по данной проблеме. Плюс к тому на основе многолетних полевых исследований в пров. Фуцзянь европейские китаеведы (Мета Туне из Копенгагенского университета и другие) подготовили монографию “Мигранты из Фуцзяни в Европе” (Стэнфорд, 2004), презентация которой была проведена в ходе конференции.

Кроме того, в ряде докладов не китайских исследователей была принята попытка дать некоторые обобщенные характеристики феномена “зарубежных китайцев”.

В выступлении Маркеты Мур (Университет Гонконга, чешка по происхождению) китайские мигранты-бизнесмены по особенностям их хозяйственно-управленческих действий были разделены на две группы. “Черви” с готовностью идут на риск ради быстрой прибыли и очень часто не задерживаются на одном месте. “Гусеницы”, напротив, обладают стратегическим видением ситуации. Они готовы жертвовать текущими выгодами ради последовательного долговременного усиления своих позиций — с тем, чтобы в перспективе “превраща-

титься в прекрасную бабочку". Этот тип бизнесменов оседает надолго и способен стойко переносить экономические невзгоды.

Мари-Сибилл де Вьенн (Институт восточных языков и культур, Париж) попыталась оценить "валовой транснациональный продукт" зарубежных китайцев, который, по ее расчетам, составляет ныне около 400 млрд. долл. (46% — в странах ЮВА, 47% — западных странах, в т.ч. 121 млрд. долл. — в США), или 1,3% мирового ВВП. По оценке де Вьенн, общий "валовой транснациональный продукт" "китайского мира", т.е. включая КНР, Тайвань, Гонконг, Макао и зарубежных китайцев, составил в 2002 г. 2091 млрд. долл., или 7,5% мирового ВВП, что примерно эквивалентно ВВП Германии. Ученая, однако, специально оговаривается, что за этой цифрой не стоит какой-либо "большой Китай" как некая политическая единица, осуществляющая "коллективную политико-экономическую стратегию". Более того, по ее мнению, не существует чего-либо реально похожего на "большой Китай" и в культурном отношении. Следует подчеркнуть, что сходную точку зрения по данному вопросу высказывали и многие участники конференции китайского происхождения. Проблемы личного благополучия и адаптации к иной социо-культурной среде в реальной жизни нередко почти полностью подавляют "китайскость", о которой как о некоей общей ценности, как правило, вспоминают только в критических ситуациях вроде периодических гонений на лиц китайской национальности в тех или иных странах. Предельно четко такая позиция была выражена в докладе Терезиты Анг Си (Кайси Херитидж Центр, Филиппины): "Наша кровь может быть китайской, но наши корни — глубоко в филиппинской почве, и наше желание и надежда — найти надлежащее место под филиппинским солнцем".

Международное общество по изучению китайцев решило учредить в Маниле постоянно действующий секретариат и начать издавать журнал "Зарубежные китайцы" (Journal of Chinese Overseas) периодичностью два раза в год.

Со своей стороны, автор этих заметок выступил на конференции с докладом "Новые китайские мигранты в России как феномен реальности и объект исследования".

Конференция к столетию со дня рождения Ба Цзиня

© 2004

А. Коробова

22-26 июня 2004 г. на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета состоялась международная научная конференция "Проблемы литератур Дальнего Востока", посвященная столетию со дня рождения выдающегося современного писателя Китая Ба Цзиня. Конференция была организована кафедрой филологии Китая, Кореи и Юго-Восточной Азии при поддержке Генерального консульства КНР в Санкт-Петербурге. В рамках конференции состоялся международный синологический семинар "От национальной традиции к глобализации, от реализма к постмодернизму: пути развития современной китайской литературы", проводившийся при поддержке Фонда Цзян Цзинго.

С приветственным словом к участникам обратились декан Восточного факультета СПбГУ д.филол.н. профессор И.М. Стеблин-Каменский, зав. кафедрой филологии Китая, Кореи и Юго-Восточной Азии профессор Р.А. Янсон, председатель оргкомитета профессор Е.А. Серебряков, представитель Генерального консульства КНР в Санкт-Петербурге Ли Гоцян.

В конференции приняли участие около 60 человек — ученые, преподаватели, аспиранты и студенты из Российской Федерации, КНР, США, Чехии, Словакии, Великобритании, Украины. Почти треть докладчиков (19 человек) прибыли из-за рубежа, самой многочисленной была делегация США (9 человек).

Конференция, посвященная литературам Дальнего Востока, была проведена впервые за несколько десятилетий. Представленные доклады охватывали весь спектр литературоведческих исследований отечественных и зарубежных востоковедов.

Заседания первой секции были посвящены Ба Цзиню и роли писателя в китайском обществе. С докладами выступили профессор, д.филол.н. Е.А. Серебряков (СПбГУ), доцент, к.филол.н. Н.В. Захарова (МГЛУ) и старший научный сотрудник ИДВ РАН к.филол.н. А.Н. Желоховцев. Докладчики говорили о продолжении традиции Ба Цзиня в современной китайской литературе, о его связи с русской литературой, о сборниках эссе "Думы".

Е.А. Серебряков подчеркнул, что анализ биографических материалов и автобиографических эссе позволяет нам охарактеризовать жизнь и творчество Ба Цзиня как постоянный поиск добра, справедливости и гуманистических идеалов. При создании новой реалистической прозы писатель использовал как лучшие традиции старого Китая, так и опыт западной литературы. Произведения Ба Цзиня воспроизводят сложный процесс становления и развития личности писателя, отражают эволюцию его духовного мира. На формирование его мировоззрения оказали влияние и китайская классическая поэзия, и переводы западной прозы, и работы анархистов П.А. Кропоткина, М.А. Бакунина, Э. Голдман, и новая китайская литература, создававшаяся на языке байхуа (произведения Лу Синя, Мао Дуня, Е Шэнтао, Ван Тунчжао). Как отметил доклад-

чик, Ба Цзинь сыграл важную роль в обогащении современной китайской литературой новой чертой — искусством анализа психологии героев, объяснением душевных истоков тех или иных поступков. Как утверждал сам Ба Цзинь, роман “Семья” (1933), где автор стремился показать поведение и психологию людей в переломное время “движения 4 мая” 1919 года, был задуман как “громко звучащий набатный колокол”, воспевающий решимость молодых людей изменить общество. В течение своей жизни писателю не раз приходилось стоять перед нелегким выбором. В десятилетие “культурной революции”, принесшей всему китайскому народу невыносимые страдания, Ба Цзинь продолжал работать, переводил “Былое и думы” Герцена, перечитывал Л.Н. Толстого, искал поддержку в русской классической литературе. По окончании “десятилетия бедствий” Ба Цзинь вернулся к общественной и творческой деятельности, но затем подступили болезни, и он оказался прикован к постели. Жизнь вновь потребовала от него мужества, и он продолжил писать, в форме эссе делиться с читателями мыслями о смысле жизни, о важности добра и красоты, оценками случившихся событий. Эти эссе, публиковавшиеся с 1979 года в газетах, составили пять сборников, получивших общее название “Думы”. Через все сборники проходит тема “культурной революции”, связанных с ней мук и потерь.

Русская литература, как отметили выступавшие, играет особую роль в жизни Ба Цзиня. Он переводил Кропоткина, Тургенева, Герцена, Горького, Гоголя, Л. Толстого, Гаршина, Пушкина, Блока. Более всех писателей, по свидетельству самого Ба Цзиня, он любил Тургенева. Его переводы произведений Тургенева “Отцы и дети”, “Новь”, “Муму”, “Вешние воды”, “Первая любовь”, “Ася” и по сей день считаются в Китае непревзойденными. Ба Цзинь — автор многих исследовательских статей о творчестве Тургенева.

А.Н. Желоховцев, рассматривая в своем выступлении продолжение традиции Ба Цзиня в современной китайской литературе, отметил, что творчество Лу Синя и Ба Цзиня — лучшее в китайской литературе XX века, рожденной “движением 4 мая” 1919 года.

Достаточно много докладов, выделенных в отдельную секцию, было посвящено классической китайской литературе. Член-корреспондент РАН д.филол.н. Б.Л. Рифтин (ИМЛИ РАН) выступил с докладом “Эпопея “Троецарствие в старинных иллюстрациях”. Профессор О. Ломова (Чехия, Карлов Университет) рассмотрела символику мандаринового дерева в ранней китайской поэзии, от поэзии чуских строф (Цюй Юань) и литературы ханьского периода до ранне-средневековой поэзии “воспевания предметов” (*yong wu*) и произведений танских поэтов Чжан Цююляна, Ду Му и Ду Фу. К.филол.н. А.Г. Сторожук (СПбГУ) посвятил свой доклад образам даосов в литературе эпохи Тан. Проанализировав описания даосов в стихотворениях-рассуждениях, в исторических экскурсах, в жанре “новелл о необычном” (*чуаньци*) и рассказов о необычном (*чжигуай сяошо*), автор показал, что образ даоса в произведениях танской эпохи чаще всего не несет отрицательных коннотаций. Хотя критические взгляды на даосов и даосизм можно обнаружить в танской литературе, более значимым оказывается образ даоса-наставника, помогающего герою освободить сознание “от оков социальной омраченности”.

Е.И. Митькина (СПбГУ) охарактеризовала основные направления в поэзии эпохи Цин XVIII века, к.филол.н. Д.Д. Масалимова (Бурят ГУ) рассказала о стиле “Лунь ши” в китайской литературе. Новые интересные материалы были приведены в докладе Лянь Синьда (Университет Денисон, США) “Сунские литераторы и литературный снобизм”.

Ряд выступлений был посвящен опыту изучения и преподавания китайской литературы (Хань Юн, Казанский ГУ — “Цели, методы и содержание преподавания китайской литературы в ИВ КГУ”, П. Сибер (Университет Огайо) — “Российский аспект: печатная культура, китайская литература и формирование синологии в Европе XIX века”).

На конференции неоднократно подчеркивалась важная роль, которую играла и продолжает играть русская культура в Китае, и то влияние, которое оказала русская культура на китайскую. В частности, в одном из докладов описывалась трансформация образа Павла Корчагина в современной китайской культуре.

Работа отдельной секции была посвящена литературам Индонезии, Камбоджи, Вьетнама, Японии, Монголии и Индии. С докладами выступили А.К. Оглоблин (СПбГУ), охарактеризовавший фазы литературного процесса на местных языках Индонезии в XX и начале XXI вв., А.В. Челнокова (СПбГУ), рассказавшая о созданной в XVII в. индийской поэме "Рамачаритаманас", Р.В. Ивлева (СПбГУ), описавшая особенности развития монгольской прозы в 1985-2000 годах. Формам проявления индивидуализма в японской литературе первой половины XX в. был посвящен доклад Ю.В. Осадчей (Ин-т литературы им. Т. Шевченко, Украина). Д.И. Еловков (СПбГУ) охарактеризовал черты духовной культуры кхмеров.

Наибольшее количество докладчиков выступило в рамках семинара "От национальной традиции к глобализации, от реализма к постмодернизму: пути развития современной китайской литературы". Китайской поэзии XX века были посвящены 2 доклада — профессора М. Галика (Академия Наук Словакии) — "Библия как источник современной китайской поэзии: от Чжоу Цзожэня до Хай Цзы" и Дин Фан (Пекинский политехнический университет) — "Модернистская поэзия".

Творчество мастеров китайской прозы XX века нашло отражение во многих докладах. Любопытным образом рассмотрел творчество Лао Шэ к.филол.н. А.А. Родионов (СПбГУ) — с точки зрения влияния на Лао Шэ Льюиса Кэрролла на примере повести "День рождения Сяопо".

В докладах конференции анализировались произведения таких современных китайских писателей, как Ван Мэн, Ван Аньи, Гао Синцянь, Те Нин, Фэн Цицай, Цань Сюэ, Чжан Сяньлян.

С докладом о писательнице Те Нин, представляющей реалистическое направление в современной китайской литературе, выступила аспирантка ИДВ РАН Г.Б. Корец, охарактеризовавшая основные темы творчества писательницы с 1970-х по 1990-е гг. Доклад младшего научного сотрудника ИДВ РАН А.Н. Коробовой был посвящен произведениям Фэн Цицай, в творчестве которого большую роль играет тема "культурной революции". Аспирантка ИДВ РАН Е.К. Шулунова посвятила свое выступление символике образов Ван Мэна.

Об основных литературных течениях и тенденциях в современной китайской литературе говорили М.А. Агаронова (СПбГУ) — "Влияние зарубежной литературы на творчество китайских писателей-авангардистов (80-е годы XX века)" и аспирантка ИДВ РАН Е.А. Завидовская — "Специфика развития китайской литературы конца 1980-х — начала 1990-х гг.: литературный постмодернизм, реализм и традиция".

Особо хочется отметить столь характерную для Восточного факультета СПбГУ конструктивную и благожелательную атмосферу, в которой проходили оживленные, подчас неформальные дискуссии.

Собравшиеся дали высокую оценку деятельности оргкомитета, отметив особую роль А.А. Родионова и А.Г. Сторожука. Замечателен высокий уровень организации конференции, собранной в стенах СПбГУ и молодых участников, и таких корифеев китаеведения, как Л.Н. Меньшиков, Е.А. Серебряков, Б.Л. Рифтин, В.Ф. Сорокин, Н.А. Спешнев. Выступавшие на церемонии закрытия высказали пожелание проводить подобные конференции на регулярной основе на Восточном факультете СПбГУ. Датой проведения следующей конференции был предложен 2006 год.

28 докладов конференции и 21 доклад семинара изданы в двух томах.

В Обществе российско-китайской дружбы

100-летие со дня рождения Дэн Сяопина

5 июля 2004 г. Общество российско-китайской дружбы, Институт Дальнего Востока Российской академии наук и Ассоциация китаеведов РАН провели торжественное собрание, посвященное 100-летию со дня рождения Дэн Сяопина — выдающегося государственного деятеля Китайской Народной Республики.

Гостями торжественного собрания были сотрудники Посольства КНР во главе с Полномочным министром Чэнь Гопином, аккредитованные в Москве представители средств массовой информации Китая, китайские аспиранты РАН.

Торжественное собрание открыл Председатель Общества российско-китайской дружбы, директор ИДВ РАН, академик М.Л.Титаренко.

Назвав Дэн Сяопина в своем вступительном слове выдающимся государственным и политическим деятелем КНР, архитектором китайских реформ, М.Л.Титаренко подчеркнул его исключительные организаторские способности, проявившиеся как в годы борьбы за победу народной революции, так и в период строительства нового Китая. Выдающийся революционер-прагматик Дэн Сяопин, по словам М.Л.Титаренко, заложил основы нового подхода партии китайских коммунистов к социализму, позволившие создать концепцию социализма с китайской спецификой. Он выдвинул курс политической самостоятельности и независимости в опоре на собственные силы, в сочетании реформ с политикой открытости.

"Мы, активисты Общества российско-китайской дружбы, — сказал М.Л.Титаренко, — чтим память Дэн Сяопина, так как он выступил инициатором нормализации советско-китайских отношений, отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, он предложил мудрое решение: закрыть прошлое и открыть будущее наших отношений. Сегодня это будущее закреплено в российско-китайском Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подтвердившем, что стратегическое партнерство и взаимодействие наших стран гарантирует мирную обстановку не только для будущего развития и сотрудничества России и Китая, но и Восточной Азии и мира в целом".

С докладом на торжественном собрании выступил руководитель Центра современной истории и политики Китая ИДВ РАН Д.А.Смирнов.

В докладе были подробно проанализированы сформулированные Дэн Сяопином ключевые теоретические и программные положения стратегии реформ и открытости.

Целью политики модернизации и реформ должно стать выведение Китая к середине XXI века на уровень среднеразвитых государств по производству на душу населения и обеспечение на этой основе всеобщего благополучия граждан. Путем достижения этой цели является ускоренный рост экономического потенциала, его качественное обновление и повышение эффективности на базе современных научно-технических знаний. Государственной основой модернизации Дэн Сяопин назвал социализм с китайской спецификой, начальная стадия которого должна продлиться до середины XXI века. При этом экономическая реформа, являющаяся приоритетной составляющей политики модернизации, согласно теории Дэн Сяопина, невозможна без реформы политической системы, превращения Китая в современное правовое государство с социалистической духовной культурой, "управляемое на основе закона".

Докладчик обратил внимание на то, что в процессе разработки стратегии модернизации Китая Дэн Сяопином была пересмотрена прежняя концепция развития современного мира. Мир и развитие были названы им основными тенденциями современных международных отношений, сохранение которых является внешней гарантией успешного развития КНР. Эта концепция привела и к нормализации советско-китайских отношений.

В докладе подчеркивалось, что программа модернизации Китая, разработка которой велась Дэн Сяопином с использованием метода "переходить реку, нащупывая камни", была всецело подчинена задаче наращивания комплексной государственной мощи и улучшения жизни народа. Специфика китайского пути социалистической модернизации, проложенного Дэн Сяопином, заключается, по мнению докладчика, в совмещении экономического либерализма с твердой авторитарной политической властью.

Двадцатипятилетний опыт осуществления реформ и политики открытости, архитектором которых был Дэн Сяопин, убедительно показал правильность для Китая созданной им теории, которая не только всегда подтверждалась на практике, но и обеспечила стране поступательное развитие.

На торжественном собрании выступил полномочный министр Посольства КНР в РФ Чэн Гопин.

Поблагодарив организаторов мероприятия от имени Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ Лю Гучана, он подчеркнул, что проведение Обществом российско-китайской дружбы и Институтом Дальнего Востока РАН торжественного собрания, посвященного 100-летию со дня рождения Дэн Сяопина, имеет огромное значение и является свидетельством не только глубокого уважения, которое испытывают в России к личности Дэн Сяопина, но и проявлением дружеских чувств россиян к Китаю и китайскому народу.

Письмо в редакцию

Отклик на публикацию статьи Ныровой Н.Н.

Китайские компании приграничной торговли и их место в международной преступной деятельности // ПДВ. 2004. № 1

В первом номере журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 2004 г. была опубликована интересная и актуальная статья под названием "Китайские компании приграничной торговли и их место в международной преступной деятельности". Редакция журнала придерживается хорошей традиции — публиковать работы начинающих провинциальных ученых, но уже являющихся опытными специалистами-практиками в сфере российско-китайских отношений. В качестве примера можно привести публикацию в 2003 г. работ Александра Петровича Тарасова (недавно была издана в Чите и монография: Тарасов А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: РИС ЗабГПУ, 2003. 432 с.). Теперь на суд читателей редакция представила работу преподавателя китайского языка, аспиранта, юриста-международника и администратора-практика из Хабаровска Натальи Николаевны Ныровой.

Необходимо сразу же отметить, представленная работа выполнена основательно, работа действительно выполнена юристом-международником, хорошо разбирающимся в хитросплетениях русско-китайской приграничной торговли. Однако из заявленного названия можно было бы предположить, что основной проблемой исследования является "место в международной преступной деятельности" китайских компаний приграничной торговли. Тем более, работа выполнена "по программе малых грантов Владивостокского Центра по изучению организованной преступности". Но этой проблеме посвящена лишь одна из трех глав работы, составляющая и по объему треть всей публикации.

Статья представляет особую ценность не только тем, что написана специалистом-практиком, но ее автор живет и работает в Хабаровске, в административном центре крупнейшего пограничного с Китаем региона и всего Дальневосточного федерального округа. Коллеги из других регионов, естественно, надеются получить наиболее полную информацию и анализ проблем именно по Хабаровскому краю и всему Приамурью.

Однако автор часто приводит примеры по другим территориям, опуская данные и характеристики относительно своего региона. Например, в параграфе 3.2. говорится о Черкизовском рынке Москвы и о "Шанхайке" в Иркутске, говорится о численности китайских ресторанов в Москве, но нет аналогичных данных по городам Дальнего Востока.

Особый интерес для читателя представляет параграф "Незаконная миграция, изготовление фальшивых документов". Тема эта очень популярна, пишут о ней кто угодно, поэтому данные специалиста как нельзя кстати. Однако из статьи можно узнать лишь, что: "По ориентировочным данным Федеральной миграционной службы (по данным спецслужб) только просторы Сибири и Дальнего Востока России по настоящее время помогли "потеряться" примерно одного миллиону китайских граждан" [с. 102]. Опять "просторы", данные Федеральной миграционной службы "ориентировочные", без всяких ссылок. Непонятные заскобочные спецслужбы, то ли миграционная служба сама является "спецслужбой", то ли у Федеральной миграционной службы нет абсолютно никаких данных, кроме "ориентировочных данных спецслужб". Не понятен смысл слова "потерялись", то ли оставшиеся подпольно жить в России, то ли еще что. Далее, в статье приводятся две конкретные цифры — 607 задержанных в 2002 г. граждан КНР в Хабаровском крае за подделку документов (очевидно, имеется в виду проживавших или прибывших с поддельными документами) и 140 граждан Китая, ввезенных в начале 2003 г. одной липовой фирмой. Таким образом, получается, что из 1 млн. "потерявшихся" китайцев, в Хабаровском крае (где должно "потеряться" никак не меньше десятой части "потерявшихся"), удалось за год выявить 607 человек. Явный абсурд.

Не менее непонятным выглядит и следующее утверждение: "По мнению экспертов, на одного легально оформленного китайского рабочего приходится десять нелегально трудящихся, которые пытаются

осесть в России" [С. 103]. Во-первых, хотелось бы знать, кто скрывается за этими "экспертами". Кроме того, голословное утверждение, что практически все китайские рабочие в России "пытаются осесть" у нас, выглядит сколько-нибудь убедительным только для тех, кто никогда не касался вопросов истории китайской миграции в нашей стране. Серьезность работы и компетентность автора настраивают на то, что в параграфе 3.3 данной статьи будут приведены максимально полные данные по китайской миграции в Хабаровском крае, со ссылками на источники. К сожалению, ничего этого здесь нет, автор дает повод читателям поставить под сомнение обоснованность других, кажущихся вполне убедительными тезисов.

Есть вопросы к автору статьи по ряду других тезисов. В параграфе 3.5 говорится о преступлениях китайцев в поездах сообщением "Москва-Пекин", но не говорится о дальневосточных маршрутах. Говорится о "вооруженном сопротивлении силам правопорядка", но не приводится ни одного факта, или это уже настолько обычное явление в нашей стране, что примеры излишни. В статье, непонятно в связи с чем, говорится об "упрощении режима съезда китайцев на нашу территорию" [с. 98].

Вызывает недоумение, почему в своей работе Н.Н.Нырова не упоминает никаких исследований по данной проблематике, в значительном числе появившихся в последние годы. Автор неоднократно обращается к общим оценочным цифрам, пишет про разные регионы, ссылается на "экспертов". Совершенно не понятно, почему в сносках нет таких имен, как И.Рогачев, В.Гельбрас, В.Ларин, А.Ларин, В.Дятлов, не упоминаются и работы исследователей из Благовещенска, Хабаровска, Владивостока, опубликованные в различных местных сборниках, нет ссылок на статьи по данной проблематике, публиковавшиеся и в данном журнале.

Несмотря на отмеченные недостатки, рассматриваемая статья важна и интересна. Н.Н.Нырова не только освещает многие вопросы и факты современного состояния российско-китайских отношений, но и акцентирует внимание на ряде проблем, которые редко поднимаются в "солидных изданиях". Например, автор совершенно справедливо пишет про то, что "слабость и неподготов-

ленность российской стороны (в первую очередь государственных структур управления внешней торговли) продолжает иметь место" [с. 100]. Можно было бы привести примеры, когда наши мэры подписывали соглашения о дружбе с китайскими городами, не зная названий и места нахождения этих городов. Освещена другая проблема, когда иностранных частных торговцев российское законодательство относит к категории рабочих. Непрофессионализм и коррупция чиновников привели к тому, что китайцам отдаются те сектора экономики, которые привлекательны и для российских граждан. Отмечается еще одна проблема, — сотрудничество с лидерами китайских диаспор на местах "приводит к усилению коррупционных связей китайских диаспор с органами правопорядка и местными структурами власти, развращая их" [С. 109].

В заключение хотелось бы отметить, что автор в качестве основной ставит проблему: "Роль и место китайских компаний приграничной торговли в международной преступной деятельности". Вывод, самый что ни на есть жизненный, роль и место их может быть самой разной. Но по тексту и в заключении автор все время рассматривает проблему китайской экспансии в России. И однозначного вывода, способствует ли международная преступная деятельность китайской экспансии, препятствует ей или не оказывает серьезного влияния, так и не был сделан. А в последнем абзаце заключительной части статьи говорится лишь о том, что с "местных компаний малой приграничной торговли" эта самая китайская экспансия и началась. Тогда при чем здесь преступность?

В статье Н.Н.Ныровой поставленных вопросов явно больше, чем найденных ответов. Очевидно, такая ситуация отражает современное состояние отечественной науки и общее неопределенное и противоречивое положение в российско-китайских отношениях. Несомненно, чем больше будет подобного рода публикаций, тем быстрее удастся восстановить объективную картину, разобраться в поставленных проблемах, что, в свою очередь, позволит российской стороне проводить более грамотную политику в отношении своих восточных соседей.

*В.Дацышен,
доктор исторических наук
(Красноярск)*

Рецензии

**Эбата Кэнсуке. 2015 сэкай-но фунсо ёсоку
[Прогноз конфликтов в мире до 2015 года].
Токио: Дзидзи цусинся, 2001. 266 с. (на яп. яз.).**

Автор книги, К.Эбата — специальный корреспондент английского журнала "Джейнс дифенс уикли", прогнозируя возможные конфликты в мире до 2015 г., несомненно, ориентировал свою работу не столько на специалистов в сфере обеспечения безопасности, сколько на широкий круг японских читателей. Об этом можно судить как по содержанию книги, так и по стилю ее изложения. Богатый фактический материал не сопровождается привычными для научных изданий подробными ссылками на источники. Тем не менее, общее представление о его происхождении указывается, причем с собственным суждением о степени достоверности приводимых данных. Популярно трактуются различные доктрины и разъясняются специфические термины.

Книга состоит из двух частей. Первую часть ("Прогноз конфликтов в мире до 2015 года") можно практически рассматривать как своеобразное введение, готовящее читателя к восприятию суждений автора, излагаемых во второй части книги ("Условия обеспечения безопасности в Азии"), в которой рассматриваются проблемы, особенно волнующие японское общество и вызывающие в нем острые споры.

Эбата считает, что по меньшей мере до 2010 г., — начало XXI века, — будет временем нестабильности. Глобализация, ускоряемая внедрением достижений в сфере информационных технологий, содействует экономической интеграции, преодолению государственной обособленности. С другой стороны, с окончанием холодной войны одновременно усиливаются тенденции в направлении самостоятельности, самоопределения общностей на основе национальности и религии. Вместо ожидавшегося установления однополярной структуры во главе с США или США и Европы мир становится многополярным,

и эта тенденция усиливается. "С продвижением глобализации в экономике и многополярности в политике в мире возрастает нестабильность и неопределенность" (с. 17).

Массированные бомбардировки авиацией НАТО Югославии, "не представлявшей непосредственной угрозы, с номинальной целью защиты прав человека", явились поправкой основополагающего в международных отношениях принципа уважения государственного суверенитета или более понятного принципа невмешательства во внутренние дела. "Независимо от того, хорошо это или плохо, нельзя отрицать факт внесения в международную политику, международные отношения нового взгляда на существующие ценности" (с. 18).

Автор прогнозирует дальнейшее увеличение влияния США в международных отношениях, сохранение их экономического и технологического лидерства, и на этой основе военного превосходства, чему способствует и процесс мировой глобализации.

Экономика Азиатско-Тихоокеанского региона, несмотря на ее взлеты и падения, обретет значение центра мировой экономической системы, а, следовательно, увеличится и политическое влияние этого региона. В особенности усиливается влияние Китая, что неизбежно вызовет его трения и раздоры с США. Автор отмечает сложность уверенного прогнозирования будущего политической системы Китая. "Если же нынешняя система сохранится (власть к этому максимально стремится), то это станет серьезным фактором нестабильности в АТР и Южной Азии: чтобы сдержать тенденции к демократизации, порождаемые экономическим развитием, пекинское правительство будет способствовать усилению национализма и стремиться к наращиванию своего военного

потенциала. Это приведет к росту озабоченности в Японии, США, Индии, будет способствовать усилению японо-американской системы обеспечения безопасности" (с. 20).

Приветствуя европейскую интеграцию, автор полагает, что неудача этого процесса приведет к росту национализма, появлению вакуума силы, неустойчивости в Восточной Европе и на Балканах. Вакуум силы потенциально могут заполнить Германия или Россия.

Однако у России "возможность осуществить экономическую перестройку до 2015 г. весьма мала", скорее "движение пойдет в сторону снижения ее международного влияния". Ожидается также "увеличение противоречий" между славянским и мусульманским населением (с. 22-23).

В книге рассматривается проблема увеличения разрыва в уровне экономического развития и материального благосостояния между государствами, использующими достижения революции в информационных технологиях и готовыми к углубляющемуся процессу глобализации, и странами, такими возможностями не обладающими. Автор отмечает также и такие новые явления, как выход на арену международной политики негосударственных факторов (неправительственных организаций) и возникновение возможностей для реализации элементов непосредственной демократии. Большое место уделено анализу основных причин, вызывающих конфликты, к числу которых автор относит рост населения Земли и сопутствующую ему миграцию, а также неравномерность распределения продовольственных, водных, энергетических, особенно углеводородных, и других стратегических минеральных ресурсов.

Книга вышла в канун террористической акции, совершенной в сентябре 2001 г. в Нью-Йорке. Тем не менее автор имел достаточно оснований акцентировать в отдельной главе внимание на возрастающей опасности терроризма, становящегося основой практики "транснациональных террористических преступных организаций, которые действуют солидарно, выходя за пределы государственных границ". Отмечено многообразие террористических группировок, прикрывающихся политическими, национальными, религиозными лозунгами и поддерживающих связь с другими международными преступными организациями в сфере наркобизнеса, похищения людей, нелегальной

переброски мигрантов, морского пиратства.

Первая часть книги завершается изложением взглядов автора на формы вооруженных конфликтов XXI века. Во-первых, сокращаются возможности широкомасштабной ядерной войны и, напротив, возрастает вероятность локальных ядерных войн. Такой вывод аргументируется обзором состояния разработок ядерного оружия во многих странах мира. Во-вторых, развитые страны, прежде всего США, делают ставку на победу с применением обычных вооружений, созданных на основе достижений "революции в военном деле", а не ядерного оружия. Первое предствление о таких неядерных формах и способах вооруженной борьбы родилось в России, но на практике эта идея осуществлена в вооруженных силах США и ее эффективность первоначально доказана в 1991 г. в ходе войны в Персидском заливе. В связи с этим естественно ожидать асимметричного ответа со стороны потенциального противника, не располагающего столь же мощным военно-техническим потенциалом и финансовыми возможностями. Такой противник "будет избегать прямого столкновения, усилит борьбу в тех сферах, где войска, оснащенные на базе новейших технологических достижений, не имеет преимуществ, использует все доступные ему возможности для вывода из строя инфраструктуры и нанесения максимального ущерба, в том числе потерь в живой силе, включая гражданское население" (с. 97).

Во второй части книги автор переходит к конкретному обзору обстановки и прогнозу возможных конфликтных ситуаций на сопредельных Японии пространствах, ставя при этом целью определить алгоритмы поведения Японии в различных сценариях будущего развития событий. Внимание автора сосредоточено на пяти темах: "северные территории", "смягчение напряженности на Корейском полуострове", "проблемы Китая и Тайваня", "американская стратегия в Восточной Азии", "Южно-Китайское море и опасность, связанная с деятельностью преступных организаций".

Прежних рассуждений о "военной угрозе" с Севера, иначе говоря со стороны Советского Союза (России), ныне в Японии уже не слышно. Однако, как и раньше, а в некотором смысле и с большей надеждой на уступчивость российской стороны, выдвигаются требования "возвратить северные острова", то есть принад-

лежащие России острова Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан. Автор книги обращается к проблеме "северных территорий", пытаясь уяснить степень вероятности ее разрешения путем рассмотрения с редкой для японцев точки зрения обеспечения безопасности дальневосточных рубежей России.

В условиях жесткого "противостояния Запада и Востока", отмечает Эбата, у Советского Союза не было оснований для "возвращения северных территорий". Позже в Японии выдвигались "односторонние желаемые прогнозы", строившиеся на фактах перемен в международной обстановке, разрушения Советского Союза как великой военной державы. Многие из этих прогнозов строились исходя из учета тяжелого экономического положения России, которое создавало у руководства Японии иллюзию возможности решения проблемы на японских условиях в обмен на предоставление экономической помощи. Такой подход не учитывает российских реалий. "Россия, не раз подвергавшаяся агрессии, граничит со многими странами, имеет много внутренних национальных проблем, находится постоянно под воздействием факторов, требующих заботы о единстве и стабильности в стране" (с. 114, 115).

Анализ военной доктрины и нынешнего состояния вооруженных сил России приводит автора к выводу о повышении в российской политике обеспечения безопасности значения фактора ядерного оружия. Более того, он отмечает, что в условиях "сокращающегося у нее выбора средств доставки ядерного оружия возрастает роль Тихоокеанского Флота, особенно его стратегического компонента, морских стратегических ядерных сил. Отсюда возникает необходимость для России "рассматривать Охотское море в качестве некой священной зоны", недоступной для иностранных противолодочных сил и подводных лодок (с. 135).

Если же, помимо возвращения Хабомаи и Шикотана, японской территорией станут также острова Кунашир и Итуруп, то пролив Екатерины будет доступен для захода в Охотское море американских военных кораблей, включая подводные лодки, причем последние смогут проходить туда скрытно, в подводном положении. "Конечно, и Советский Союз признавал, и Россия признает открытым Охотское море в мирное время. Но легко предположить, что в чрезвычайной обстановке

Россия попытается сделать его недоступным для иностранных военных кораблей" (с. 137). Важность "четырёх северных островов" для обеспечения безопасности России сохранится и в том случае, когда упадет необходимость использовать Охотское море как зону боевого патрулирования атомных подводных лодок с баллистическими ракетами.

Таким образом, "Россия не может отказаться от четырех островов, по крайней мере, она никогда не отдаст Кунашир и Итуруп". Поэтому продолжение прежних японских претензий на право владения ими приведет к такому же результату, как и территориальные требования других стран в отношении островов Такесима и Сэнкаку. "Если японская сторона, — пишет Эбата, — не выдвинет реалистического проекта, учитывающего российские интересы безопасности, Москва на компромисс не пойдет" (с. 141, 142).

Не ставя своей целью разработку конкретного "конструктивного" плана, автор тем не менее "в качестве примера" излагает план передачи Японии права на владение Кунаширом и Итурупом на условиях их исключительного экономического развития, без размещения японских сил самообороны и развертывания американских военных баз, а также установления контроля над проливом Екатерины со стороны какого-либо межгосударственного органа. Впрочем, Эбата тут же признает, что и такая модель вряд ли допустима для обеих стран.

"Совершенно очевидно, что, если Япония будет требовать возвращения северных территорий, не думая о реалистических проектах с учетом обеспечения безопасности России, передача ей четырех островов окажется невозможной. Изначально следует прежде всего определить принципиальную стратегию в отношении России" (с. 143).

Ни с геополитических позиций, ни по экономическим причинам, полагает Эбата, Россия, независимо от формы ее политической системы, не изменит принципиального стремления обеспечить свой доступ в Тихий океан. Это противоречит интересам Японии, США и других стран, которые связывают свое экономическое благополучие с указанным регионом. Но разговоры о необходимости поставить заслон выходу России на просторы Тихого океана могут привести к конфликтным ситуациям. Следовательно, лучшей моделью поведения является разработка и

принятие мер для того, чтобы такие противоречия не усиливались (с. 143).

Обращаясь к обстановке на Корейском полуострове, которая и до недавнего обострения неизменно оставалась напряженной и тревожила японцев, автор видит основную опасность в беспрецедентном для мирного времени сосредоточении на узком пространстве по обе стороны линии перемирия военных сил КНДР, Республики Корея и США. В таких условиях "один выстрел может привести к широко-масштабным боевым действиям." (с. 148).

Однако и после встречи лидеров Северной и Южной Кореи Ким Чен Ира и Ким Дэ Чжуна в июне 2000 г. никаких изменений в сторону повышения уровня безопасности не произошло. Ослаблению напряженности могла бы способствовать реализация мер доверия, но "Северная Корея отказывается проявить позитивное отношение к такого рода действиям" (с. 156).

Автор отмечает сохранение курса руководства КНДР на дальнейшее укрепление вооруженных сил и дает на основе разнообразной информации собственную оценку реальных возможностей и предназначения разрабатываемого в этой стране ядерного оружия и средств его доставки в виде баллистических ракет, а также степени его угрозы непосредственно для Японии. По его мнению, ракету типа "Нодон" можно рассматривать как оружие для нанесения удара по Японии, а более точно — по американским военным базам на ее территории. Вместе с тем автор отмечает, что поражающие возможности ракеты в обычном оснащении остаются весьма незначительными, вероятность и ее использования в качестве средства доставки ОМП, т.е. боеголовок в ядерном, бактериологическом, химическом оснащении так же остается весьма низкой. Главная опасность наличия баллистических ракет у Северной Кореи состоит в психологическом воздействии на общественное мнение Японии. Если "несколько ракет упадет в Японское море, многие японцы будут думать, что упадут они и на их головы, поскольку Япония предоставляет свою территорию для размещения американских военных баз. В связи с этим, существует возможность возникновения в стране атмосферы, побуждающей к отказу от военного сотрудничества с США" (с. 164).

Значительное место в книге отведено проблеме объединения двух корейских государств. Автор указывает факторы, затрудняющие ее разрешение. Среди внут-

ренних, помимо различия политических систем, особое внимание обращается на громадный разрыв в уровне экономического развития КНДР и Республики Корея. Одномоментное объединение в этой связи чревато многочисленными коллизиями, начиная с массовой миграции населения с Севера на Юг. "Республика Корея, — заключает автор, — должна идти к объединению поэтапно, поднимая экономику Севера, сокращая уровень экономического разрыва" (с. 171).

Эбата признает, что препятствием для движения в сторону объединения является позиция администрации Буша" (с. 169). Тем не менее, в характеристике внешних факторов, препятствующих объединению Кореи, его внимание концентрируется исключительно на роли КНР и Российской Федерации. Он утверждает, что "с геополитических позиций и Китаю, и России выгодно сохранение нынешнего положения на Корейском полуострове" (с. 173).

В случае объединения Китай будет граничить с либеральной страной, возникнут национальные проблемы при обменах с более, чем одним миллионом корейцев, проживающих на северо-востоке Китая. А для России "при рождении на Корейском полуострове единого государства с сильным американским влиянием продвижение на Тихий океан будет полностью перекрыто Японскими островами и Корейским полуостровом. Это означает серьезное препятствие для развития Сибири, экономического возрождения всей России. Какой бы демократической страной ни стала Россия, возникновение единого демократического государства на Корейском полуострове ее интересам не отвечает" (с. 173).

Считая маловероятным рождение объединенной Кореи в краткосрочной перспективе, автор тем не менее поднимает проблему сохранения американского военного присутствия и при таком развитии событий. Решение США по этому вопросу, считает Эбата, будет приниматься, исходя из общей американской стратегии в АТР, но сохранение американских войск в Корее таит опасность трений с местным населением (наблюдающихся уже и в настоящее время), тем более, что антиамериканские настроения среди корейцев сильнее, чем в Японии.

Самая объемная глава книги посвящена "проблеме Китая и Тайваня". В ней рассматриваются американская политика в отношении КНР, состояние и тенденции развития китайских вооруженных сил, их

возможности в случае попытки силового присоединения Тайваня и степень готовности Тайваня к ее отражению собственными силами и при американской поддержке.

Следует отметить, что Эбата фактически приветствует поворот администрации Буша к более "твердой" политике в отношении Китая. Прежняя "невнятная" позиция США относительно Тайваня "на практике почти не имела смысла. Можно сказать, что существовала опасность ввести Пекин в заблуждение по поводу намерений США". Автор уверен в том, что "в случае военной акции Китая против Тайваня США должны оказать последнему военную помощь или непосредственно стремиться к этому" (с. 179).

По мнению автора, модернизация китайских вооруженных сил "отстает от западных стандартов", в ней наблюдается много "бесполезного и малоэффективного". Тем не менее, непреложным фактом является серьезное увеличение военной мощи Китая. Из этого делается вывод о том, что для приграничных с КНР стран "самым настораживающим сценарием" станет сохранение нынешних тенденций в развитии Китая (с. 196).

Эбата прогнозирует возникновение реальной угрозы для Японии и Тайваня, если нынешний курс Пекина сохранится, а модернизация и усиление вооруженных сил Китая будет продолжаться в нынешнем темпе. Примерно к 2015 г. Китай будет обладать военной мощью, обеспечивающей ему успешное проведение операции по вторжению на Тайвань. Однако это не означает, что китайская военная угроза Тайваню и Японии немедленно станет реальной. Уровень угрозы захвата Тайваня во многом снизится, если США окажут военную поддержку Тайваню и будут продолжать действовать японо-американский договор безопасности. Даже если США будут только помогать в укреплении военно-воздушных и военно-морских сил Тайваня, Китай не сможет завоевать превосходства в воздушном и морском пространстве Тайваня. Наиболее уязвимым местом Японии станут ее коммуникации в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях (с. 197-198).

В заключительном разделе главы Эбата выражает обеспокоенность наличием среди японцев людей, которые "не видят причастности Японии к тайваньской проблеме" и высказываются за разрыв союза с США, чтобы предотвратить возможные военные акции КНР против Япо-

нии. Однако, по его мнению, существование американских военных баз на территории Японии и возможность беспрепятственного их использования вооруженными силами США является фактором, сдерживающим китайское вторжение на Тайвань. Мы, японцы, сами должны принимать решения, исходя из существующих реалий и определить, что является главным с точки зрения обеспечения безопасности Японии и Азии" (с. 217).

Специальная глава отведена определению места Японии в американской военной стратегии в Восточной Азии. В условиях расширяющихся экономических связей США со странами Восточной Азии стабильность, необходимая для американского экономического присутствия в этом регионе, полагает Эбата, должна поддерживаться их военным присутствием. Это необходимо в силу не только удаленности региона от США. Присутствие здесь американских войск имеет "большое психологическое значение". Оно "дает возможность проводить совместные учения с вооруженными силами стран региона, позволяет осуществлять активный обмен информацией, служит установлению взаимного доверия" (с. 233, 234).

С точки зрения обеспечения безопасности и стабильности в АТР важную роль, — отмечает Эбата, — играет размещение американских войск в Японии, а так же их 36-тысячной группировки в Южной Корее, предназначенной для сдерживания КНДР. Но среди американских союзников в Восточной Азии именно Япония обладает самым передовым техническим потенциалом и развитой транспортной инфраструктурой, которые могут сыграть решающую роль в обеспечении операций американских войск. Особое значение имеет присутствие американских войск на Окинаве, "почти в центре Восточной Азии", в радиусе до 2000 км от которой "находятся зоны потенциальных конфликтов: Корейский полуостров, Тайвань, Филиппины, Южно-Китайское море" (с. 226).

У США, отмечает Эбата, нет реальных оснований для радикального сокращения своих военных сил в АТР, в особенности в Японии. Не приведет к значительному сокращению американских войск в Японии, на Окинаве и акцент США на использовании достижений революции в военной сфере, их способность уничтожать новые объекты вероятного противника с дальних дистанций с применением высокоточного оружия. "Японцам

лучше не питать иллюзий относительно сокращения американских войск в Японии. Напротив, следует ожидать, что США будут настойчиво требовать от Японии не только оказания поддержки своим войскам, но также самостоятельных или совместных с американскими силами активных действий в интересах обеспечения стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе" (с. 241,242).

В последней главе автор поднимает вопросы, касающиеся зависимости безопасности прохода японских танкеров от обстановки в Индонезии, необходимости налаживания активного взаимодействия между странами АТР в интересах противодействия морскому пиратству, рассматривает проблему принадлежности островов Спратли. Он также высказывает надежду на то, что Япония прекратит прикрываться щитом своей конституции (запрещающей участие в военных действиях) и сможет направлять собственные вооруженные силы для выполнения миротворческих миссий, в том числе и при возникновении конфликтов в Южно-Китайском море.

В послесловии автор еще раз повторяет неоднократно звучавший в его книге призыв к самостоятельным действиям Японии в целях ее выживания в совре-

менном неустойчивом мире. "Прошло время, когда можно было получить гарантии безопасности и обеспечивать собственное благополучие, находясь в фарватере американской политики. Теперь не только США, но и весь мир ожидает, что Япония будет играть собственную роль в мире и будет действовать по собственному разумению и под свою ответственность" (с. 226). Автор высказывает пессимистический взгляд на роль и возможности ООН в деле обеспечения мира и безопасности как в глобальном масштабе, так и в регионах. Он также высказывает опасения в связи с возможностью утраты Японией доверия и поддержки США как могущественного союзника. Это проявилось и в недавней его статье, касающейся дискуссии о направлении японских военнослужащих в Ирак (Емиури симбун. 2003. 13 декабря). Признав причиной нынешнего нестабильного и опасного положения в Ираке "бесцеремонные планы министерства обороны США по оккупации страны", К. Эбата заявляет о "нереалистичности" восстановления Ирака под руководством ООН, указывает, что, кроме США, никто не обладает для этого достаточными возможностями, а потому и Японии недопустимо колебаться в оказании поддержки США в Ираке.

© 2004

*А.Сенаторов,
кандидат исторических наук*

Россия и АСЕАН (Тематический сборник) М.: Научная книга, 2004. 234с.

Авторами тематического сборника "Россия и АСЕАН" являются крупные специалисты по азиатской проблематике, работники МИД России, Дипломатической академии, люди весьма компетентные, неоднократно бывавшие в странах Юго-Восточной Азии, владеющие языками, знающие особенности, политику, экономику, культуру региона, умеющие анализировать сложные процессы и давать прогнозные оценки.

В российских книжных магазинах книги по азиатской проблематике (имеются в виду международные политические и экономические отношения) появляются нечасто и сразу раскупаются. Специалистам интересно, как развиваются страны ЮВА, Китай, каких успехов достигли АТЭС и АСЕАН, на какой стадии реализации находятся проекты ЭСКАТО. Однако вернемся к рецензируемой книге.

В августе этого года исполняется 37 лет со дня образования Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Но не будем забывать, что в первой половине 1960-х гг. были предприняты две попытки создания региональных организаций — Ассоциации Юго-Восточной Азии (АСА) в 1961 г. и МАФИЛИНДО (по названию стран-участниц — Малайзия, Филиппины, Индонезия) в 1963 г. Несмотря на то, что опыт первых двух объединений оказался неудачным по причине многочисленных противоречий между их участниками, тем не менее в августе 1967 года в Бангкоке АСЕАН была создана и вот уже почти четыре десятка лет действует на пространстве в три часовых пояса, охватывая Индокитай и несколько архипелагов. Сегодня в АСЕАН входят страны с населением в 500 млн. человек, с ВВП в 570 млрд.долл., экспортирующие товары на сумму в 366 млрд.долл. и импортирующие — на 322 млрд.долл. (данные 2002 г.).

На протяжении последних полутора десятков лет, в период, когда мир окончательно трансформировался из двухполярного (СССР-США) в однополярный, Россия предпринимала усилия и попытки найти свое новое, достойное место в мировой системе координат. Не обошлось без присутствующего нам шаха, стремления

подстроиться под всякие модели развития, заявлений о себе как о великой державе без подкрепления их реальными результатами и достижениями. Страна то стремилась американизироваться, то вектор действий перенацеливался на сотрудничество с Европой.

Однако зачастую просто забывалось, что Россия — это евроазиатская страна, и для нее интеграция в азиатское экономическое пространство также важна, как и в европейское. Если посмотреть на карту мира, на сегодняшний политический расклад сил, то вряд ли кто-либо будет отрицать, что влияние на Россию со стороны Европы сильнее, чем со стороны мощных дальневосточных соседей — КНР, Японии, Южной Кореи. Про интеграцию России в европейское экономическое пространство написано много. Созданы реальные механизмы сотрудничества с Евросоюзом, происходит определенная координация в торговле, в финансовых делах.

Но это взгляд из Москвы, из европейской части. А каково видение тех, кто хорошо чувствует обстановку в Азии? А что на нашем дальневосточном фланге? Где там мы можем реально вписаться в идущие процессы? Собственно на эти вопросы и пытаются ответить авторы рецензируемого издания, конечно, в контексте взаимоотношений России и АСЕАН.

Директор Департамента общеазиатских проблем МИД России А.А.Иванов, рассматривая в историческом ракурсе почти сорокалетний период сотрудничества, отмечает совпадение или сходство позиций России и стран АСЕАН по большинству актуальных региональных и международных проблем (с. 10-11).

Посол России в Лаосе Ю.А.Райков, известный специалист по Юго-Восточной Азии, особенно подробно касается проблемы безопасности в наших взаимоотношениях, анализирует механизм и практику российско-асеановского взаимодействия, представляет общую картину партнерских связей.

Оценивая место России в региональной экономике сквозь призму внешней среды, указывает Ю.А.Райков, мы нередко забываем, что большинство нынешних

проблем тесно связано с нашей внутренней экономической ситуацией: в 1990-е гг. ресурсы и возможности России существенно сократились. Это, в свою очередь, сдерживает в зоне АСЕАН инициативу и активность российского бизнеса, для которого также характерны слабое знание рынка и инвестиционных возможностей стран ЮВА, отсутствие стратегического видения и боязнь вкладывать капиталы на долгосрочной основе.

Посол, отлично знающий обстановку, справедливо отмечает: "Наши предприниматели нередко осуществляют деловые связи с партнерами, ориентируясь, прежде всего, на сиюминутную коммерческую выгоду, мало задумываясь о создании благоприятных условий для работы на рынках ЮВА на перспективу, что, безусловно, не способствует продвижению экономического сотрудничества с Ассоциацией" (с.17).

Интересны рассуждения авторов сборника об интеграционной проблематике, о роли Асеановского регионального форума. На этом акцентирует внимание В.П.Федотов, специалист-китаевед, длительное время работающий "на дальневосточном направлении".

В.П.Федотов также анализирует подходы США к Асеановской проблематике, комментируя высказывания известного американского политолога М.Пиллсбери, и останавливается на позиции КНР с учетом мнения китайских специалистов (с.40-42).

Размышляя о проблемах интеграции, авторы статей, помещенных в сборнике, проецируют их на возможное "российское поле". Они отмечают, что дает о себе знать в разных формах назревшая восточноазиатская интеграция, пробивающаяся сквозь все американские стяжки и конструкции в АТР, что у идеи восточноазиатского форума в Китае, Японии, Южной Корее много сторонников.

Из материалов сборника следует, что после кризиса 1997 г. получает развитие интеграционный процесс "10+3", в ко-

тором участвует асеановская десятка плюс КНР, Япония и Южная Корея и в рамках которого обсуждаются не только экономические, но и политические вопросы. И, если восточноазиатская экономическая интеграция станет фактом будущего, то Россия, так или иначе, окажется втянутой в ее сферу. Вопрос в том — на каких условиях. Важно уже сейчас в деталях себе это представлять, продумывать то, как могла бы Россия вписываться в жизнь различных восточноазиатских экономик, выторговывая, например, для себя выгодную роль транспортного перевозчика или доставая новейшие технологии. Именно выторговывая, потому что мы потеряли много времени, средств, людей и отстаем от восточноазиатских стран уже по многим параметрам.

Москве необходимо иметь, прежде всего, тщательно разработанную стратегию сотрудничества с КНР и другими странами Восточной Азии в области энергетики, но надо говорить не только о нефти и газе. У восточноазиатских стран, не очень богатых энергоресурсами, имеется необходимость перехода на атомную энергию. И в этом плане России стоит продумать оптимальный вариант ведения энергетических НИОКР и подготовки производственных мощностей.

В рецензируемом тематическом сборнике "Россия и АСЕАН" хотелось бы обратить особое внимание на раздел второй "Документы и материалы" (с.53-221), дающий возможность ознакомиться с содержанием девятнадцати документов по Асеановской проблематике, ибо исследователю Дальнего Востока всегда важно иметь под рукой документы для анализа, сравнения и аргументированных ссылок.

В целом же сборник "Россия и АСЕАН" представляется очень полезной и своевременной книгой для всех, кто интересуется проблемами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии и российской политикой в этих регионах.

Белов Е.А. Барон Унгерн Фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы 1920-1921 гг. М.: Аграф, 2003. 240 с.

Рецензируемая монография — уже четвертая из серии книг по проблемам истории отношений между Россией, Китаем и Монголией в первой трети XX века¹, опубликованных за последние годы, к сожалению, недавно ушедшим от нас известным российским китаеведом Е.А.Беловым. Его книги получили положительные отзывы не только в России, но и в Китае, Монголии и других странах.

Закономерно, что в процессе многолетнего и кропотливого изучения сложного и противоречивого комплекса взаимоотношений в российско-монголо-китайском треугольнике в начале XX века автор не мог пройти мимо такой неординарной личности, какой был барон Унгерн фон Штернберг. Как известно, в 1920-1921 гг. он сыграл немаловажную роль в событиях в Забайкалье, Приморском крае, Монголии и Северном Китае.

До недавнего времени в советской, российской и монгольской исторической науке Унгерн изображался прежде всего как белогвардейский генерал, командир Азиатской конной дивизии, агент японского империализма, ярый монархист, злейший враг революции, трудового народа России и Монголии, антисемит, виновник гибели многих сотен русских, евреев, монголов, китайцев и представителей других народов².

Казалось бы, об Унгерне написано столько, что уже трудно найти что-либо новое, неизвестное, существенное. Однако жизнь показывает, что это далеко не так. На каждом новом повороте истории одни и те же события и личности, как правило, высвечиваются по-новому, приобретают иную окраску, оцениваются под другим углом зрения.

В связи с преобразованиями, которые произошли в России и Монголии с начала 1990-х годов, крушением социализма и распадом СССР, в исторической науке наших стран начался и постепенно набрал силу естественный процесс пересмотра многих прежних исторических концепций и оценок. Неудивительно, что очередь дошла и до Унгерна.

Сильный толчок к возрождению интереса к личности Унгерна дал, на наш взгляд, исторический роман Л.Юзефовича "Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф.Унгерн-Штернберга)"³.

Новая волна "унгернианы" нашла отражение и в работах профессиональных историков, в том числе российских — С.К.Рощина,⁴ Е.А.Белова,⁵ С.Г.Лузянина⁶ и др., и монгольских — Ц.Батбаяра,⁷ С.Дамдинсүрэн⁸ и др.

Автор рецензируемой монографии не ставил перед собой задачу всесторонне исследовать и проанализировать все этапы и стороны жизни и деятельности барона. Е.А.Белов обратил внимание на то, что "в трудах советских и постсоветских историков об Унгерне есть неточности и ошибки концептуального и фактологического характера"⁹ и сосредоточился на них.

К несомненным достоинствам монографии прежде всего следует отнести стремление автора отойти от узкоклассового и одностороннего подхода к оценке исторических событий и личностей того времени, в том числе и Унгерна. Автор попытался по возможности объективно, непредвзято и последовательно проанализировать причины, цели, ход и результаты военных походов Унгерна и его дивизии в Монголии, раскрыть характер его идеологии и действий, причины популярности и поддержки со стороны части монголов, особенно на первом этапе, показать объективную роль Унгерна, даже вопреки его собственному желанию, в распространении революционных идей в Монголии и Северном Китае, причины его поражения, проследить сложное взаимодействие внешних и внутренних факторов.

Он опирается прежде всего на документы и материалы, хранящиеся в ведущих российских архивах (РГВА, РГВИА, АВП РФ, ГАРФ, РГАСПИ), на письма Унгерна (Е.Белов выявил и использовал около 50 писем, написанных бароном в адрес различных государственных, религиозных и военных деятелей России, Монголии и Китая, а также и полученных им самим), на протоколы допросов пленного барона, на материалы центральной и местной прессы того времени, на документы по истории советско-монгольских отношений.

Автор монографии сумел основательно разобраться в весьма сложных монгольских реалиях начала XX века, характере и расстановке внешних и внутренних политических, военных, религиозных и других сил, в особенностях русско-

монгольских и монголо-китайских отношений. Так, ему удалось проследить эволюцию отношения правящей верхушки и рядовых монголов к Унгерну и его дивизии: от восприятия Унгерна в конце 1920 г. как крупного российского военачальника, героя-освободителя от китайских оккупантов, спасителя богдо-гэгэна (главы монгольской буддистской церкви), адепта и защитника традиционных ценностей монголов и до массового разочарования в нем и других белогвардейцах, превратившихся в новую разновидность иностранной оккупации и ставших дополнительным тяжким бременем для экономики страны и простого народа уже в апреле-мае 1921 г.

К числу привычных стереотипов советской литературы об Унгерне Е.А.Белов относит известный тезис о том, что барон был агентом Японии. Он пишет, что основоположником этой концепции был Б.З.Шумяцкий, уполномоченный НКВД РСФСР в Сибири и Монголии в 1921 г., который играл одну из главных ролей в разработке и реализации политики Советской России и ДВР в отношении Монголии. Подобная точка зрения до недавнего времени доминировала также и в монгольской историографии.

В результате многолетних исследований Е.А.Белов пришел к выводу, что "Унгерн, находясь в Монголии с конца 1920 г. и по май 1921 г., не имел связи с Японией и не получал от нее никакой помощи" (с.8), что "нет никаких фактов, которые бы указывали на то, что японцы отправили Унгерна в Монголию... Унгерн принял самостоятельное решение идти в Монголию, находясь уже у ее границ" (с. 77-78).

До недавнего времени сам факт нахождения при штабе Унгерна большой группы японских офицеров и солдат (23 человека, в том числе 6 офицеров) рассматривался как одно из главных доказательств тесной связи Унгерна с Японией и важной роли японских советников. На основании изучения архивных материалов, в том числе документов штаба Унгерна, Е.А.Белов пришел к заключению, что на допросе 29 августа 1921 г. Унгерн, отвечая на вопрос Б.Шумяцкого о роли японцев в его штабе, по-видимому, сказал правду, сообщив, что они лишь числились при штабе, использовались для охраны его и других важных объектов дивизии и в городе Урге, но в состав штаба не входили и никакой роли при принятии решений не играли. При этом в качестве одного из решающих аргументов в пользу такой оценки Е.А.Белов ссылается на психологические особенности личности Унгерна, "которому не смели давать какие-либо

советы даже его ближайшие советники. Они боялись Унгерна как огня и делали только то, что он приказывал им делать".¹⁰

К аналогичным выводам о характере связей Унгерна с Японией и японцами во время его пребывания в Монголии пришли и некоторые другие современные исследователи, в том числе С.К.Рощин, Ц.Батбаяр, Л.А.Юзефович.

В связи с этим представляет интерес точка зрения монгольского историка Ц.Батбаяра, автора монографии "Монголия и Япония в первой половине XX века", который, в частности, пишет, что еще до вторжения Унгерна в Монголию японский советник атамана Семенова Куроки, отобрав из японских добровольцев около 50 человек и передал их в подчинение Унгерна. Они, естественно, стали "глазами и ушами" Куроки.¹¹ При вступлении дивизии Унгерна в Монголию в ее составе было около 50 японцев. После первого неудачного наступления Унгерна на столицу Монголии Ургу в конце октября 1920 г. большинство японцев сдались в плен китайским войскам. Остальные оставались с Унгерном до его окончательного поражения. Ц.Батбаяр отмечает, что в военном архиве Японии имеется докладная записка о допросе 24 японцев, прибывших в японское консульство в Цицикаре после разгрома войск Унгерна.¹²

Вместе с тем, по мнению Ц.Батбаяра, "мало оснований считать, что вторжение Унгерна в Монголию было инспирировано японскими военными. Дело в том, что после того, как они оставили Забайкалье большевикам, ввод войск в Монголию начал бы, что они упустили момент в военно-тактическом отношении. По-видимому, есть основания считать, что Унгерн, воспользовавшись провалом действий Семенова, решил попытать счастья самостоятельно, предприняв вторжение в Северную Монголию, последний оплот для возможного нанесения удара по Советской России".¹³ Иными словами, Ц.Батбаяр склоняется к точке зрения, что решение о вступлении в Монголию Унгерн принимал не по указанию японцев, а самостоятельно.

Таким образом, результаты исследований Е.А.Белова, С.К.Рощина и Ц.Батбаяра, основанных на изучении доступных российских, японских и монгольских архивов, в основном подтвердили правдивость показаний Унгерна, который на открытом суде 15 сентября 1921 г. в Новониколаевске (ныне Новосибирск), заявил, в частности, что, находясь в Монголии, он действовал самостоятельно, не был связан с Японией и не получал от нее никакой помощи.¹⁴

Примечательно, что в официальном обвинении отсутствовало утверждение о том, что Унгерн был прямым агентом Японии. Официально он был обвинен только в пособничестве осуществлению захватнических планов этой страны, для чего в то время, когда продолжалась гражданская война и японская оккупация Приморья, было достаточно оснований. В частности, никто из современных исследователей не оспаривает тот факт, что правящие круги Японии в своих планах оккупации Сибири и Дальнего Востока учитывали новую ситуацию, которая сложилась после того, как Унгерн со своей дивизией вторгся на территорию Монголии, разбил китайские войска и 4 февраля 1921 г. занял Ургу.

Вместе с тем Е.А.Белов оспаривает в своей монографии получившие широкое распространение в советской и монгольской историографии тезисы о том, что Унгерн проводил "насильственную мобилизацию" монголов, что правительство, созданное в начале марта 1920 г., было "марионеточным правительством" Унгерна, что последний был диктатором Монголии. По его мнению, "все это неточно и неверно. Ни "насильственной мобилизации", ни мобилизации вообще монголов Унгерн не проводил. Монголы присоединялись к нему добровольно или шли в его войско по мобилизации Богдо-хана или по приказам ханов аймаков. Правительство создавалось не по указке Унгерна, а самостоятельно Джебцзун-Дамба-хутухтой" (с. 8, 53-54 и др.). Эти утверждения автора представляются нам не совсем точными. В частности, он противоречит сам себе, признавая, что в первый месяц после захвата Урги и до возведения Джебцзундамба-хутухты на престол Богдо-хана и создания нового автономного правительства Унгерн действительно был диктатором в городе и его окрестностях, а после этого "оставался диктатором в отношении лишь своей дивизии, китайских пленных и пленных красноармейцев" (там же). Иначе говоря, автор не сомневается, что само понятие "диктатор" вполне оправданно в применении к Унгерну, но только не к его отношению к монголам, к которым в целом он испытывал симпатию. Е.А.Белов прав в том смысле, что до недавнего времени в советской литературе преобладало представление о том, что Унгерн был единоличным узурпатором власти, диктатором, верховным правителем всей Внешней Монголии. Формально главным государственным и духовным руководителем монголов оставался Джебцзундамба-хутухта, и Унгерн признавал его верховенство.

Действительно, принимая во внимание большие заслуги Унгерна в освобождении его лично из-под китайского ареста, в разгроме китайских войск и освобождении столицы Монголии Урги, в восстановлении государственного устройства, существовавшего в период автономии (1915-1919 гг. — В.Г.), в том числе его самого на престоле Богдо-хана, в феврале 1921 г. Джебцзундамба-хутухта присвоил ему высокие титулы и звания, а также издал специальный указ, обязывающий всех глав местных администраций, чиновников и аратов, в случае необходимости, без промедления и проволочек оказывать всяческое содействие русскому командиру барону Унгерну в мобилизации солдат, средств передвижения и снаряжения на всей подвластной Богдо-хану территории Монголии.¹⁵ Безусловно, Унгерн максимально использовал это свое право, чем вызвал рост недовольства со стороны местного населения и резкую перемену отношения к нему и его войскам. Это послужило, как признал на суде сам Унгерн, одной из основных причин его окончательного поражения.

Обращают на себя внимание также существенные расхождения во мнениях между Е.А.Беловым и рядом монгольских историков по проблеме формирования нового автономного правительства. Е.А.Белов, приводя свои данные, ссылается на материалы российского архива, однако, на наш взгляд, в данном случае приоритет, видимо, следует отдать монгольским архивам и историкам, в частности, С.Дамдинсурэну, поскольку он сослался на свидетельства очевидца тех событий, монгольского историка Н.Магсаржава.¹⁶ В связи с этим возникает вопрос о степени достоверности и точности ряда сведений, хранящихся в российских архивах, и о необходимости их сопоставлять и перепроверять с аналогичными материалами, хранящимися в архивохранилищах Монголии, Китая, Японии и других стран.

Высказанные отдельные замечания и пожелания ни в коей мере не снижают общую высокую оценку последней монографии известного историка-китаеведа Е.А.Белова. Несомненно, она представляет собой новое, оригинальное, самостоятельное, интересное и полезное исследование биографии, идеологии и военных походов барона Унгерна фон Штернберга в Монголии и Советской России в 1920-1921 гг., основанное на тщательном изучении широкого круга русскоязычных архивных материалов и литературы, на новом, критическом подходе к работам предшественников и выполненное на высоком профессиональном уровне.

не. Вне всякого сомнения, книга вызовет большой интерес не только историков и востоковедов, но и широкого круга читателей,

интересующихся историей России и ее взаимоотношений с Монголией и Китаем в первой трети XX века.

© 2004

В. Грайворонский,
доктор исторических наук

1. Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911-1915 гг. М., 1997; Он же. Россия и Монголия (1911-1919 гг.). М., 1999; Он же. Краткая история Синьхайской революции (1911-1913 гг.). М., 2001.
2. Шумяцкий Б. Коммунистический интернационал на Дальнем Востоке // Народы Дальнего Востока. 1921. № 1; Он же. "Патриотизм" русской интеллигенции на службе у того, кто платит дорожку // Народы Дальнего Востока. 1921. № 2; Ярославский Ем. Барон Роман Унгерн фон Штернберг. Пг., 1922; Цибилов Б. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ, 1947; История Монгольской Народной Республики. Изд. 1-е (1954); 2-е (1969); 3-е (1983); Кислов А. Ликвидация Унгерна // Война и революция. 1931. № 3; Он же. Разгром Унгерна. М., 1964; Кунгуров Г.Ф., Сороковиков И.А. Аратская революция. Исторический очерк. Иркутск, 1957; Ширэндэв Б. Монгол ардын хувьсгалын туух [История монгольской народной революции]. УБ., Изд. 1-е (1970), 2-е (1999); Ширэндэв Б. История монгольской народной революции 1921 г. М., 1971 и др.
3. Юзефович Л. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф.Унгерна-Штернберга). М., 1971 и др.
4. Рощин С. К. Унгерн в Монголии // Восток. 1998. № 6. Он же. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). М., 1999.
5. Белов Е.А. Одиссея барона Унгерна // Азия и Африка сегодня. 2001. № 9; Он же. Был ли Унгерн агентом Японии? // Китай, Россия, АТР и перспективы межцивилизационных отношений в XXI в. Ч.2. М., 2001; Он же. Политические взгляды и деятельность барона Унгерна // Восточный архив. № 6-7. 2001.
6. Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. М., 2000 и др.
7. Батбаяр Ц. Кодама, Мицуй пуус, Хурээнд байсан япончууд: 1911-1921 [Кодама, фирма Мицуи и японцы в Курэне. 1911-1921 гг]. УБ., 1993; Он же. Монгол ба Япон XX зууны эхний хагаст /Монголын улс төрийн гадаад харилцааны туухээс/. [Монголия и Япония в первой половине XX века. Из истории внешнеполитических отношений Монголии]. Улаанбаатар, 1998. Он же. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ, 2002 и др.
8. Дамдинсүрэн С. Монголын тусгаар тогтнол: эрин зууны баталгаажилт [Независимость Монголии: гарантии протяженностью в век]. УБ., 2001.
9. Белов Е.А. Барон Унгерн ... С. 7.
10. Там же. С. 76-77.
11. Батбаяр Ц. Монгол ба Япон XX зууны эхэн хагаст. С. 40.
12. Там же. С. 41.
13. Там же.
14. Белов Е.А. Барон Унгерн... С. 75-80.
15. Масаржав Н. Монгол улсын шинэ туух [Новая история Монголии]. УБ., 1994. С. 192-193.
16. Там же.

**Китайская лирика. Золотая серия китайской литературы:
Северо-запад пресс. СПб, 2003. 57 с.
Перевод, предисловие, комментарии М.Басманова.**

"Голос яшмовой флейты слышу" — этой строкой из прекрасного стихотворения поэтессы XIX в. У Сян озаглавил свое предисловие переводчик М. Басманов. К своей книге переводов он шел долгой дорогой длиною в целую жизнь.

Серьезной заявкой и многообещающим началом было его участие в антологии переводов китайской классической поэзии эпохи Тан, которая была издана в 1956 году. Там были впервые опубликованы его переводы поэта V века Вэнь Тинъюня и теперь, через 47 лет, прекрасная поэзия Вэнь Тинъюня украшает сборник китайской лирики. Это завидный пример верности однажды избранной теме и собственному дарованию.

М.И. Басманов — сам поэт, причем именно лирический поэт. Неслучайно его переводы получили название "Лирика". Всю жизнь он выбирал для своего переводческого труда близкие ему по духу стихи китайских поэтов, тем более, что китайская классическая поэзия чрезвычайно богата, поэтому выбор был безгранично широк.

Важным шагом для переводчика стал переход от танской поэзии Вэнь Тинъюня к переводам сунских поэтов 10-13 веков. Он участвовал в поэтическом сборнике "Поэзия эпохи Сун" (М., 1959) и навсегда увлекся сунской поэзией. Затем последовали книги его собственных переводов из Синь Цици (Стихи 1961 и второе издание 1985) и Ли Цинчжао (1970). Стихи великой поэтессы сунского Китая стали любимым предметом для переводчика. М. Басманов систематически переводил классические стихи жанра *цы*, в котором блистала Ли Цинчжао, и вообще женскую поэзию древнего Китая.

Ли Цинчжао пришлось пережить годину народного бедствия, когда под нашествием кочевников рухнуло сунское царство, и от былой роскоши оставалось лишь окрашенное ностальгией воспоминание в стихах:

*А в мыслях — процветающий Чжунчжоу,
Чреда ничем не омраченных дней.*

*Мне праздники весны под отчим кровом
С годами все дороже, все родней.
Усыпанные жемчугом уборы,
И камни изумрудные в косе,
И золотые на шелках узоры,
И состязанье в блеске и красе. (С. 303)*

М. Басманов убежден, что русская поэзия требует рифмы, пусть даже и совсем иной, чем у древней китайской поэзии, которая обязательно рифмована, но совсем не так, как поэзия русская. Хотя в русской поэзии можно встретить поэтические изыски, когда все стихотворение от начала и до конца написано в единой рифме, но по-русски это выглядит вычурно и непривлекательно. Переводы М. Басманова не копируют ни китайскую рифму, ни тональную мелодику китайского стиха, а направлены на достижение поэтичности русского перевода средствами русской поэзии. В этом секрет популярности переводчика у отечественного читателя. В своем предисловии поэт сам сказал, что сборник "Китайская лирика" знакомит с лучшими образцами китайского лирического жанра *цы* (С. 5). Это китайская любовная поэзия. В 1926 году акад. В.М.Алексеев говорил в своей лекции в Коллеж де Франс в Париже: "В столь сложном цивилизованном комплексе, каковым является китайская цивилизация, и в литературе, полностью ее отражающей, такое поэтическое чувство, как любовь, не могло не проявиться в виде самой тонкой поэзии. Рядом с классическими *ши* существовали стихи эротические (любовные) — *цы*, распространенность которых была весьма значительна. Так что когда поэта называют *ши* жэнь, то подразумевают также *цы* жэнь (Кн. 1. С. 137)".

Сам В.М.Алексеев обычно предпочитал переводить поэзию жанра *ши*, избегая переводов любовной поэзии *цы*; когда же обращался к сунским поэтам, то, в отличие от М. Басманова, переводил их белым стихом. Акад. В.М. Алексеев не считал себя поэтом и прямо говорил об этом. Тем замечательнее подаренное нам М. Басмановым собрание китайской лирики в

рифмованном переводе. Ведь это большая разница и для читательского поэтического восприятия, и для самого переводчика. Уместно будет напомнить знаменитые слова автора "Евгения Онегина", что между романом и романом в стихах — дьявольская разница!

В переведенной М.Басмановым антологии — не боимся этого термина для замечательного труда! — представлено 88 поэтов за 2000 лет литературной истории. Преобладает любимый переводчиком жанр *цы*, песенного романса, исполнявшегося всегда под аккомпанемент лютни, флейты или цинь-гуслей, причем создавалось произведение всегда на заранее известную мелодию, название которой обязательно указывалось поэтом. Если сравнивать с современностью, то, по-моему, песни наших бардов можно отнести к одному жанру с поэзией *цы*, и даже манера исполнения была схожа: хриплый мужественный голос поэтических обличий Высоцкого можно сопоставить с патристическими стихами древних Синь Цици и Юэ Фэя, а грустную задумчивость Окуджавы — с лирикой Ли Цинчао, потому что, в восприятии русского читателя все поэты, разных времен и разных стран, принадлежат к одной стране: поэзии.

В антологии китайской лирики представлены стихи более шестидесяти поэтов. Женская поэзия была в классической поэзии Китая важной составной частью. Ступенью к созданию нынешней антологии для переводчика явился сборник "Встречи и расставания. Лирика китайских поэтов 1-20 веков" (М. 1993). В этой области М. Басманов является пионером перевода; его книжка китайской женской лирики была первой в России и, естественно, явилась украшением нынешней антологии. Поэты писали в основном в жанре *цы*. В предисловии к сборнику 1993 года сам М.Басманов пишет: "В *цы* изложение ведется от первого лица, и лирическим героем в нем выступает сам автор с его настроением и переживаниями, что способствует достижению наибольшей эмоциональности и выразительности стихотворения. Чаще всего в них повествовалось о женской доле, о любви и преданности любимому, о тоске и разлуке (С. 15-16). *Цы* исполнялись под аккомпанемент лютни или флейты. Но уже при династии Мин в 14 веке популярные в прошлом мелодии начали забывать, все меньше и меньше оставалось людей, которые умели

петь *цы* под музыку, и музыкальный романс в позднее время превратился в чисто поэтический, весьма сложный в стихотворном смысле жанр, где от музыки сохранилось только название мелодии, а размер строк и тональность стихотворения подбирались поэтом по старинному образцу, а не под музыку.

Антология китайской лирики в переводах М. Басманова замечательно широким панорамическим эффектом. Если хронологически она охватывает период в две тысячи лет, начиная с династии Хань и до 20-го века, то содержательно она включает стихи не только великих поэтов Ли Бо и Су Ши, но и таких авторов, от которых сохранилось весьма мало произведений, хотя в свое время это были известные люди. Так, любопытно было прочитать в русском переводе стихотворение знаменитой в истории наложницы танского императора Сюаньцзун Ян Гуйфэй, и стихи фрейлин танского императорского двора, которые, помимо чисто лирико-поэтических качеств обладают привлекательной пикантностью в силу исторических обстоятельств.

Зачинателем жанра *цы* в Китае принято называть великого Ли Бо (8 век), хотя и высказываются сомнения, что он был первым, но он первым прославил жанр и придал ему популярность на века вперед. Одно из лучших стихотворений Ли Бо в жанре *цы* теперь украшает антологию М.Басманова и, надо надеяться, оно войдет в золотой фонд русской переводной поэзии:

*Словно затканый в пряди тумана,
Лес вдали, различимый едва.
Берedit в моем сердце раны
Гор холодная синева.
Я на башню поднялся высоко,
Где заполнил все сумрак густой;
Там стою и стою одиноко
Со своею тоской.
И на мрамор белый ступеней
Устремляю задумчивый взгляд.
Шум внезапно возник в отдаленье
— Это птицы в гнезда спешат.
А моя где нынче дорога.
Та, что к дому родному ведет?
И беседок для отдыха много
По дороге путника ждет.*

(Мелодия "Пусамань") /с. 38/

Замечательная антология китайской лирики *цы*, воссозданная искусным мастером на русском языке, представляет

классическое наследие китайской поэзии, которое в Китае не ушло в небытие, а сохранилось и по сей день. В КНР сейчас издаются два центральных поэтических журнала "Шикань" и "Цыкань", и оба можно равнозначно перевести на русский язык термином поэзия. Современный стихотворный жанр *цзы* считается труднейшим в китайской поэзии, требует солидных филологических познаний и работы со специальными справочниками и поэтическими словарями. Для любителей все это имеется в наличии, но спонтанный поэтический порыв у автора умеряется выбором мелодии, подбором под тональный размер и определенной нерушимой разновеликой длиной строф, что накладывает на поэтическую эмоцию серьезную версификаторскую узду и придает произведению привкус искусственности, который очень трудно преодолеть даже крупному дарованию. Привлекательность этого жанра для современного автора прежде всего

в том, что стихотворение *цзы*, если оно выполнено безупречно по форме, наилучшим образом свидетельствует о высокой образованности и начитанности автора. Это своего рода патент на интеллигентность в китайской традиционной культуре. Теперь уже нельзя сказать, что это поэзия второго сорта в ряду других жанров.

Своей полнотой и поэтическим качеством книга переводов М. Басманова представляет нам ту половину китайской поэтической традиции, которая долгое время оставалась для нас малоизвестной, и без которой наше представление о китайской поэзии не может быть полным. Высокие достоинства русского стиха делают труд М. Басманова весомым вкладом в русскую переводческую культуру. Антологии китайской лирики предстоит долгая жизнь, и, явившись на свет, она останется необходимой нашим читателям и в будущем.

© 2004

*А. Желоховцев,
кандидат филологических наук*

-
1. Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. М.: Вост. лит. РАН, 2002.

И.А. Цветова. Эволюция современной партийно-политической системы Японии. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. 200с.

Рецензируемая монография посвящена одному из наиболее сложных аспектов жизни страны в последнее десятилетие прошлого века. В этот период в Японии прекратила действовать так называемая "система 1955 г.". В ее рамках, при парламентской демократии и многопартийности, в стране существовала монополярная власть Либерально-демократической партии Японии, последней противостояла только одна крупная оппозиционная партия — Социалистическая партия Японии. В период действия "системы 1955 года" в стране имели место успешное экономическое развитие и поразительный рост уровня жизни населения. Однако к концу 80-х гг. она практически изжила себя, перестала соответствовать изменившейся международной обстановке (прекращение "холодной войны", а затем распад Советского Союза) и создавала помехи для приспособления Японии к новым внутренним условиям организации государственного управления, особенно в области экономики. После 1993 года в Японии наблюдается переход к практике сменяемости правящих партий, к коалиционному правлению, а также попытки учреждения системы двух крупных политических партий, взаимно оспаривающих власть. Все эти процессы подробно рассматриваются в работе.

Одно из достоинств рецензируемой книги состоит в том, что изменения в партийно-политической жизни Японии рассматриваются в ней в связи с процессами интернационализации и глобализации, при сопоставлении реалий этой страны с международным опытом и с учетом влияния, который этот опыт оказывает на японских политиков. Политический истеблишмент Японии добивается изменений в партийно-политической системе прежде всего потому, что считает такие изменения предпосылкой глубоких реформ в направлении ослабления в экономике государственного регулирования и патернализма, ведомственной опеки над отраслями и предприятиями и осуществления концепции "малого правительства". При

этом сторонники реформ ориентируются на пример США. С другой стороны, автор показывает, что японские политические деятели, предпринимая серьезные шаги по изменению партийной системы, также руководствуются зарубежными образцами. Так, излагая кредо Н. Кан, одного из лидеров крупнейшей оппозиционной политической организации — Демократической партии — И.А. Цветова приводит следующую выдержку из его статьи: "либерализм ... является комбинацией политики Демократической партии США в части, касающейся обязательств по обеспечению гражданской свободы, прав человека, охраны окружающей среды, с пониманием социал-демократическими партиями Европы важности социальной справедливости и беспристрастности" (стр.107). Далее, касаясь взглядов другого лидера Демократической партии, Ю. Хатояма, И.А. Цветова отмечает его намерение "осуществить поворот к "сильной экономике", используя неоконсерватизм Тэтчер и попытки Блэра "выработать новый социал-демократический курс в условиях глобализации"" (стр.151).

Результат эволюции партийно-политической системы Японии в основном сводится к двум моментам: Либерал-демократическая партия, оставаясь наиболее влиятельной в стране партией, уже не может единолично осуществлять власть и нуждается в партнерах по правящей коалиции; в качестве главной силы оппозиции вместо СПЯ в настоящее время выступает вновь созданная Демократическая партия, в которой многие руководящие посты занимают бывшие либерал-демократы.

Автор отмечает, что изменения партийной системы Японии не сопровождались социальными катаклизмами, происходили в рамках сложившейся в стране в послевоенный период демократической структуры и в основном содействовали ее совершенствованию. Он приходит к выводу о том, что японская политическая система представляет собой динамическую систему, стабильность которой является ре-

зультатом постоянного процесса обновления.

И.А. Цветова подробно описывает основные события политической жизни Японии в 1989-2001 гг. в их хронологической последовательности — парламентские выборы, формирование правительств, расколы в партиях и создание новых организаций. При этом на основе глубокого анализа партийных документов, материалов японской прессы и монографий разбирается развитие обстановки во всех политических партиях, подробно излагаются их политические позиции и положения программ.

В мае 1992 года по инициативе и под руководством политического деятеля из ЛДП М.Хосокава была образована Новая партия Японии. В июне 1993 года десять парламентариев — бывших членов ЛДП вышли из нее и объявили о создании новой партии — Сакигакэ. На следующий день 43 парламентария ЛДП подали заявление о выходе из партии и начали подготовку к созданию новой Партии обновления. Все три упомянутые партии с августа 1993 по апрель 1994 года действовали в составе правящей коалиции, которой противостояла ЛДП, а в конце 1994 года были распущены и вошли в состав новой оппозиционной партии — Партии новых рубежей.

Расколы, создание новых объединений, ликвидация недолго просуществовавших партий ...В этой череде событий, в часто меняющейся обстановке трудно выявить основной вектор развития, отдельные шаги политических деятелей по реформированию партийной системы Японии на первый взгляд кажутся излишними и выглядят как непозволительная роскошь для общества. И. А. Цветова дает убедительный анализ формирования новых партий, показывая этот процесс как естественный результат политического процесса, профессиональной деятельности японских политиков и реакции на нее избирателей.

Автор делает вывод, что массовый исход парламентариев из ЛДП в 1992 и 1993 гг. был проявлением ее острого кризиса, результатом самодовольства и самоуспокоенности, сложившихся под влиянием успехов, которых ЛДП достигла в предшествовавший период бессменного правления. В ЛДП издавна была широко распространена коррупция, но либерал-демократы игнорировали значение морально-нравственного фактора. Политики, покинувшие ЛДП и сформировавшие новые партии, учитывали растущую демократизацию японского общества и поэтому стремились отмежеваться от корруп-

ции и других застойных явлений в ЛДП и выдвигали лозунги политических реформ.

В ходе преобразования партийно-политической системы и системы выборов в Японии имеет место борьба двух точек зрения о наиболее целесообразном для страны варианте парламентской демократии. Одна часть политиков отдает предпочтение системе, при которой две крупные партии, пользующиеся наибольшей поддержкой избирателей, боролись бы и сменяли друг друга во власти. Создатели и руководители Партии новых рубежей, существовавшей с декабря 1994 г. до конца 1997 г., рассчитывали, что именно она станет вторым, наряду с ЛДП, полюсом политических сил страны. Положение второй крупной партии Японии сегодня отстывает и Демократическая партия, возникшая в сентябре 1996 года. Сторонники двухпартийной системы, при которой решающим фактором является воля простого большинства населения, утверждают, что такая система обеспечивает сильное политическое руководство и принятие своевременных и масштабных решений в условиях быстро меняющейся обстановки в стране и на международной арене. Последователи такой позиции ссылаются на двухпартийную систему США.

С другой стороны, многие японские политики считают необходимым сохранить многопартийность и правление, по возможности приближающееся к консенсусному. Автор разделяет эту точку зрения и делает попытку доказать, что консенсусное правление отвечает менталитету и традициям японского общества, для которого характерно стремление к согласию на основе компромисса и к гармонии. Опровергая доводы поборников двухпартийной системы о минусах коалиционного правления, И.А. Цветова указывает на положительные результаты, достигнутые во время пребывания у власти коалиции партий: "В стране была проведена политическая реформа, которая стимулировала процесс партийной перестройки... Следствием коалиционного правления стало повышение прозрачности для общества процесса принятия политических решений, ранее скрытого за кулисами межфракционного соперничества и сговора внутри одной правящей партии...С момента перехода к коалиционному правлению наблюдаются признаки определенной политико-культурной интеграции японского общества" (стр.175-176).

Состоявшиеся 9 ноября 2003 г. выбо-

ры в палату представителей парламента все же явились заметным шагом в сторону формирования в Японии системы двух крупных партий, Демократическая партия обрела значительно больше возможностей для соперничества с ЛДП, чем имели в свое время японские социалисты. Несмотря на дальнейшее серьезное отступление коммунистов и социал-демократов парламент остается многопартийным, а правление коалиционным.

Автор дает объективную оценку основным политическим партиям Японии. Так, касаясь Либерально-демократической партии Японии, И.А. Цветова отмечает, что даже в период бессменного пребывания у власти эта партия не игнорировала мнение парламентского меньшинства, воздерживалась от шагов по ограничению демократии, по пересмотру пацифистского курса в обеспечении безопасности страны. "Хотя ЛДП и отдавала приоритет связям с финансово-промышленными кругами, она, провозгласив себя "народной партией" и действуя в правовых рамках демократической конституции, не могла допустить игнорирования интересов других слоев города и деревни, составляющих основную массу населения" — подчеркивает исследователь (стр. 172). Интересны приведенные в работе характеристики ряда видных политических деятелей консервативного лагеря. В частности, запоминается политический портрет склонного к авторитарной манере руководства и популизму, и в то же время обладающего харизмой И.Одзава, который в последнее десятилетие выступает "возмутителем спокойствия" на политической арене Японии.

Вместе с тем автор уделяет большое внимание и левой части политического спектра страны, прежде всего Коммунистической партии, а также Социалистической партии Японии и ее наследнице Социал-демократической партии.

Распад СССР и мировой системы социализма создали неблагоприятную внешнеполитическую обстановку для деятельности этих партий. Но КПЯ начиная с 60-х гг. прошлого века проводила курс дистанцирования от КПСС, а после событий начала 1990-х гг., воспринимавшихся в Японии как "поражение социализма", модернизировала свои программные документы и в результате смогла сохранить свой немногочисленный электорат. Что касается СПЯ — ведущей в прошлом оппозиционной партии, поддерживавшей

близкие отношения с КПСС и КПК, то она в полной мере испытала отрицательное воздействие провала концепции "реального социализма". В Японии действительно ослабел интерес к социалистической идее, СПЯ терпела серьезные поражения на выборах, даже участвуя в 1993-1996 в гг. в составе правящей коалиции. Неудачи подтолкнули руководство партии к радикальному пересмотру ее программы и к переформированию СПЯ в январе 1966 г. в новое политическое образование — Социал-демократическую партию, в установочных документах которой уже отсутствовало толкование термина "социал-демократия". Такой поворот оттолкнул от СДП часть традиционного электората из числа сочувствующих социалистическим идеям: эти люди восприняли преобразование СПЯ в СДП как "предательство" и "отступничество от исходных принципов". С другой стороны, не оправдались расчеты создателей новой партии на привлечение новых сторонников либеральной и демократической ориентации. На примере СПЯ и СДП автор убедительно обосновывает принципиальное положение о пагубности для партий отказа от своей политической самостоятельности: "Ради сохранения коалиции с ЛДП социал-демократы не только шли на принципиальные уступки, но и уклонялись от откровенных и убедительных разъяснений своему традиционному электорату, в чем правительственный курс отражает их цели и задачи, а в чем они не согласны с партнерами по власти. Более того, СДП продолжала считать себя "правящей партией", осуществлять "внеправительственное сотрудничество" с властью даже после того, как либерал-демократы сформировали практически однопартийное правительство. Результатом стало катастрофическое для нее поражение на парламентских выборах" (стр.177-178). Однако автор подчеркивает: "...В различных кругах японского общества признают, что отгеснение социал-демократии с переднего края борьбы за определение государственной политики является большим минусом, не способствует прогрессивному развитию страны, нахождению баланса интересов различных слоев населения"(стр. 179).

Специальная глава рецензируемой монографии посвящена проблеме пересмотра конституции в политической жизни Японии. Особое внимание автора к этому вопросу закономерно: принятый в 1947 году, в период демократизации Японии в

условиях американской оккупации основной закон страны, в силу его демократического и миролюбивого характера, играет роль прочного фундамента демократического строя и миролюбивой внешней политики страны. В Японии растет число граждан, выступающих за пересмотр конституции, в частности, ее 9 статьи, провозгласившей отказ от войны как средства разрешения международных споров. Сторонники пересмотра утверждают, что конституция в ее нынешнем виде не приемлема, поскольку была навязана извне, что сегодня она не позволяет Японии вносить соответствующий ее экономическому и политическому весу вклад в обеспечение международной безопасности и исключает право на оборону государства. Мнение этой части японского общества выражают прежде всего консервативные политические партии. С другой стороны, защитники конституции исходят из того, что она принесла народу Японии ощутимые плоды: отказ от тоталитарной формы власти в пользу демократии, разрыв с милитаристским прошлым, освобождение экономики страны от бремени чрезмерных военных расходов, и, как следствие, впечатляющий рост жизненного уровня населения. Наиболее последовательно выступают за сохранение конституции КПЯ и СДП. Хотя консерваторы имеют внушительное преимущество на политической арене, до настоящего времени они не использовали его для форсирования пересмотра основного закона, ограничиваясь организацией изучения этой проблемы в парламенте. И.А. Цветова подчеркивает, что «Япония показывает пример острой

политической борьбы вокруг конституции, но одновременно осторожности, терпеливого изучения сохраняющихся возможностей конституции и прогнозирования вероятных последствий ее изменения, систематического обращения к изучению общественного мнения по этому важному, судьбоносному для страны вопросу» (стр.169).

Наряду с партиями важнейшим игроком на политической арене Японии выступает массовый избиратель — высокообразованный, политически грамотный и искушенный. Очевидно, эволюция происходит и в позиции, поведении и политической культуре избирателя, именно рост его требований вынуждает политиков совершенствовать свою деятельность. В работе И.А. Цветовой основные события политической жизни Японии в последнее десятилетие прошлого века анализируются в свете реакции на него общественного мнения и голосования массового избирателя. Этот главный герой, конечно, присутствует в монографии, его «дыхание» постоянно ощущается. Представляется, что рецензируемая работа была бы полнее, если бы содержала раздел, посвященный анализу изменений в политической культуре массового японского электората.

В целом, рецензируемая монография представляет собой этапный труд, результат глубокого и вдумчивого изучения сложных проблем политического развития страны. Она представляет большой интерес для исследователей, является ценным учебным пособием для студентов-японистов. Книга заслуживает высокой оценки как серьезный вклад ученого в японоведение и политологию.

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Сдано в набор 20.06.2004 г. Подписано к печати 15.07.2004 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 14,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,7. Бум. л. 6,0
Тираж 919 экз. Зак. 8487

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-gas.ru

Оригинал-макет © 2004 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: (095) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.